

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

ISSN 0321-3803 Январь, 1990 г.

СМ

В защиту
нескромности

«Дубинки»
и «мундиры»

Свои проблемы решим
сами!

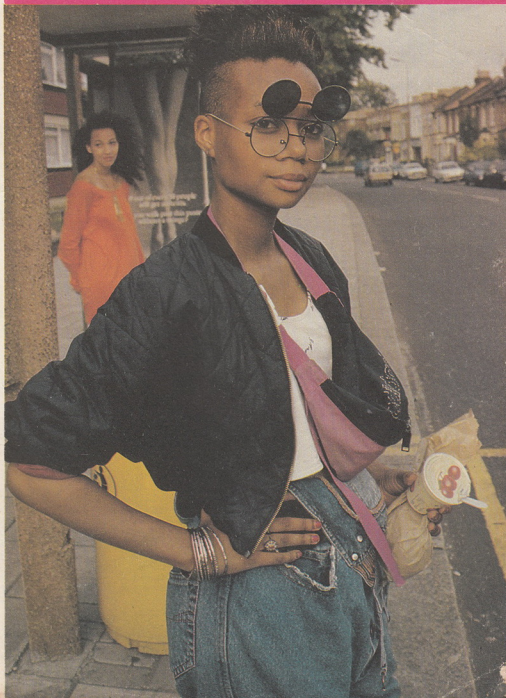
События на
площади
Тяньаньмэнь

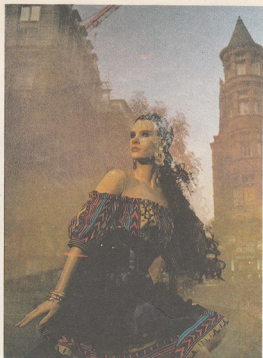
Обратимость рубля —
мифы и реальность

Вирус-метитель
Инженеры дорожат...

МЭРИ ЭНН РОБЕРТСОН, СТУДЕНТКА ОКСФОРДА

ФОТО АЛЕКСЕЯ ВЕЙЦЛЕРА

ПУТЕШЕСТВИЯ

Наедине с Лондоном

Алексей Вейцлер

ЛОНДОН

«Шасси!..»

...А за окном кабины — знакомый с детства лондонский изгиб Темзы. Но это уже не карта в постылом учебнике английского языка, не зачитанный в пух и прах роман Вальтера Скотта, не песня «Роллингов» и не фильм о приключениях Джеймса Бонда... Рядом с драгоценной резной табакеркой Вестминстера — бегущие бусинки автомобилей, белые паромы на реке... Плывет под брюхом нашего ТВ суматоха английского полудня. И никаких туманов, а только солнце, зайцами скачущее по городу.

«Четыре! Три! Два! Один!» — посадочная полоса

налетела мгновенно и жутко. Громыхнули по бетону колеса, с тенора пережда на бас, потух двигатель. Штурвал, попросту обмотанный изолентой и от этого смахивающий на баранку полуторки, замер в веснушчатых руках командира. Он обернулся с розовой улыбкой на лице. «Долетели, — нарочито небрежно констатировал штурман. Он снял наушники и поправил свой щегольской прибор. — Всего делов-то...»

...А я уже плыву в тысячейловой толпе по самому центру, по Оксфорд-стрит... Я иголка в стого сена. Я одинокий ковбой, печатающий скошенными каблуками Путь в Неизвестность. Я могу исчезнуть, про-

пасть навсегда в этом вавилонском столпотворении. И пока ловлю от этого кайф.

Вопросы философии

Приятно хрустеть в кармане фунтами и долларами, без всякого страха, что у тебя потребуют разрешение на обладание валютой. И за пристаивание к иностранцам никто не схватит за рукав, не будет пугать тюрьмой и обыскивать — да и найти неинтересно на Оксфорд-стрит тяжело, разве что какого-нибудь югослава, в Москве важного и заграничного, а здесь родного: при первом звуке славянской речи кидается в объятия.

В общем, если не считать кавардака реклам, избытка всевозможностей на витринах да еще изобилия покачивающих стройными бедрами мулаток: коричневых, но зеленоглазых с прямыми носиками, ровными волосами и бабочками ярко-розовых губ, — жизнь такая же, как в Москве. Различие в деталях: мусор, валяющийся на тротуаре, поестрее (наших бы сюда детишек, которые фантики коллекционируют!), нищие и бомжи одеты во все «фирменное», двери автомобилей можно не закрывать на ключ, когда выбегаешь за газетой (здесь вместо газеты некоторые покупают «Плэйбой»), но зато упаси Бог положить бумажник

Продетари всех стран,
соединяйтесь!

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1990, № 1, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев
Редакция:
Георгий Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Ярослав Микуняк
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Решина
(ответственный секретарь),
Сергей Суятин,
Илья Толстой,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский,
Михаил Щипанов

Главный художник
А. Архутин
Художественный редактор
К. Кухтин
Технический редактор
Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан».
Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71

Сдано в набор 24.10.89. Подп. в печ. 06.12.89. А13171. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1 125 000 экз. (500 001—1 125 000 экз.). Заказ 334. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сушевская ул., д. 21.

© «Студенческий меридиан», 1990 г.

ROCK

в задний карман джинсов — как ветром сдует. Сиютят туда-сюда людишки по Оксфорд-стрит, и желания у них совершенно такие же, как у наших на Арбате или Невском... Смотрю в мелькающие лица и думаю о том, какими счастливыми мы росли. Жили себе за «железным» занавесом, в ус не дули, радовались мелочам, дарили друг другу жевательную резинку, привезенную чьим-нибудь привилегированным папой, и знали, что где-то есть обетованные земли, что пропагандисты-международники нам о них врут (чернят из зависти и по службе), что там нет сложностей и все ходят в белых штанах. А теперь потихоньку выясняется, что многие из проблем, которые мы считали исконно советскими, — проблемы общечеловеческие, общемировые. Хотя разница в деталях, повторяю, конечно, есть. И они иногда решают все...

Но то, что жить нашему брату в России свойственней, — так это факт. Нету на Оксфорд-стрит российского размаха, святой обломовщины, лихости, удали и души... Воли б еще

нам — и ничего на свете не надо.

Профессионалы и любители

На Кэнэби-стрит тусуются панки со всех континентов — съехались на родину рока. В такую жару томят себя мотоциклетными кожаными куртками, гримом, разноцветными гребешками волос — ничего не поделаешь, парадная униформа. Хочешь сфотографировать — плати фунт. Не заплатишь — исподтишка швырнут консервной банкой по объективу. «Мы тоже хотим есть, дядя», — каючат, глазенки наметанные шарят по одежде. Сади дергают за штаны. Оборачиваюсь. Батюшки! Не наши ли московские цыганки?! Босиком, с грудными карапузами за спиной — целый табор.

Вообще в Лондоне милостливо просить нельзя, запрещено законом. Поэтому нищие, слепые и калеки торчат на улицах с лотками спичек. «Купите, Христа ради, настоящие, ливерпульские, серые...» Условность. Официальная версия.

«Ах, ты...» — и отборные ру-

гательства в спину... Это бывает, если золотозубым несчастным отказать в подношении. Кроют последними английскими словами. Но против моего ответного слова редко могут устоять — русский язык выразителен. Им с нами тягаться, как трехлинейке с фаустпатроном.

Пиккадилли! Обетованное место. Туристическая Мекка. Малосенькая площадь — гигантские рекламы. Старинный фонтан, увенчанный крылатым покровителем тайн, целящимся из лука в продавца мороженого. Лужи, цветные от отражений — кровавые, зеленые, золотые. Вежливо пропускающие пешеходов двухэтажные красные автобусы и не менее легендарные старомодные черные «кэбы» — такси. (Самое главное — не угодить под колеса, ведь где у нас лево, в Лондоне — право, и наоборот.) На ступенях фонтана Пиккадилли панки на вахте, сидят себе дни напролет, украшают собою город, попивают пиво из банок, вино из бутылок, плюются, показывают друг другу цветные татуировки. Но ведут себя тихо, ведь стоит им только подумать о драке —

появляются «бобби» — английские полисмены в белых рубашках, черных галстуках, высоких касках, на ходу выпрыгивают из машин, по-десантному блокируют квадрат и не церемонятся — крутят, лупят, тащат. Недаром Лондон признан статистикой самым безопасным городом в мире. Пройтись по ночному Сохо — самому злачному кварталу столицы Альбиона гораздо спокойней, чем по московским дворам в пятницу, когда наш народ «гуляет».

Дом с привидениями

— Где же вы, сэр?! — возмущался английский коллега,

встречая меня подле сияющего синими зеркалами стен дворца журнала «Обсервер». — Мы совершенно вас потеряли... — автомобиль у коллеги скромный, даже с парашютой на двери. — Нет, не сюда, — он вежливо берет меня за локоть, ибо я стремлюсь сесть на водительское место.

Несколько минут, и мы, свернув на тихую улочку, среди прочих особняков и особнячков с травкой, палисадниками и кирпичными каминными трубами находим дом, который должен стать на долгие дни моим лондонским пристанищем.

— Один из наших друзей, ныне находящийся в далекой и длительной командировке, предоставляет свое жилище вам, вот ключи. Кормить котов приходит специально женщина.

— Вы хотите сказать, что мне придется жить одному в таком большом доме?

— Вы имеете полное право жить не один, — коллега загорнично ухмыльнулся и с сознанием выполненного долга исчез на скромном автомобиле...

Я рассеянно бродил по зданию, вполне пригодному для

размещения районного исполкома, по этажам и балконам, по спальням и ванным, среди мрачноватых старинных портретов, таинственных дверок, запертых на ключ. Не раз еще мне вспомнится здесь маленькая моя квартира в Чертанове, а заодно и рассказы Эдгара По, фильмы ужасов, собака Баскервилей... Тем более что все шесть хозяйских котиков оказались черными, и их любимейшим развлечением было орать в темноте.

Но чего только не выносит журналист в борьбе за материал ради верных своих читателей...

Комбинации на Карфэксе

Однажды вечером я оказался в Оксфорде. Как? С каждым случается. В детективах обычно пишут — «потерял контроль над собой», «расслабился», «поддался», «не устоял» и пр. Прекрасные глаза итальянской девушки заставили меня совершенно забыть о времени, и только на площади Карфэкс перед часами, любимым местом полуночных гуляний оксфордских студентов, я понял, что опоздал на последний лондонский автобус.

Ночь густела, подул ветер, а я сидел в закрывающемся «Макдоналдсе» и волновался: денег с собой было мало, на гостиницу не хватит, а шататься по городу в одной тоненькой майке с эмблемой «Студенческого меридиана» было холодно. Да еще группа сильно клюкнущих наркоманов из числа агрессивных явно положила на меня свой голубой, по-женски накрашенный глаз. Надо было комбинировать.

И ведь была у меня в Оксфорде знакомая, наша девица замужем, — я звонил ей из Лондона, передал привет от друзей. Радужная такая, веселая. А тут набрал номер, говорю «пусти переночевать», — она разозлилась: «Извини, дружок, это тебе не Россия, не советское всенародное общежитие граждан». — «Но за мной какая-то компания увязалась... Лидя... мне кажется, я в опасности... и холодно». — «У нас, дорогой, у англичан, со-о-овсем другие традиции. И не забывай, что здесь живет еще мой муж».

Вот так. «Макдоналдс» закрывается... То есть не закрывается только из-за меня: десять человек обслуживающего персонала терпеливо и устало ждут, пока последний посетитель в майке с непонятной эмблемой «Ст. М.» допьет на-конец чай...

Когда я вышел на площадь, молодежь уже расходилась парочками и группами — скоро, кроме меня и агрессивной компании, здесь не останется никого. Нужно что-то решать. Звонить в Лондон из Оксфорда дорого, деньги нужны на автобус. И тут я увидел двух ребят с радиотелефоном — они стояли рядом с лавочкой видеокассет, и из-за их спины выглядывал с огромного плаката давний мой знакомый Арнольд Шварцнеггер в форме капитана советской милиции (см. «Ст. М.» № 7, 1988). Идея пришла мгновенно, и я уже протягивал руку к телефону, усталым, предельно серьезным взглядом всматриваясь в глаза подростков. Мой голос был тих и полон металла: «Я из советской милиции... срочно нужно связаться с Центром...» Они так и простояли, открыв рты, пока я звонил. А звонил я долго, никого не мог застать и, наконец, набрал последний имеющийся у меня номер — телефон Бернарда Шоу, солиста «Юрай Хип» — первой настоящей рок-группы, посетившей Союз в 88-м (см. «Ст. М.» № 4, 1988): «Помните Москву, концерт в «Олимпийском», интервью молодежного журнала?..» Бернаи приехал за мной, усталый и сонный, часа через полтора. Я ждал его, прохаживаясь по Карфэксу в обществе наркоманов, которые, прослышав, что я русский полицейский, сменили агрессивность на любопытство, доброжелательно уговаривая меня уколиться для снятия стресса, и предложили показать пистолет.

«Всем привет с Петровки!» — сказал я в заключение, залезая в старенький «мерседес» солиста.

«Спасибо, Бернаи». «Не за что, — улынулся косматый певец, поддавая газу. — Гостеприимство — английская традиция...»

Продолжение следует

Устал от обещаний

Я потерял веру в светлое будущее. «Эка невидаль», — скажут мне.

На что мне эта вера, если она ничего не может изменить? Разве сумел бы я с ее подачи избавиться от прописки, получить жилье? Или с ее помощью «пробить» границы и посмотреть, как живут люди там, «где нас нет»? А может, она заслонила бы меня от ежедневного хамства, унижения и несправедливости?

Старшие говорят мне: «Все в ваших руках. Кому, как не молодым, строить мир по собственному разумению? Стройте и живите как захочется». Спасибо за доверие. Отцы, значит, наломали дров, разворотили жилище, оставили нас без крыши над головой, а я — строй. И где гарантия, что вы не разрушите то, что я начну строить?!

Нет уж, давайте сами. Это вам по плечу. Постарайтесь сделать так, чтобы вашим детям было где жить, чтобы ваши дети могли учиться, а не таскать кирпичи на очередной доллострой.

Не надо дразнить меня недоверием — «молод, дескать, еще!», заманивать доверием, обещая если не все лучшее (оно пусть останется детям), то хотя бы просто хорошее: «ведье дорогу», простор творческой энергии и прочее. Я не хочу, чтобы обо мне был принят закон, как не хочу быть вне закона, стоять в стороне от реальных прав. Лучше покажите мне пример. Если он будет хорош, я последую ему. А пока договоримся, что я молод еще: так вам спокойнее, да и мне удобнее. Только обещайте не учить меня тому, чему не научились сами: как быть настоящим гражданином и любить Родину. Я не меньше вашего хочу, чтобы ее любили и старые и молодые.

*Дмитрий Андреев,
Москва*

Отметка «за Достоевского»

Мы сейчас проходим «Преступление и наказание». Когда писали ответы на вопросы по вариантам, мне поставили тройку. Тема: каков смысл теории Раскольникова.

Я написала, что теория эта ужасна по своей сути, потому что Раскольников делит людей на два разряда. Обыкновенные должны подчиняться сильному, а необыкновенные (Наполеон) — те, кто в силах сказать свое слово, — могут пойти на все, даже на преступление, если кто-то противится их воле. И это — закономерное явление в жизни необыкновенных людей. Такая теория похожа на фашистскую, и в этом-то весь ужас...

Неужели я что-то не поняла? Прошу вас, помогите. Извините, что даже инициалов не пишу, — сами понимаете...

От редакции. Это письмо (по штемпелю) из Запорожья. Десятый класс «проходит» Достоевского. Готовы ли наши современники, шестнадцатилетнего ребяту, понять ту «пытку мыслью», которой наделяет великий писатель своих героев? И если не понимают, хотя, как видно из письма, пытаются честно разобраться «в вопросе», значит, что-то не в порядке с самой темой тем, и как «видят» Достоевского те, кто составлял учебники литературы, и как преподают по ним в школе?..

Напечатайте фотографию Димы Маликова

Мне восемнадцать. Второй курс политеха. Но речь не об этом. Речь о ней. Она словно помешалась. Сидит и молчит. И если заговорит, то только о нем. И так каждую нашу встречу. Я уже готов возненавидеть этого Диму Маликова. А она, сейчас меня не замечающая, готова расцеловать, если я только принесу фото Димы.

Очень прошу, войдите в мое положение и напечатайте фотографию Маликова. Я так хочу, чтобы она опять меня поцеловала.

Раньше Ольга была веселая. Гуляла со мной, танцевала. Ходили в кино, на вечеринки к друзьям. Ей нравились многие: и Пресняков, и Минаев, и Кузьмин, и Леонтьев, и Бутусов, и Цой... А теперь сидит в кресле с магнитофоном в руках и слушает единственную кассету...

Я ее не очень понимаю. Как можно влюбиться в незнакомого человека? Мне вот тоже нравится Кристина Орбакайте, так что же теперь?

Сергей, г. Красноводск

Кто полетит на Марс?

Психологи вроде бы считают, что на Марс должен лететь экипаж из одних только мужчин. Какая чушь! Лететь на Марс без Них — какое это уродство!

Полагаю, что полетят пятеро: трое «азлитчиков» и две «азлитчицы».

Что думают об этом ваши читатели — студенты и студентки?

Дмитрий Циммерман, г. Щигры

Покойное счастье

Можно много рассуждать об определении понятия «счастье», но ясно одно: наш мозг не для того в течение сотен миллионов лет претерпевал эволюцию, чтобы мы уподоблялись существованию крыс, которые лишь спят, едят и размножаются. Кстати, при этом можно прекрасно обходиться без единой извилины.

Так что если кто-то еще терпит себя надеждами, что где-то там, в «прекрасном далеке» возможна спокойная жизнь, то этот товарищ пусть не волнуется — она возможна хоть сейчас. Для этого лишь надо при помощи водки, наркотиков выпрямить у себя все извилины и

забраться в глубокий подвал, где сыро, темно, тепло, а главное — чертовски спокойно. Там уже никогда не потревожат ни будничные заботы, ни жизненные бури. Там будет лишь вечный могильный покой. Почему могильный? Так в этом нет ничего удивительного. Не зря же ближайшим слову «покой» приходится — «покойник».

Олег Павлов, Калининград

Придержите Джуну

У каждого третьего свой план спасения мира. Сенека две тысячи лет назад дал идеальные советы, как быть здоровым, счастливым и мудрым. И что? Все счастливы?

Публикация советов Джуну никому ничего не дает, кроме разочарований и обманутых надежд. Она что, настолько наивна, что ничего не понимает? «Давление надо снимать постепенно»... Неужели? А что у меня может получиться быстро? Это как если бы Ю. Власов сказал: «Не следует сразу поднимать 200 кг». Нужны советы не как и куда водить «глухими» руками, а как услышать их, эти свои руки. (Если этому можно обучиться вообще.) Куда легче (на порядок!) выучиться тому, что умеет Н. Касьян, но он из сотен кандидатов отобрал пяток учеников. Всего-то. И те годы и годы практикуются. Уделите больше внимания Мак-Иву Ринго. Его наука доступна всем и дает результат сразу.

*Геннадий Гончаров,
г. Кемерово*

Я ворую «Ст. М.»

Ваш журнал — один из любимейших для меня. Особенно за два последних года он стал необычайно актуальным, интересным и полезным. Ваш журнал — это мой журнал. Но читаю не каждый номер. Писать об этом стыдно и неудобно, потому что я не выписываю его, а... вытаскиваю из соседских почтовых ящиков. Денег у меня сейчас нет, а родители не хотят мне его выписать.

Прекрасно понимаю, что делаю абсолютно неправильно и противозаконно, что ворую «Ст. М.». Но журнал просто

обойма. Без него я как без правой руки.

Яна В., г. Львов

От редакции, которая поражена признанием читательницы... Не выписывают журнал родители? Но, наверное, дают деньги на кино, мороженое, дискотеку? Значит, можно отказать себе в некоторых удовольствиях, чтобы более честным способом не лишиться «правой руки»?

Свобода: выбор или игра?

Как стать героем? Переступить границу здравого смысла и остаться победителем.

Как стать знаменитым? Быть не таким, как все.

Как вывести страну из кризиса? Наверное, у разных людей разное мнение. Верующий: вернуть людям веру, надежду, любовь — прежде всего к себе, — ибо это вечный двигатель всякого разума и философский камень всякой истины. Обязатель: вернуть людям чувство здравого смысла. Крестьянин: найти ответ у нашей матери-природы, которая миллиарды лет учится на своих ошибках и поэтому редко ошибается. Верный ленинец: ликвидировать период разброда и шатаний. Член ВЛКСМ: учиться, учиться и учиться на своих и чужих ошибках и нелегально делать свое счастье. Член КПСС: ускорить перестройку, усилить хозрасчет, расширить гласность и согласность... Школьник: лучше работать и лучше отдыхать, больше думать, меньше ругаться. Студент: совершить неслыханный акт благодарности — упразднить Министерство обороны и все ресурсы направить в сельское хозяйство и промышленность.

*Наталья Бондарева,
г. Красноярск*

Взгляд на перестройку

Перестройка на сегодняшнем этапе представляется мне похожей на строительные египетской пирамиды. Стоит огромная толпа людей. И вот кто-то вопрошает: «Надо?» А ему отвечает другой из толпы: «Надо, конечно же, и даже несомненно!» Второй: «А лучше не так...» Третий: «Без толку».

Четвертый молчит. Пятый своим носом занят...

Потом первый или второй: «Но как?» И тут почти все натужно-надрывно, но дружно: «И-и-эх! — вот так». А так как с помощью магического «и-и-эх» многотонную громаду не поднять, даже сообщая, стоят они какое-то время, чешут кто затылок, а кто и под мышкой... И все сызнова.

Следовательно, срочно нужна научно обоснованная программа, целое учение, способное взорвать все прежние представления о бытующих ныне коллективных действиях, ставших догмой за время, начавшееся с культа личности Сталина.

Ю. Марков, г. Ижевск

Каким быть преподавателем?

Заканчиваю институт и с горечью говорю, что за время учебы встретил мало преподавателей, которые относились бы к студентам как к сообществу личностей.

Мне не нравятся многие лекции, и последнее время я редко их посещаю. За полтора лекционных часа самостоятельно могу «добыть» знаний больше, чем в аудитории. У преподавателя — монополия на свободу слова, лекция — часто морально устаревшие умозаключения десятилетней давности, в которых отсутствует сегодняшняя фактическая реальность вещей...

Каким же быть преподавателем, чтобы к нему тянулись как к Учителю? Безусловно, блестяще профессионально подготовленным. Прекрасно знающим проблему студенчества. Восторженно грамотным. Глубоко порядочным, уважающим студента как коллегу, как личность.

До каких пор мы будем учиться по казарменной системе, когда студента наказывают за непосещение лекций? Когда ценятся не знания, а послушание и покорность? И до каких пор будет существовать уравниловка в оплате труда преподавателей: одного — работающего творчески, другого — диктующего лекции?

*Михаил Абдурашмов,
Москва*

Как сломать Систему?

Константин Панин,
студент МГУ

Любой вуз — это Система. Она требует от студента прослушать зное количество часов лекций, посетить столько-то семинаров, сдать курсовую работу, не получить более двух «неудов» на экзаменах, отработать практику и не появляться в институте в нетрезвом виде. Преподаватель также обязан вовремя приходиться на занятия, выполнять учебный план, изредка писать научные работы, воспитывать молодежь в духе высокой морали, не брать взятки и не влюбляться в хороших студенток. Система требует соблюдения формы. Ей совершенно безразлично, напишет ли студент курсовую или кувит ее у предпримчивого сокурсника, пойдет ли он на лекцию или попросит кого-нибудь отметить за него, покажет знания на экзамене или спишет ответ из учебника прямо на глазах преподавателя, смертельно уставшего от борьбы со своими «оболтусами». Система вполне лояльна к тем, кто засыпает на заседаниях кафедр, и к тем, у кого

на лекциях спит студенты, и совсем уж обожает послушных рукопискателей любой высочайшей воле. По сути, Система живет, пока люди спят.

Она обожает тишину и покоя, и если кто-то тишину нарушает, Система приходит в ярость и тут уж летят головы. Счастье, что дряблые мышцы быстро утомляются — уффф... — мы снова спим.

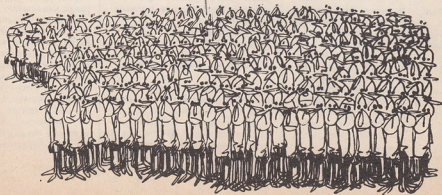
Система не любит высовывающихся. Чуть появилась шляпка над гладенькой доской — бад! — молоточком. И снова гладко. Чем глаже, тем лучше.

Человек (с большой буквы) и Система непримиримы. Человек уникален, серы и одинаковы только кошки, да и то в темноте. Не может мирить-

ся с Системой и студентка МИИГАиКа О. Родионова, написавшая в редакцию: «...большинство считает, что чем меньше задают и чем легче зачеты, тем лучше. Наш курс рассчитан на серенького студента. Выделяться из этой массы невыгодно (сразу плохая репутация). Да и выделиться трудно. Знания оцениваются по количеству исписанных тетрадей и листов». Что же тут делать? Может, поговорить с Системой по душам и попросить хоть чуточку свободы? О. Родионова не верит в успех такой затеи: «Сейчас много говорят о хозрасчете и подраде в вузе. Все это отлично, но, увы, только на бумаге; не представляю, как, например, наш деканат может на такое согласиться. Ведь никто не даст все ломать и строить заново...»

Недаром говорят: любой народ достоин своего правительства. Перефразируя, скажем: любой студент заслуживает той Системы обучения, которую он безропотно принимает. То, что студент в своей массе пассивен, — несомненно. По данным социологических исследований ЦК ВЛКСМ, более 60 процентов студентов совершенно безразлично относятся к возможности что-либо изменить в вузовской жизни, они всем довольны. На них держится Система.

Почти каждый из этих 60 процентов воспримет «неуд» на экзамене как случайность: не удалось списать, перепутал «шпоры», «препод» не в духе. Им действительно нечего опасаться. Сдадут со второго захо-

да. Но ведь есть и такие, у кого принципиальные расхождения с «системным» преподавателем, и тут все гораздо сложнее. Каждому ясно, если лично тебя хотят «завалить», то сделают это и во второй, и в третий раз. Есть ли выход? Вот что предлагает кандидат технических наук из Куйбышева А. З. Петрицев: «Студенту необходимо дать практически стопроцентный шанс получения объективной оценки. На мой взгляд, таким шансом может стать создание при ведущих вузах страны региональных предметных комиссий, состоящих из трех-четырёх квалифицированных и принципиальных преподавателей, назначаемых ежегодно приказом ректора. Студент, не сдавший экзамен комиссии в своем вузе, может при желании (если он считает оценку необъективной), передать экзамен в любом вузе, где есть региональная предметная комиссия. Оценка этой комиссии окончательная и обжалованию не подлежит».

Мне эта мысль нравится. Но как отнесется к ней Система? Ведь такие комиссии, если они только будут созданы, окажутся вне ее рамок, выйдут из-под контроля. Не станут ли тогда некомпетентность или недобросовестность, а то и просто алчность некоторых «педагогов» слишком заметными?

Другой вариант решения проблемы предлагает студентка Омского пединститута М. Жеребцова. Она пишет: «Из своего опыта знаю, как сдает сессию большинство студентов. Шпаргалки, а в современной интерпретации «заготовки» просто незаменимы на экзаменах. Может ли идти речь об индивидуальном подходе, если к экзамену допускаются и те, кто отвечает почти на каждом семинаре, и те, кто не был там ни разу? Я считаю, что следует отменить экзамены вообще, кроме выпускных на последнем курсе, оценки на остальных формировались бы в течение семестра или года».

Это мне напоминает предложение закрыть газеты потому, что в них иногда печатают неправду, подождать и потом выпустить самый честный, самый лучший номер. Но кто поручится, что он будет имен-

но таким? Как бы обрадовались многие преподаватели и те пресловутые 60 процентов студентов, если бы не стало экзаменов, единственного, что прерывает могучий сон апостолов Системы.

Система рассчитана на «среднего», бумажного человека. Ей неинтересна его сущность, нужна лишь бумажка с оценкой. Она позволяет человеку заниматься любые руководящие должности хотя бы и в медицине, был бы диплом... Кстати, о медицине. Из письма читница И. Середы: «Сейчас на каждом шагу говорят о том, что нет хороших врачей, а откуда им ваться, если в институт поступают люди, далекие от медицины, только ради диплома. Все это во многом зависит от приемной комиссии. Профилирующим экзаменом сейчас считают химию или биологию, а ведь им должен быть предмет из практической медицины, например, анатомия».

При поступлении в творческий вуз абитуриенты обязательно проходят творческий конкурс (одна из немногих уступок Системы). Может быть, нужен специальный медицинский конкурс? Ведь ту же анатомию можно знать ничуть не хуже химии или биологии, а оказаться неспособным к медицине. По-моему, чтобы гарантировать поступление в медвузы именно тех, кому там место, нужно принимать только имеющих стаж практической работы или окончивших средние медицинские учебные заведения.

Система создана администраторами и служит им верой и правдой. Она не умеет убеждать и объяснять, она диктует свою волю. Как пишет нам выпускник Ленинградского политехнического института А. Курлаев, «самый главный недостаток преподавания в вузе — это попытка методом кулака и пряника, который материализован в мерах поощрения и наказания студентов, заставить изучать определенные дисциплины. Именно заставить, потому что преподаватель никогда не будет объяснять необходимость изучения того или иного предмета».

Можно ли сделать студентов не исполнителями, а теми, кто

будет сознательно себя образовывать? А. Курлаев считает, что «активное отношение к обучению — это самообучение. Институт должен создать все условия для активного обучения: издавать методически совершенную литературу по всем дисциплинам, обеспечивать выбор предметов и преподавателей, давать возможность пользоваться библиотеками и лабораториями, устранять мелочный контроль за посещаемостью, а студенты, каждый индивидуально, должны изучать выбранный ими набор дисциплин и выполнять контрольные задания». Как бы хотел учиться в вузе, где можно выбирать преподавателей, иметь собственный план на семестр или курс, где не нужно посещать все, даже самые бесполезные лекции!

Ведь тогда и правда была бы выработана, как пишет А. Курлаев, «надежная оценка качества преподавания — студенты будут оценивать преподавателя присутствием. Изменится и способ подбора преподавательских кадров. Сегодня преподаватель получает рекомендацию от кафедры (иногда он пишет ее сам), а потом получает поддержку на совете факультета и института. Сплоченность преподавателей объясняется тем, что деньги на зарплату идут из государственного кармана, их не жалко. Если бы фонд заработной платы был передан кафедре и стал постоянным, то сразу бы изменилось отношение к низкоквалифицированным преподавателям, которых бы приходилось «кормить» за счет других, делающих работу гораздо лучше».

Двумя руками «за»! Но такой подход смерти подобен для Системы. Ведь держится она именно на тех, кто бы уж точно не «оценили присутствием».

Символ Системы — единомыслие. Она живет догмами и не признает права на иной взгляд. Нужен пример? Покалуйста. Возьмем преподавание истории... По мнению студента Рязанского мединститута Ю. Мордвинова, «необходимо, чтобы в институтах изучали, именно изучали, а не «проходили» историю соответствующего предмета вместо такого обширного по объему, но скуд-

ного по содержанию курса истории КПСС, который преподавался исключительно в «розовом свете», слишком далеко от горькой правды».

Я прекрасно понимаю Юрия, которому в подробностях рассказывают о планах пятилеток, преимуществах нашей экономики и роли партии и ее организации и с гораздо меньшим энтузиазмом — о древней медицине и ее методах. Может быть, врач вместо операции будет объяснять мне одну из «линий» ВКП(б)? Нужна одна, общая история, преподаваемая на уровне наших новых понятий.

Система приучила нас быть одинаковыми. Мы мыслим газетными категориями и говорим завизированными штампами. А ведь еще в XII веке, в эпоху первых университетов, главной формой обучения были диспуты, где каждый мог высказать любую точку зрения. И чем дальше мы уходим от того времени, тем больше в нас комплексов несвободы. Справедливо спрашивает в своем письме студент Тюменского госуниверситета С. Дегтярь: «Почему я должен знать только точку зрения Ленина на то или иное событие? Мне и, уверен, многим интересно было бы знать мнение других видных политических деятелей. Сопоставление дало бы студентам возможность сравнивать, а значит, самостоятельно думать».

Много еще интересного, смелого, живого предлагают в своих письмах наши читатели. Но... Но реализации этих предложений мешает существующая Система. И, следовательно, главный вопрос реформы высшей школы состоит в том, чтоб существующая система образования была сломана, упразднена, заменена такой, целью которой была бы общественная польза. И тут приходится признать, что та реформа высшей школы, которая ведется сверху, этой главной задачи не выполняет, хуже того, она с Системой сосуществует, и это, пожалуй, есть самая главная беда. Что тут делать, я пока что и сам не знаю и от умных людей не слышал. А может, знает кто-нибудь из вас?

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Свои проблемы решим сами!

Андрей Советов,
студент МГУ

Слово докладчику

«Сложный период в настоящее время переживает комсомол. В молодежной среде протекают непростые процессы. Они характерны и для нашей областной комсомольской организации.»

В содержательном отношении работа по идейной и трудовой закалке подрастающего поколения все в большей мере вытесняется развлекательностью и коммерческой деятельностью. Для части юношей и девушек, особенно из студенческой среды и научно-технической интеллигенции, из-за ослабления воспитательной работы экстремистские лозунги становятся более привлекательными, чем конкретное участие в перестройке.

Сейчас в харьковских вузах раздаются призывы выйти из состава городской комсомольской организации и создать студенческий горком комсомола...» Из доклада первого секретаря Харьковского обкома Компартии Украины В. П. Мысниченко на пленуме обкома партии

Переходим к прениям

У секретарей комитетов комсомола харьковских вузов возникла идея: а что, если мы выйдем из «подчинения райкомов и горкома комсомола и создадим что-нибудь эдакое, свое?»

Комсомольская конференция Харьковского госуниверситета поддержала: надо нам, студентам-комсомольцам, с горкомом развязаться. Обычно-казенная формулировка вопроса «О политико-воспитательном влиянии

комитетов комсомола на процессы, происходящие в студенческой среде», рассмотренного на бюро ЦК ЛКСМ Украины, возвестила о необычной идее создать в Харькове еще один горком комсомола — вузовский (ВГК).

Реплика «Вы что, хотите разорвать существующую структуру?» — начинается история жизни альтернативного горкома. Постепенно новая идея приобретает сторонников и противников. Обрастает плотью — «Положение о ВГК», полупрограммой «О создании городского вузовского комитета комсомола», другими документами. Ее стали популяризировать те, кто видел в ней выход из кризиса, стали критиковать те, кому она казалась ненужной или вредной.

Организационное строение ВГК относительно просто. ВГК существует параллельно с нынешним горкомом комсомола на «паритетных началах». Оба горкома подчиняются обкому комсомола, но представляют автономные звенья. Высший руководящий орган ВГК — городская вузовская конференция, которая собирается по мере необходимости, но не реже одного раза в год. В период между конференциями текущей работой руководит выбранное на конференции бюро. Будет и небольшой аппарат: человека четыре, больше не надо. Не обойтись, конечно, без финансовой и организационной самостоятельности. В общем, структура нового горкома комсомола во многом копирует старый горком. Вся надежда не на форму, а на новое содержание работы.

Есть другие предложения?

Были предложения... Предоставить комитетам комсомола вузов полномочия райкома... Создать региональные общественные студенческие советы, которые работали бы вместе с партийными, комсомольскими и другими общественными органами... Привести структуры выборных комсомольских органов в соответствие с качественным составом районной, городской и областной организаций...

Предложения рекомендованы, обсуждены и отвергнуты. Осталось одно: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Свои проблемы будем решать сами! Для этого нам нужен ВГК».

Кто «за»?

Анатолий Бондаренко, секретарь комитета комсомола Харьковского университета:

— Я полностью поддерживаю идею создания нового горкома. Зачем он нужен? Не сделало открытия, сказав, что комсомол переживает сейчас глубочайший кризис. Комитеты комсомола вузов оказались в сложнейшем положении. С одной стороны, на них «давит» студенчество, требующее радикальных действий, а с другой — действует «пресс» традиционных форм работы, взаимоотношений с вышестоящими органами. Комитетов комсомола, по существу, больше нет. Есть аппарат, пытающийся спасти хоть что-то, и есть сознание того, что без комсомола почему-то никак нельзя.

Нужны революционные меры. «Политическая программа», проект которой обсуждался на недавнем пленуме горкома и которая призвана указать пути выхода из кризиса, решить ничего не может. Она заведомо обречена на провал. Если и принимать какие-то программы, то только на уровне страны.

Обсуждалась возможность создания Студенческого союза в рамках всей страны. Такой союз, как мы его видим, должен решать те же проблемы, которые сейчас решают и комсомол, и профсоюзные организации (вернее, пытаются это сделать). Мы же хотим создать вузовский горком комсомола как промежуточный шаг к

такой нужной студентам организации.

Василий Бурунин, заместитель заведующего отделом образования и науки Харьковского обкома комсомола:

— Идея создания вузовского горкома комсомола возникла не на пустом месте. Дело в том, что в ходе перестройки комсомольского аппарата ликвидировались отделы студенческой молодежи, и теперь студенты остались, по существу, вне внимания райкомов и горкома комсомола. Усложнен механизм выражения политических интересов студентов, в чем все могли убедиться в ходе выборов народных депутатов СССР — студенты часто идут не с комсомолом, а с неформальными объединениями. Нужно менять формы работы с молодежью, а значит, нужно искать новые структуры.

Необходимость ВГК продиктована, по-моему, и особенностями нашего города. В Харькове десятки тысяч студентов. Учебные заведения расположены в трех районах города, нет единой политики, нет штаба. Бывает так, что вуз в одном районе, а общежитие в другом, социально-бытовые проблемы студентов по месту жительства не решаются.

Что даст новый горком? В первых, возможность привлекать к работе больше студентов. Во-вторых, работа в вузе будет основываться на принципе коллегиальности, можно будет сконцентрировать усилия на решении социальных вопросов. Например, на деятельности стройотрядов в городе во время летних каникул. Ведь эта проблема как следует не решается.

Андрей Щербань, секретарь комитета комсомола Харьковского политехнического института:

— Студенты — они разные... Одни поддерживают перестройку в комсомоле, другие — сдают комсомольские билеты. Мы должны бороться за авторитет у тех и у других.

Мне кажется, срабатывает закон борьбы за выживание: новый орган, стремясь получить поддержку, будет решать острые вопросы, волнующие сейчас молодежь. И не только исключительно вузовские, но и такие, как, например, работа стройотрядов, помощь селу, организа-

ция досуга молодежи вообще. Существующая система сдерживает инициативу. Сейчас мы оторваны от рабочей молодежи, мало знаем проблемы, которые стоят перед комсомольскими организациями промышленных предприятий города. Новый горком помог бы объединиться, лучше узнать друг друга. Думаю, мы имеем право на эксперимент.

Я убежден, что, если мы сегодня не пойдем на решительные изменения в работе, комсомола в вузах скоро не будет вообще. Возникнет какая-нибудь другая организация.

Виктория Павловская, секретарь комитета комсомола Украинского зооинститута:

— Похожая проблема обсуждалась в начале тридцатых годов. Тогда так ничего и не получилось. Возможно, из-за тенденции к централизации власти... Но кто займется студентами, их нуждами? На сегодняшний день это наиболее социально не защищенная категория молодежи. О студентах всерьез никто слышать не хочет. А ведь они — одна из самых социально, политически активных групп молодежи. Нужно об этом думать или нет? Мы не стремимся к размежеванию в рядах комсомола. Наоборот, объединимся, начнем действовать сообща.

Дмитрий Харитонов, заместитель секретаря комитета комсомола ХГУ:

— Шагов вперед нет, а они нужны. Конечно, вузовский горком — не панацея от всех бед. Вполне может случиться так, что то, что предлагается, окажется шагом назад. Ведь новый горком не застрахован от того, что и в его структуру не проникнут аппаратчики, которые обюрократятся и завалят дело.

Но и отказываться от этой идеи только по этой причине нельзя. Ведь карьеристы будут везде, и если в новом горкоме будет хорошо, они неизбежно проникнут и туда. Так что задача еще и в том, чтобы этого не допустить. Правда, это не самая главная опасность в новом деле, но сбрасывать ее со счетов тоже не стоит.

Если идея вызывает споры и неоднозначное к себе отношение, она имеет право на существование.

«Кто против?»

«Считаем необходимым заявить, что разделение комсомола на категории и параллельные структуры преждевременно и в настоящее время приведет к развалу комсомола».

Из проекта Политической программы бюро Харьковского горкома комсомола.

Виктор Субботин, первый секретарь Харьковского горкома комсомола:

— На прямой вопрос — нужен вузовский горком комсомола или нет — ответить однозначно нельзя. Прежде чем его решить, нужно договориться о терминах, а потом уже спорить. Чтобы не получилось непонимания существа спора. Пока же мы разговариваем на разных языках.

Студенты говорят о слабой работе горкома. Что же, проблем хватает... Инициатива идет от жизни, и студенты правы: надо что-то менять. Но путь выбран неверно. Нужно идти не от структуры, как это предлагают секретари комитетов комсомола вузов, а от содержания уже имеющейся структуры.

Комсомол, бесспорно, в глубоком кризисе. Поэтому куда важнее разобраться, что же главное, что такое комсомол вообще, какой комсомол нам нужен в конце концов. То есть определить содержание нашей дальнейшей работы. Надо дать шанс существующему сейчас комсомолу пережить второе рождение, тогда уже будет видно, переживет он такое рождение или погибнет. А вопрос о структуре — вопрос второго порядка.

Пока у нас нет ни политического лица, ни координат в политической системе страны, затевать новую комсомольскую структуру нет смысла. Можно создать хоть четыре горкома и колхозный обком, что толку?

Сейчас модны эксперименты. Я считаю, что мы не вписываем экспериментировать там, где речь идет о воспитании нового поколения, о работе с молодежью. Когда мы определимся сами для себя, обозначим четко свое место в обществе, можно будет принимать решение о реорганизации комсомола, создавать что-нибудь новое.

Штаб комсомольской моло-

Одни утверждают: студенческий горком комсомола — это попытка выхода из кризиса, попытка объединиться и самостоятельно решать свои проблемы.

Другие возражают: ребята, вы заняты совсем не тем, ваш горком — это очередная аппаратная игра...

дежи города должен быть всегда. И если горком не отвечает требованиям, нужно менять в нем людей, а не отказываться от него. А то, что сейчас предлагается,— наиболее простой выход: замкнуться на своем, знать ничего другого не знаю, ведать не ведаю.

Анатолий Процюк, первый секретарь Киевского райкома комсомола:

— Беда в том, что аппарат оторвался от рядовых комсомольцев. Не только райкомы или горком, но и комитеты комсомола вузов, которые все-таки не выражают интересы студентов. И вот, не существуя, собрался новый аппарат и старается доказать, что стоит ему объединиться, и ситуация сразу улучшится, комсомольцы поверят в новый аппарат и пойдут за ним. Я не раз говорил со студентами: им все равно, как будет называться организация, решающая их проблемы. Главное, чтобы эти проблемы все-таки решались.

Я допускаю возможность создания Студенческого союза, о котором сейчас много говорят. Но мы должны сделать все, чтобы этот союз действовал на коммунистической основе. Да, мы оторвались от проблемы студентов. Давайте искать выход. Я вижу его в том, что в выборных органах комсомола должно быть такое количество студентов, которое в процентном отношении соответствовало бы количеству студентов в районе. То есть нужно достичь полноценного представительства студенческой молодежи в райкомах и горкоме. Можно там в случае необходимости создать студенческие комитеты, которые и решали бы вопросы вузовской молодежи.

Ну хорошо, предположим, организуется вузовский горком... А если он не оправ-

дает надежд? Не утратим ли мы окончательно политическое влияние на студентов?

Я убежден, что студенты сегодня не готовы к тому, чтобы сделать правильный выбор, а аппарат старается уже сейчас называть существующую структуру. Все это очень напоминает обычные аппаратные игры.

Владимир Коробейников, первый секретарь Дзержинского райкома комсомола:

— Безусловно, необходимость перестройки в работе райкомов, горкома комсомола назрела давно. Первым шагом в этом отношении должен стать отказ от существующей практики дублирования. Пусть горком займется проблемами города, а обком больше внимание уделит области. Тогда появится возможность решать и студенческие проблемы.

Кризис комсомола бесспорен. Создание еще одного горкома только усугубит его. Мы же должны объединить усилия, чтобы преодолеть кризис.

Е. П. Кушнарев, заведующий организационным отделом Харьковского горкома Компартии Украины:

— Я поддерживаю стремление обновить формы комсомольской работы, вдохнуть в них новую жизнь. Да, искать новое нужно. Но нужно и понимать меру ответственности за решения, которые принимаются. В модели, которую предлагают секретари вузовских комитетов комсомола, на мой взгляд, есть слабые места. Речь идет не только об организационном размежевании, а о том, что если возникнет новая структура, форма, где гарантия, что со временем в нее не вольются те, кто вообще ничего общего не имеет с нашими идеями убеждениями, целями? Беспочин и то, что проблему стараются решить на уровне аппа-

рата, без глубокого изучения настроений в среде студентов.

Убежден, что комсомол должен быть единым, а не расколотым на социальные группы — на студентов, рабочих, ученых, колхозников. Ведь с единством организационным связано единство идейное, четкость в определении стратегии и тактики, цели. Предложенная модель — это попытка решить только одну проблему. Но ведь их накопилось в комсомоле много, и решать их надо в комплексе.

Я считаю, что интересные предложения по поводу представительства в выборных органах. Пусть комитеты или даже фракции представляют интересы студентов в районах, горком комсомола. А создавать еще один аппарат я считаю нецелесообразно.

Кто воздержался?

Я. Выслушав немало мнений «за» и «против», я не могу решить, будет ли создание вузовского горкома действительно выходом из кризиса или это очередные аппаратные игры.

А еще студенты, мнение которых я так и не узнал. Потому что они ничего о новом горкоме не слышали, ничего о существе не знают. Таких — большинство. И даже если бы они слышали и все знали, они не были бы ни «за», ни «против». Потому что они больше не верят. Потому что им уже все равно: проблемы, горком, комсомол... Таких, к сожалению, тоже много.

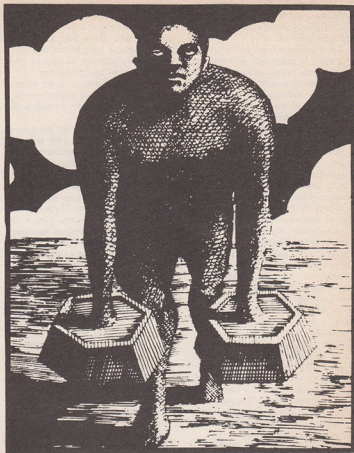
Результаты подсчетов

По данным исследований, каждый третий из 180 тысяч комсомольцев Харькова — студент.

Каждый второй студент Харьковского госуниверситета считает комсомол недееспособной организацией.

У каждого студента есть какие-нибудь студенческие проблемы.

Которые пока не решает никто.

ГРАФИКА ROLAND ТОПОР

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Инженеры дорожают...

Виктория Волошина

П В систему высшего образования вдруг ворвались товарные отношения.

На газетные полосы проникло немислимое ранее словосочетание «цена за специалиста». Институты бросались подсчитывать стоимость подготовки инженеров в вузах. Минвуз очередным инструктивным письмом назначил номинальную сумму в три тысячи, назвав ее «со-

рокапроцентной частичной компенсацией затрат на подготовку специалиста».

Ленинградские предприятия, более года назад перешедшие на полный хозяйственный расчет, уже в то время начали отказываться от договоров с некоторыми вузами. А теперь еще «цена за специалиста».

И началась под воздействием экономического катализатора

бурная и довольно болезненная реакция, — возникновение новых отношений между вузами и предприятиями.

Показательной иллюстрацией к этому превращению может послужить конфликтная история, начавшаяся более двух лет назад на объединении турбостроения «Ленинградский металлургический завод» и его подшефном институте заводе-втузе.

Родившийся пятьдесят лет назад тесный, производственно-учебный симбиоз предприятия с вузом оказался обеим сторонам довольно удачным. По втузовской системе студент из шести лет обучения около трех отработывает практику на родном заводе. Проходит путь от подсобника, рабочего, техника до инженера. Для будущего специалиста — крепкая практическая школа, для завода — лишние рабочие руки.

— Мы были заинтересованы «заказывать» втузу большое количество студентов, — рассказывает заместитель генерального директора АМЗ по кадрам Борис Иванович Фокичев. — Работа на заводе тяжелая. Зарплата низкая. Рабочие у нас долго не задерживались. Текучка. А студенты подручными работали, которые постарше — рабочими на станках. Выгодно.

Действительно, выгодно. Очень это неприятный затылок рабочий — студент. Жаловаться на низкую зарплату и тяжелые условия труда, а тем паче заявление об уходе на стол кидать ему и в голову не придет. Потерпит. Главное для него — диплом получить.

И терпели. Но вот куда девались потом, пройдя почетный путь от подручного до инженера, вытерпев и «трехгодичную отработку», эти десятки и сотни дипломированных специалистов? Вопрос, впрочем, чисто риторический. Дипломированные таксисты, буфетчики, официанты, а теперь и узаконенные кооператоры, стали еще одной характерной чертой нашего общества. А лозунг «Советская сфера обслуживания — самая высокообразованная в мире» вовсе не ерничество.

Обязанности между металлургическим заводом и втузом были распределены полюбовно. Студенты спасали завод от текучки. АМЗ строил им учебные корпу-

са и, радуясь дешевой и неприхотливой рабочей силе, заказывал институту все больше «специалистов». Втуз рос, увеличивал прием и уже начал постав-лять выпускников на другие ленинградские предприятия.

Два года назад в этот налаженный механизм ворвался хозяйственный расчет. И забуксовала машина...

— Когда в 1983 году мы заказали, как обычно, 160 специалистов, о хозяйственном расчете еще не слышно было, — признается Борис Иванович Фокичев. — И вдруг такой переворот. Самоокупаемость. Самофинансирование. Переход на новые условия оплаты труда. В 1988 году сразу пятьсот человек с завода уволились. Зачем же нам еще 160 инженеров каждый год?

Как говорится, пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Гром грянул, уселись умные люди в АМЗ в тесный кружок и занялись обыкновенной арифметикой. Сложили, вычли, поделили и ахнули от изумления. Совсем невыгодным для завода оказался подшефный институт. А расчеты вышли такими.

Миллион рублей в год уходит на выплату стипендий студентам. Около пятисот тысяч на эксплуатацию зданий. А еще постройки новых корпусов... И все эти деньги идут из фонда заработной платы. Пока был фонд бездонным, то есть государственным, никого на заводе эта цифра не беспокоила. Но вот хозяйственный расчет, и пришлось отдавать деньги из собственного кармана.

А Борис Иванович продолжает подсчитывать:

— Зарплата на заводе с переходом на новые условия оплаты труда увеличилась, текучесть сразу уменьшилась. И оказалось, нам в год больше пятидесяти специалистов не надо. Почему мы должны оплачивать треть выпускников втуза? Другие ленинградские вузы своих специалистов за три тысячи «продают», а у нас три тысячи уходит только на выплату стипендий нашему втузовцу. Заводу теперь выгоднее взять пятьдесят специалистов из других вузов, в сто пятьдесят тысяч обойдется, чем каждый год дарить втузу больше полутора миллионов.

— А если специалист будет стоить дороже трех тысяч?

Борис Иванович пожимает плечами.

— Еще меньше брать будем, понятно.

Борису Ивановичу эта странная ситуация понятна. Но зачем, если можно брать меньше, берут все равно больше? Впрос? На запчасти? Или в надежде, что двое-трое сделают то, чего не сможет один? То есть вместо большого цветного телевизора покупают три черно-белых, рассчитывая увидеть цветные качественные передачи. А может, убедившись за пятьдесят лет, что качества ждать не приходится, берут то, что есть, «числом побале, ценою подешевле»?

Рассчитав свою выгоду, все за и против, АМЗ все-таки решил расстаться с лишним балластом. Но просто отказаться от шефства, то есть взять и перестать отчислять втузу деньги, понятно, не мог. Не в его это компетенция, как говорится. Надо было искать выход.

Поломали на заводе головы и предложили передать втузу Ленинградскому политехническому институту в качестве филиала. Там как раз в 1987 году сократился прием на 350 человек. Студентов политехнический взять согласился, однако без преподавателей. Свой штат есть. Оставалось сообщить о таком решении ректору втуза.

Можно себе представить, как воспринял его ректор, четыре декана, двадцать пять заведующих кафедрами и весь преподавательский состав в целом.

Дальше события развивались динамично, как в хорошем детективе. Студенты втуза, видимо из патристических соображений, не захотели учиться в одном из самых престижных вузов страны. Они оперативно возмутились. Собирались. Написали в Москву о своем страстном нежелании переходить в политехнический институт. Подписали письмо восьмьюстами подписями и даже отправили в Москву делегацию.

Москва ходоков из обиженного втуза поддержала, и все осталось на своих местах.

— Не знаю, не знаю, мы с АМЗ душа в душу живем, — удивляется проректор по инженерно-производственной практике Л. А. Куцанов. — Конечно, заводу не очень выгодно платить нам полтора миллиона в год. И два года назад мы поставили

вопрос о долевых паях. Уже был собран совет генеральных директоров тех предприятий, куда идут наши выпускники. А тут внезапно хозяйственный расчет, о суммах не договорились, и дело распалось.

Да, хозяйственный расчет стал действительно приоритетным фактором. Считают нынче деньги на предприятиях. И пока заводы и объединения тяжелого машиностроения не могут договориться о паях, проректору втуза приходится приговаривать: «Мы с АМЗ душа в душу!»

Однако металлический завод подсчитал, видимо, иначе. В начале февраля 1989 года в плотную подошла очередная пора распределения выпускников. И оказалось, что АМЗ из ранее заказанных ста шестидесяти студентов берет только шестьдесят.

За полвека существования завода втуза такое случилось впервые. Сто молодых инженеров нуждались в срочном «трудодушестве». И руководство института пригласило на совещание заместителей генеральных директоров по кадрам ленинградских предприятий тяжелого машиностроения.

Новый ректор института Михаил Анатольевич Мартынов начал совещание довольно неожиданно:

— Качество молодых специалистов не устраивает страну вообще и тяжелую промышленность в частности. Но за их хорошую подготовку надо хорошо платить. А у нас сейчас очень слаба материальная база.

Ректор приводил цифры. Описывал бедственное положение втуза. Сравнивал с прекрасной материальной базой американских университетов. А простой выход из «нищеты» подсказывался основным вопросом этого совещания. Раз из трехсот выпускников сто оказались «лишними», можно взять и сократить прием на эти самые сто человек. По простейшим законам арифметики и метраж, и количество оборудования на одного студента увеличатся сразу на треть. А если верить ректору, что качество обучения напрямую зависит от материальных благ (уж больно красноречив пример с американскими уни-

верситетами), то качество втузовских выпускников должно сразу увеличиться почти вдвое. Правда, приняв на сто человек меньше студентов, понадобятся меньше завкафедрами, доцентов, преподавателей... «Было бы решение о массовом сокращении приема в вузы, не на доли, на десятки процентов, что он будет делать со всей этой массой ученых всеей?»

Но ректор и не собирался собственноручно вынимать из-под себя ректорское кресло. «Цена за специалиста» позволяла укрепить материальную базу другим, более приятным способом.

— Подготовка инженера по Союзу стоит приблизительно пятнадцать тысяч рублей. От хорошего специалиста «продают» дороже. В институте авиаприборостроения, например, рассчитывают за некоторых выпускников 30—60 тысяч получить, политехнический такую же сумму назначает. Наша цена скромнее — 7—10 тысяч.

Отойдя ненадолго в сторону от совещания, можно, пожалуй, удивиться тысячным суммам, прозвучавшим во вдохновенной речи ректора.

Если «в целом по Союзу» специалист стоит 15 тысяч, то, «продавая» его за 60, институт кладет на свой счет 60—15=45 тысяч нетрудового дохода. Почему нетрудового, понятно. Он, этот дорогостоящий выпускник, учился у тех же профессоров, в тех же лабораториях, на том же оборудовании, что и его более «дешевые» сокурсники. На него потрачено 15 тысяч рублей — и ни копейкой больше. А 45 тысяч сверху, которые готово выплатить предприятие, стоят не труды вуза, а дельная, толковая голова самого студента. Как, впрочем, всегда и везде платили «за мозги». Почему же эти деньги идут не на сберкнижку студента, а на счет вуза?

И какими специалистами считать тех, кого «продают» ниже реальной стоимости — 15 тысяч? Браком? Уцененным товаром?

А на втузовском совещании ректор подытоживал меркантильные вопросы:

— Мы назначаем цену нашим специалистам 7—10 тысяч

рублей с учетом того, что они стоят почти в два раза дешевле, чем выпускники других вузов.

После слов ректора зашелетели блокноты, выстроились в них столбики цифр, и задумались «хозрасчетные» замы.

— Молодой специалист имеет право уйти с завода через три года, — начал один. — Если он уйдет, наши деньги пропали!»

Ректор, которого вряд ли волновала дальнейшая судьба своих питомцев, шутовски советовал: «Они же не крепостные. Сделайте его начальником с перспективой, не уйдет».

— Почему вы мальчиков и девочек продаете одинаково? Девочек дешевле надо, — неожиданно предложил другой.

— Бесплатно, бесплатно девочек.

— А нам и бесплатно не надо. Зачем нам женщины-литейщицы?

Засмеялись серьезные замы, засмузили.

Да, посмотрели бы абитуриентки в технические вузы, как низко ценится сегодня женщина-литейщик, металлург, да и вообще женщина-инженер. Похоже, устали от нашей «эмансипации» и сами женщины, и мужчины, и, как видно, производство.

Смех вскоре затих, а страсти на совещании все разгорались. Кто-то грохнул стулом и, отвернувшись от стола переговоров, отчетливо произнес: «Не нужны нам за такие деньги ваши специалисты».

Худошавый мужчина наступал на ректора с блоком в руках: «В прошлом году говорили три тысячи, сейчас уже семь. Где гарантия, что в следующем не будет тридцать?»

Он требовал гарантий. Смешно. И ректор с улыбочкой ронял: «Инфляция. Впрочем, давайте заключать договоры. Вы заказываете определенное количество специалистов, которое вам нужно. В договоре определяется и цена. Ну как, будем заключать?»

А в аудитории напряженное молчание. Крепко задумались «заказчики».

Так и не подписали договор на этом совещании. Подумать решили. А сотню неустroенных

выпускников довольно быстро разобрали. Повышения цен испугались, видимо.

Закончилось совещание. Опустела аудитория. Но странная вырисовывалась картина. Вроде бы и звучало в речи ректора слово «качество». Часто повторяли его и представители заводов. Но интерес у тех и у других был пока совсем иной...

На одной из распределительных кампаний в политехническом институте выступал молодой человек, говоря раздраженно и даже агрессивно:

— Я последние три курса в кооперативе программистом подрабатываю. Так почему после института должен идти в «ящик», который предлагает кафедра? Туда раз войдешь и десять лет нигуда носа не высунешь. Да еще за жалкие 150 рублей. Да я сейчас три оклада имею.

У кафедры, кроме «ящиков», другого распределения нет. А чтобы «откупиться» и уйти работать в кооператив, я что, должен тридцать тысяч институту заплатить? Где же наше бесплатное образование!?

Первый душевный порыв — пожалеть бесправного «крепостного». Даже работать, бюрократы, не дают. Но настаивают финальный инфантильный вопль — «где же наше бесплатное образование?»

Кто ему сказал, что образование у нас в стране бесплатное? Бандеролей из космоса с надписью «на образование» в Советский Союз пока не приходит. Деньги отпускает государство, то есть мы с вами, с каждой полочки, с любой премии. И называем его бесплатным чисто условно.

И если раньше, работая на госпредприятиях, «бесплатно» образованный специалист всю свою последующую жизнь платил за очередных «бесплатных» учащихся, то теперь, собираясь сорваться в кооператив, он действительно «рискует» оказаться бесплатным, да еще и приплаченным, учитывая ежемесячную стипендию.

И вроде бы вот тут система трехгодичной отработки выступает, наконец, как фактор справедливости. Вот отработает го-

сударственные деньги, тогда уйдет. Но как-то очень навивно ожидать от насильно вткнутого в производство инженера какой-либо отдачи. Отсидеть восемь часов? Да, придется. Получить зарплату в кассе? Ну не помешает. А польза?

Так что же делать?

В кооперативе бесплатное отпустить — несправедливо. На работе силой держать — себе дороже...

Вопросы, вопросы...

Студенты возмущаются своим положением «крепостных». Предприятия отказываются от слишком дорогих молодых специалистов. Институты бедовыны слабой материальной базой. Для проблемы качества среди всех прочих просто не остается времени.

А введение «цены за специалиста» и перевод вузов на хозрасчет, как видим, ставит все новые и новые вопросы.

Так, может, не стоит в который раз надевать брюки через голову, когда есть старый испытанный способ надевать их через ноги.

Ведь имеется автоматическая, надежная, веками проверенная система платного образования, некогда существовавшая и в России.

Да, первое и главное возражение против нее — социальное неравенство. Дескать, не каждый может себе позволить. Но, может, это лучше, чем когда позволить себе может каждый. Ведь не секрет, что вчерашние десятиклассники косяками идут в вузы, продлевая еще на пять-шесть лет беззаботное счастливое детство. И не в меру заботливые родители благословляют их странными словами: «Пучись, отдохни, еще наработаешься».

Разве это социально справедливо, когда взрослый, семнадцатилетний человек сидит на государственной, то есть нашей с вами ше, пять лет? Или мы слишком богаты, чтобы позволить себе это?

И пускай бегут в вузы дети наших «скорообразовавшихся» миллионеров. И пускай они тогда платят за свое образование, ведь сейчас они получают его бесплатно. Хотя нет, сейчас их

образование оплачиваем мы с вами.

А для человека, который действительно решил получить инженерное образование, так серьезно решил, что готов платить за это деньги, можно предусмотреть множество вариантов оплаты. Например, судау у государства, которая берется на время обучения. Потом, работая по специальности, он постепенно ее погашает.

Именная стипендия за успехи в учебе, премии за изобретения, оплата патентов, параллельная с обучением работа, бесплатное обучение для особо одаренных и малоимущих. Опыт, накопленный веками, обширен...

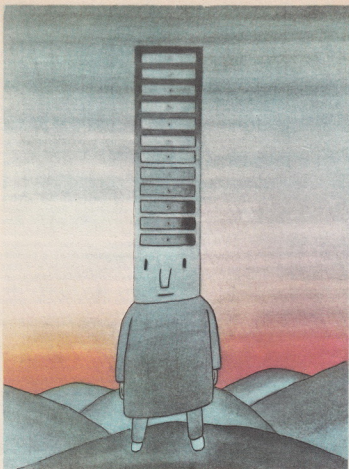
И уже задумается десятиклассник, стоит ли ему «продлевать счастливое детство» еще на пять лет, если придется платить за это «счастье» пятьдесят рублей в месяц.

И задумается наш «веселый студент», стоит ли прогуливать лабораторное занятие, которое никто потом не будет проводить специально для него.

И, наверное, задумается руководство кафедры, стоит ли держаться на ней и выплачивать ежемесячную зарплату Ивану Петровичу, «хорошему мужику», если к нему на лекции не ходят студенты.

И, может, не сразу, не через три года, но выйдут наконец наши тракторы на поля и не застрянут в первой попавшейся луже? Может, перестанем мы тратить миллионы на покупку импортных автоматических линий? Может, увидим наконец, что количество инженеров на душу населения еще не решающий показатель.

И, может, не понадобятся больше собирать совещание за совещанием и открывать их словами: «Качество молодых специалистов не устраивает страну».

Б Е З В И З Ы

Тревожные предсказания

Михаил Щипанов

Образованными людьми, как правило, начинают интересоваться в ситуациях предкризисных. Еще во времена рабства в Америке, в 50-х годах прошлого века, хозяева «мастерской мира», Англии, обеспокоенные стремительным наступлением заокеанских конкурентов, пришли к выводу о том, что высокий уровень американского производства во многом объясняется почти поголовной грамотностью свободного населения США.

У этой истории есть, однако, свое зеркальное отображение. Сейчас, в начале 90-х годов, уже сами янки, почувствовав за спиной дыхание японских партнеров-соперников, сетуют на то, что превосходство Японии в организации промышленности достигается за счет высокой образованности рабочих и специалистов. В 1988 году, например, уровень функциональной грамотности в Японии (умение читать чертежи, разбираться в документации, обрабатывать и усваивать информацию) составлял порядка 96 процентов против лишь 80 процентов в Соединенных Штатах.

Словом, неоднократно убедившись в ходе истории, что инвестировать в юношеские головы так же прибыльно, как вкладывать деньги, скажем, в развитие технологии и инфраструктуры, страны-лидеры мировой экономики стремятся ныне в плановом порядке ускорить процесс накопления «человеческого капитала», дающего твердый процент развития. Так, по подсчетам американских экономистов, в период с 1948 по 1982 год примерно треть роста валового национального продукта США обеспечивалась благодаря совершенствованию системы образования. Правда, долгие годы и государственные издержки по статьям просвещения росли быстрее американского валового национального продукта.

Лозунг — больше студентов

Капитализм в нашем традиционном сознании достаточно тесно ассоциируется с понятием рынка. Естественно, что существует и рынок квалифицированной и дипломированной рабочей силы, обычно представляемый в нашей прессе в виде сосуда с узким горлом, в который выпускникам мешают проникнуть как раз дипломы и университетские мантии.

На деле же на этапе поступления в высшие учебные заведения проявление классической формулы соответствия спроса и предложения определяется рядом факторов: перспективными потребностями промышленности, демографической ситуацией и, наконец, субъективным жела-

нием молодых людей получить образование.

С субъективным желанием на первый взгляд пока вроде бы все в порядке. За океаном число абитуриентов, вознамерившихся стать инженерами, почти тридцать лет остается стабильным. В Западной Европе кривая стремления к высшему образованию в некоторых странах даже пошла вверх. В ФРГ, например, более 60 процентов опрошенных старшеклассников выразили намерение продолжать образование. Если учитывать, что в прошлом году в той же Западной Германии в университеты и высшие школы было принято на 200 тысяч человек больше, чем в 1986-м, а в известном французском Институте политических наук (Сьянс по) на 400 мест претендовали 4 тысячи абитуриентов, то у «Европы университетов» в принципе достаточно прочные тылы.

Однако дети «баби-бума» уже получают дипломы. А ведь именно благодаря послевоенному демографическому взрыву в течение почти двух десятилетий число инженеров и научных работников в США неуклонно возрастало.

Сейчас же аттестаты зрелости и сопоставимые с ними свидетельства о завершении среднего образования вручаются юношам и девушкам, появившимся на свет в период демографических «черных дыр». В результате по обе стороны Атлантики всерьез заговорили о грозящей в ближайшее время нехватке высококвалифицированных специалистов. Американский Национальный научный фонд предостерегает о том, что если и впрямь лишь 4 процента абитуриентов будут выбирать себе поприще, связанное с естественными и техническими науками, Соединенные Штаты к началу следующего тысячелетия недосчитаются нужных им четырехсот тысяч «технарей».

Бьют тревогу и в Японии, где в ближайшие пятнадцать лет могут опустеть студенческие скамьи во многих университетах и колледжах четырехгодичного обучения. Точные и независимые японские компьютеры прогнозируют сокращение студенческой армии к 2005 году на 500 тысяч.

И все эти тревожные предсказания тонут в шуме призывов к университетам увеличить «выход» пролетариев умственного труда — «сних воротничков». В ответ технические вузы и естественные факультеты университетов расширяют квоты приема первокурсников, не будучи уверенными, что удастся поддержать хотя бы прежний уровень конкурсных состязаний поступающих.

Во Франции увеличение приема в высшие технические школы на 15 процентов и предоставление ряду университетов права выдавать в год до трехсот дипломов инженеров вызвали протесты со стороны Академии наук. Плохо знакомые с законами диалектики, французские «бессмертные» выразили большое сомнение по поводу перехода количественных изменений национальной высшей школы в качественные. Ситуация во Франции оказалась тем более пикантной, что расширение приема на инженерные факультеты серьезно ущемило права и возможности медицинских и экономических вузов.

Ведь французские выпускники средних школ сдают дифференцированные экзамены на аттестат зрелости (так называемые «бака» А, Б, С и т. д.) с уклоном в гуманитарные дисциплины (история и география) или различные естественные. Так вот, обладатели «математического бака» С имеют право подавать документы сразу на несколько естественных факультетов, поэтому увеличение приема в технические коллежи и снижение требований к поступающим в них абитуриентам действительно могут в стратегическом плане нанести удар по учебным заведениям иного профиля.

Столкнувшись с такой почти библейской проблемой заполнения одним выпускником учебных мест сразу в нескольких вузах, министры просвещения промышленно развитых стран решили, с одной стороны, реформировать среднюю школу с тем, чтобы большее число молодых людей оканчивало бы ее полный курс и получало бы право на поступление в вузы, а с другой, в ожидании, пока реформы принесут свои плоды,

облегчить поступление студентов-иностранцев. Так от Токио до Вашингтона надеются не допустить летаргии традиционных университетских твердынь. Цель — пережить трудные времена.

Реформы, реформы...

Как всегда, в авангарде идут японцы. Японское правительство со свойственным ему во второй половине XX века динамизмом провозгласило своей задачей привлечение к 2000 году в Страну восходящего солнца более ста тысяч иностранных студентов. Характерно, что речь идет не только о борьбе за сохранение рабочих мест для преподавателей, но и о расширении обмена учащимися. Японские студенты также отнюдь не приговорены к обязательному обучению в национальных университетах.

Руководители колледжей и университетов Японии попросту покупают или снимают целые студенческие городки во Франции, США и Великобритании для того, чтобы дать своим воспитанникам опыт знакомства с иным мировоззрением и идеями. Программа обучения за рубежом стала частью обязательного курса примерно трети частных университетов страны. И хотя высшие учебные заведения Японии не входят, во всяком случае пока, в систему «Эразмуса» (см. «Ст. М.» № 11 за 1989 год), студентам, отправившимся за рубеж, разрешено засчитывать полученные в иностранных университетах оценки в рамках единого процесса обучения типа «Япония — за граница — Япония».

Молодые японцы, уступающие свои учебные места зарубежным сверстникам, стремятся в основном продолжить образование в США, где, в свою очередь, и так иностранцы составляют уже сейчас половину студентов старших курсов естественных факультетов.

В целом можно с той или иной степенью вероятности предположить, что в скором времени процесс широкой интернационализации образования охватит и старшеклассников.

Во-первых, произойдет, вероятно, подтягивание национальных школьных программ к

наиболее эффективным и интенсивным международным образцам. В частности, американцы полагают, что получают меньшую отдачу от ассигнований на образование, чем Япония и Западная Европа, поскольку еще на стадии средней школы юные граждане США отстают в уровне подготовки от японцев и европейцев. Достаточно сказать, что американские школьники посещают занятия 180 дней в году, а их японские сверстники — 240.

Во-вторых, уже в старших классах будущие абитуриенты смогут выбрать для себя любой вуз вне зависимости от того, находится ли он в сопредельном государстве или по ту сторону океана. А этот «исторический» выбор будет, вероятно, предопределять и окончательную форму сдачи экзаменов на аттестат зрелости, которые можно будет сдать, например, «выездной бригаде» из ФРГ, Японии или Сингапура.

Как сказал Л. Жоспен, министр образования Франции: «Чтобы успешно конкурировать во все более технологизированном мире, необходимо поднять уровень требований к системе образования».

Р. С. Мы далеки пока от идеи создания единой студенческой Европы «от Атлантики до Урала». Однако нет сомнений в том, что расширение студенческих обменов между Востоком и Западом — это еще один камень в фундамент единого европейского дома. Изоляция или самоизоляция на этапе обучения вредна для специалистов так же, как и на стадии самостоятельных научных исследований. И в этой области нам нельзя остаться на обочине.

Дорогие друзья!
Мы будем рады ответить на любые ваши вопросы, связанные с организацией высшего образования за рубежом, и о том, какие есть возможности у советских студентов в рамках акции «Эразмус».

Райнер Роланд Ланг — западногерманский бизнесмен, экономист. У него множество фирм, он — автор книги о совместном ведении бизнеса, его выступления помнят многие поколения немецких студентов.

Иные понятия...

— Каждый экономист, работающий на международном уровне, должен иметь свою философию. Без этого он просто не вправе учить других заниматься бизнесом. У меня такая философия есть, и с ней мы уже успели «поломать себе ноги», вылезть и снова начать работать. Я еще о ней скажу.

— Интересно, как ваша философия определяет статус совместного предприятия? Это на-

учно-исследовательский институт или производство?

— И то, и другое. И еще великодушная школа для молодых людей, которые хотят заниматься коммерцией. Они сталкиваются с двумя разными экономическими формами и наблюдают их в действии. Как правило, половина совместных предприятий не живет более двух-трех лет. Это международная статистика. Как вы понимаете, по Союзу такой статистики пока просто нет. И для того чтобы выжить в жестких условиях

рынка, надо очень многое знать и уметь.

Даже для двух фирм в рамках капиталистической системы работать в совместном предприятии очень сложно, а здесь — две абсолютно разные системы, причем одна из них — принципиально новая.

— И к чему приведет такое сотрудничество?

— Пожалуй, развитой социализм приблизится к консервативному капитализму. Это моя тема для исследования, поэтому я могу наложить несколько своих кратких принципов. В этом, кстати, заключается тайна будущего.

Возникнет новая теория трансформации. Все существующие сейчас экономические принципы исчезнут под давлением системы новых экономических параметров. В то время, когда Маркс писал свой «Капитал», мир выглядел совершенно иначе. Когда великие экономисты прошлого пытались создать национальную или политическую экономию, не существовало еще ни проблемы экологии, ни проблемы демографического взрыва, ни проблемы международного разделения труда, не было и Чернобыля. Поэтому сейчас необходимо использовать экономическую классическую науку в соответствии с реальной сегодняшней ситуацией.

В свое время Маркс сделал вывод о том, что центром любой технологии является человек, и поставил вопрос о правильной цене человеческого труда (теория стоимости). Но прошло уже много лет, а до сих пор в мире этот вопрос остался открытым: почему богатые становятся богаче, а бедные — беднее? И почему этот процесс идет с такой быстротой? Если мы в ближайшее время не решим его, он сможет привести мир к краху. Проблема и в том, что к 2000 году население ФРГ, например, уменьшится с 59 до 40 миллионов человек, а после 2000-го только один город на Западе — Нью-Йорк — будет иметь население десять миллионов человек. Основная демографическая нагрузка придется на города «треугольника» — Москву, Пекин и Дели. Значит, вероятнее всего, туда переместится международный экономический центр. Но для того чтобы экономика смогла прогрессировать,

необходимо развивать базу.

— То есть поднимать экономику «треугольника» до мировых стандартов?

— Именно. С появлением новой политики СССР, с «открытием» государственных границ все военные блоки рано или поздно исчезнут, и это великolenно; но им на смену придут блоки экономические, что приведет к созданию торговых барьеров типа «списков КОКОМа». Каждый рынок хочет себя защитить, и только создание целостной структуры интернационального экономического сообщества может помешать «торговой войне».

Около 20 процентов сегодняшних совместных предприятий представляют собой только «слияние продукции». Они все обречены на крах. Чтобы выжить, необходимо создать «микрoэкономику», которая станет моделью экономики будущего. На этой идее я уже заработал седые волосы, но все же воплощу ее в жизнь. Вот почему я строю первый в Союзе экономический торговый центр, вот почему обучаю студентов — будущих менеджеров из МВТУ, вот почему даю такие огромные инвестиции и именно этим отличаюсь от генеральных дирек-

торов всех остальных совместных предприятий.

— И все-таки, почему вы создали свой «Хоматек»?

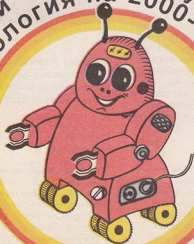
— Ну, только не для того, чтобы продавать какую-то продукцию или заниматься обменом, — это было бы очень скучно. Я верю, например, что мир сейчас экономически изменится, и «Хоматек» — одна из ступенек на пути к изменению.

Сейчас в России актуальны два лозунга: «Учиться демократии» и «Учиться экономике». Один мой знакомый бизнесмен два года назад говорил мне: «Как ты можешь работать с русскими?!», а теперь сам создал советско-западногерманскую фирму. Запад в вас поверил, и вы уже не можете, не имеете права повернуть назад.

Главное сейчас — не наделать ошибок. Иначе получится примерно такая ситуация, когда вратарь говорит игроку, который будет бить пенальти: «Ты знаешь, у меня, правда, левый угол — слабое место». Все эксперименты необходимо доводить до конца. Тогда осуществится главная цель — ваше признание на мировом рынке!

*Беседу вел
Наталья Бекетова*

.. Робби — Дорога в будущее ..
Технология на 2000-е годы

ХОМАТЕК
МОСКВА СССР

Вирус-метитель

От постоянных читателей этой рубрики мы получаем немало писем. В последнее время во многих из них повторяется один и тот же вопрос. Что же такое компьютерный вирус, о котором так много и не всегда понятно пишут сейчас? На вопрос мы попросили ответить одного из наших авторов — студента Мариупольского металлургического института Николая Горбунова.

Д В общении с программистами я для себя делю их на фанпрограммистов (фанаты) и рабпрограммистов. Последние — те, для кого программирование — обязательная работа, часто не приносящая радости. Сам-то я программист-любитель.

К счастью, я знаком больше с фанпрограммистами и иногда в свободное время окунаюсь в их мир, бесконечно увлекательный яркостью дисплейных красок, играми и всевозможными нужными компьютерными вещами типа редакторов, художников, составителей радиосхем и прочего.

Попавая в царство дискет и процессоров, оказываешься в волшебном мире, где многие вещи чудесным образом материализуются. Из неощутимых колебаний электрического тока и различных всплесков на экране электронно-лучевой трубки возникают образы и понятия, которые, будучи реальными, заставляют человека реально думать, чувствовать, восторгаться. В принципе это целый мир, соединяющий огромное число людей на планете. И этому миру сегодня угрожает СКИД!

СКИД расшифровывается как синдром компьютерного иммунодефицита, а возбудителем его является КВ — компьютерный вирус. Что это такое? Просто говоря, вредительские мини-программы, которые ведут себя аналогично биологическим вирусам. На жаргоне фанпрограммистов такие программы делятся на: собственно вирус — программы, способные к тира-

жированию самих себя, и трояницы — мини-программы, внешне полезные, однако при определенном стечении обстоятельств делающие черное дело.

Итак, возбудители СКИД: Вирус 648 (цифры означают длину в байтах). Характерные признаки: паразитирует на программах-носителях. При запуске ищет нового клиента — заражает его.

Вирус 1701. Обнаружен в конце прошлого года. Типичные признаки заболевания — осыпаются буквы с экрана. Особенности: если компьютер изготовлен фирмой IBM, вирус бездействует, если нет, проявляет активность.

Вирус 1813. Сильно замедляет работу компьютера. Особая примета: при «роковом» стечении обстоятельств (пятница, да еще и 13 число) вирус стирает все содержимое памяти компьютера.

Итальянский вирус. В определенный момент по экрану начинает бегать шарик или рожица. Вреда это никакого не приносит, однако сильно мешает работе.

В странах, где бумажное производство полностью или частично заменено компьютерами, существуют вирусы-метители.

Представьте такую ситуацию. Фирма увольняет программиста. Придя в последний день на работу, увольняемый горестно прикасается к клавишам и отрешенно смотрит на дисплей, прощаясь с рабочим местом.

Но будьте бдительны! Именно в этот момент прог-

раммист засылает в память мини-программку «метитель», которая замрет, затанцует до определенного момента.

И вот наступает день, когда наш программист уже стоит в очереди на бирже труда, а в это же время его фамилия исчезает из списков зарплаты электронного бюро фирмы. Это и есть сигнал вирусу к атаке. Он активизируется и... Впрочем, дальше все зависит от фантазии автора «метителя». Например, после исчезновения его фамилии в списке зарплат вместо имен сотрудников фирмы будут вписаны просто нули. Сделав черное дело, вирус сам себя уничтожает, то есть стирает из памяти и после этого — ищи ветра в проводах*.

Вот, так сказать, основные виды вирусов, гуляющих по компьютерному миру. Надо сказать, что они не настолько агрессивны, чтобы принести большой вред, да и в наших условиях это трудно сделать по одной причине. Уж слишком мало компьютеров, да и обмен программами происходит из рук в руки с дискеты на дискету. Однако за рубежом вирусы свободно распространяются по компьютерным сетям, и можно себе представить, что будет, если вдруг вирус проникнет в банк данных стоимостью миллион долларов. Вскоре, по логике вещей, и у нас появятся компьютерные сети. Закономерен вопрос: как защититься от компьютерного вируса?

Универсальное средство, как и при СПИДе, — гигиена. Однако это не всегда выполнимо! Тогда можно купить иммунитет, то есть программы, которые распознают КВ и нейтрализуют его.

На зарубежном рынке такие программы стоят от 5 до 100 долларов. У нас их изготовлением занимаются фанпрограммисты и кооперативы. Но цены пока неоправданно высокие, да и, как говорилось, у нас в стране потребности в таких программах не ощущается. Пока! И все же лихорадка уже началась.

В одном подведомственном ВЦ завсегдагаи-десятиклассники вместе с играми занесли вирус в сети этого ВЦ, после чего две трети программного обеспечения отдало богу душу. Те-

* Из жаргона фанпрограммистов.

перь этот ВЦ охраняется как сверхсекретный бункер.

Еще один красноречивый факт. Фашипрограммисты, хорошо разобравшиеся с природой вирусов и составляющие противоядия к ним, предпочитают не распространяться о своих познаниях. Объясняется это просто. Очень часто фашипрограммисты разъезжают по стране и посещают компьютерные центры, где обмениваются программами. Ну а руководители центров, понимая, какими необычными познаниями обладает клиент, в целях безопасности могут просто не пустить его за клавиатуру своих компьютеров.

Если посмотреть вперед, то нетрудно представить, какую опасность могут нести вредительские программы в обществе, технология производства которого будет целиком зависеть от компьютеров.

Без громких слов можно сказать, что СКИД — электронная чума XXI века.

РЕКЛАМА

Массовый журнал без постоянной рекламы — это словно ракетноситель без полезной нагрузки.

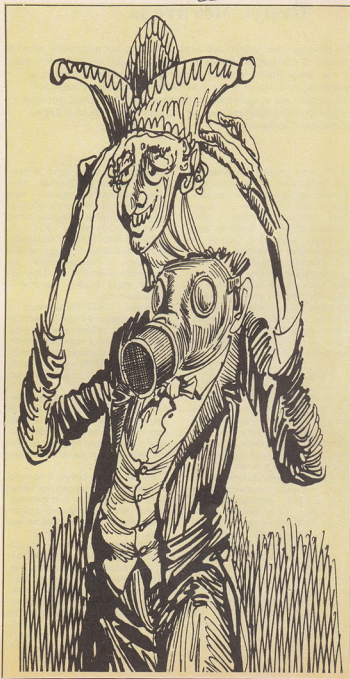
«Студенческий меридиан» предлагает предпринятиям, кооперативам, центрам научно-технического творчества молодежи выйти на пока не изведанные орбиты деловой активности.

Опубликованная в «Ст. М.» реклама вашей продукции, идей, проектов поможет найти новых потребителей, новых партнеров и новых спонсоров.

Наши дизайнеры и специалисты по маркетингу придадут вашим объявлениям форму запоминающихся броских лозунгов и яркий оформительский образ.

Обращаться по адресу: 125015, Москва, Новодмитровская улица, 5а, журнал «Студенческий меридиан».

Телефон: 285-80-71

Обратимость рубля — мифы и реальность

Владимир Шенаев,
доктор экономических наук

Неконвертируемый характер рубля, нашей государственной денежной единицы, серьезно тормозит развитие экономики, снижает возможности широкого участия СССР в международном разделении труда.

К одному из мифов современности можно отнести то, что до сих пор в справочниках и учебниках по денежному обращению в СССР можно прочитать о советском рубле как о денежной единице с золотым содержанием (0,987412 гр. с 1961 г., — см. финансово-кредитный словарь, том III, издательство «Финансы и статистика». М., 1988, стр. 77).

Ни в одной другой стране мира не утверждается, что ее валюта представляет ныне золото, нигде не фиксируется золотое содержание валют кроме, как у нас. В то же время большинство капиталистических стран имеет конвертируемые валюты, то есть обратимые в другие валюты, а советский рубль на международную арену не только не выходит, но и, как признано недавно официально, существенно обесценивается.

Другой миф, сознательно распространявшийся с 20-х годов и нашедший проявление в командно-административных методах централизованного руководства хозяйством, заключается в утверждении того, что, только отгородившись от «тлетворного» влияния Запада, можно проводить «независимую» от капиталистических государств валютную политику. Таким образом, вопрос об обратимости рубля даже и не ставился ни в политике, ни на практике. Лишь при новом политическом мышлении, позволившем реально взглянуть на мир, можно раз-

везть эти мифы в политике, в теории и на практике.

Проблема обратимости денежной единицы имеет два аспекта. С одной стороны — это обмениваемость денежного эквивалента на товары, а с другой — на денежные единицы других стран (конвертируемость). Под полной обратимостью валют понимается возможность ее свободного обмена на иностранные валюты для всех категорий держателей в любой форме и во всех видах операций без ограничений.

Наряду с обратимыми и необратимыми валютами есть и частично обратимые. Это денежные единицы тех стран, где обратимость распространяется лишь на определенных держателей данной валюты и отдельные виды операций.

В первые годы после второй мировой войны обязательство поддерживать обратимость своих валют официально приняли на себя только США, несколько стран долларовой зоны, а также Швейцария. Канада ввела подобную форму обратимости в 1952-м, большинство западноевропейских стран — в начале 60-х годов, Япония — в 1964 году.

В настоящее время лишь около половины стран — членов МВФ* — имеют обратимые валюты.

* Международный валютный фонд.

Для конвертируемости советского рубля нужно обеспечить ряд условий. Прежде всего, это обратимость в товары. Денежная единица должна быть всеобщим эквивалентом. Но выполнять эту роль она может только в рыночных условиях, в экономике без дефицитов и с отказом от централизованного распределения фондов. Обратимость рубля в другие валюты должна опираться на выполнение им денежных функций в национальной экономике. Уже из этой посылки видно, что до полной обратимости советского рубля еще долгий путь. Но СССР не является в этой области первопроходцем и поэтому может опираться на опыт капиталистических стран.

Как же капитализм продвигается к обратимости отдельных валют? Для этого нам необходимо сделать небольшой исторический экскурс.

В условиях металлического обращения проблем не возникало, так как золотые монеты обладали собственной стоимостью, и курс определялся механизмом «золотых точек», который действовал при двух классических условиях: свободная купля-продажа и вывоз золота. При этом пределы отклонения валютного курса определялись расходами по транспортировке золота за границу с целью обмена его на определенную валюту. Отклонения от паритета фактически не превышали 1 процента в ту или другую сторону. Дело в том, что по достижении этих границ должникам выгоднее становилось покупать за свои деньги не иностранную валюту, а золото, которое затем обменивалось на валюту страны, где происходило погашение обязательств.

В условиях первой мировой войны золото стало уходить из денежного обращения. Начался процесс его демонетизации, который занял длительный отрезок времени и завершился с крушением в начале 70-х годов Бреттон-Вудской валютной системы. В обстановке ухудшения валютно-финансового положения отдельные страны периодически усиливают валютные ограничения и по сей день. В настоящее время более 60 процентов стран — членов МВФ применяют валютные ограничения по текущим операциям

платежного баланса и более 70 процентов — по операциям, связанным с движением капиталов и кредитов.

Объективная необходимость требовала создания механизма регулирования валютных курсов, в результате чего в Западной Европе в 1979 году появилась Европейская валютная система (ЕВС) и международная региональная денежная единица — эку.

Экономическая реформа в СССР и вопросы обратимости рубля

Экономические мероприятия после второй мировой войны проводились при сохранении административно-бюрократического механизма управления. Именно поэтому реформа 1965 года была задумана неплохо, но захлебнулась, что стало очевидным в начале 70-х годов. В 1979 году было объявлено о продолжении экономической реформы. Однако и после 1979 года не было продвижения вперед. Третий раз приступили к экономической реформе в 1985 году, и опять, спустя четыре года, у многих пессимистическое настроение, хотя впервые под реформу стала подводиться правовая основа в условиях гласности и демократизации.

Какие же из конкретных шагов нужно сделать, чтобы вопрос о конвертируемости советского рубля встал на повестку дня?

Необходимо подключить предприятия к реальной оптовой торговле. Совершенно недопустимо, чтобы основные средства производства находились в руках одного Госснаба. Вместе с тем Госснаб может сослужить неплохую службу на пути к рынку, если преобразуется во множество торговых хозрасчетных самостоятельных посреднических фирм, заботой которых будет соединение производителей с потребителями. Другими словами, Госснаб со своим аппаратом должен стать организацией оптовой торговли.

Еще одним тормозом на пути к социалистическому рынку являются отраслевые министерства, которые в наших условиях обладают большими правами, чем самые сильные монополии Запада. Если при капитализме рыночные механизмы и подвер-

гаются давлению со стороны монополий, то наши министерства деформировали их настолько, что рынок как таковой практически не существует. Чтобы предприятия стали действительно самостоятельными, они должны выйти из-под влияния отраслевых министерств, что предусматривает, например, региональный хозрасчет, разработанный Прибалтийскими республиками. Объективные закономерности — упрямая вещь. Они говорят о том, что производитель должен планировать свое будущее производство в соответствии со спросом, учитывая не просто стоимость, но и потребительскую стоимость своего товара. Он же должен заботиться и о сбыте продукции, то есть владеть маркетингом. Отраслевые министерства,

которые пока сохраняются, должны существенно преобразовать свои функции. Целесообразно оставить за ними только стратегическую политику отрасли и лишить их возможности административного воздействия на предприятия. Перспективы имеет путь создания самими предприятиями союзов, ассоциаций (на Западе это союзы предпринимателей). Поэтому современные отраслевые министерства могут существовать лишь в переходный период. Их заменят ассоциации, союзы предприятий.

Как только у нас начнут складываться реальные рыночные отношения, то сразу встанет вопрос о ценах. Оптовая торговля без системы рыночного ценообразования просто немыслима. Отказ от централизованного монопольного механизма ценообразования не означает наступления анархии. Формирование цен на мировом рынке — хороший ориентир для ценообразования в открытой экономике любой страны, участвующей в международном разделении труда.

Вопрос обратимости рубля

тесно связан с выполнением им денежных функций. Однако выполнение этих функций советским рублем осложняется прежде всего существующей у нас практикой строгого разграничения безналичных и наличных расчетов. Безналичные деньги широко применяются и в капиталистических странах, но там они помогают экономить наличные, упрощают многосторонние расчеты и в целом содействуют развитию рыночного товарооборота. У нас же они, в условиях дефицитной экономики, обслуживают в основном неверно рыночное движение значительной части продукции. Объективные экономические законы требуют стирания границ между наличными и безналичными деньгами. Это две части общего денежного оборота.

Проблема обратимости тесно связана и с кредитным механизмом. Ведь современные деньги — это кредитные деньги. Проведенная недавно в нашей стране кредитная реформа не решила важных проблем, а может быть, даже и ухудшила ситуацию в кредитной системе. Раньше практически один банк (Госбанк) выполнял все операции, ныне же создано еще несколько специальных банков для долгосрочного кредитования. В результате вместо одной крупной монополии в кредитной сфере воцарилось несколько менее крупных в отдельных областях. В условиях, когда наши предприятия становятся все более диверсифицированными, они вынуждены обращаться практически ко всем этим банкам по очереди, что не согласуется с нормальными условиями хозяйствования.

Но это не значит, что надо вернуться к одной монополии. Напротив, необходимо создать еще одно звено, которое непосредственно было бы связано с текущей деятельностью предприятий. Речь идет о коммерческих банках, иными словами, о домашних банках предприятий любого ранга, которые должны работать в условиях полного хозрасчета и бороться за клиента. Именно это звено кредитной системы должно стать опорой предприятий на внутреннем и внешнем рынках.

Не следует полагать, что введение полной обратимости советского рубля — это обязательно единовременная акция. Напротив, это процесс постепенный и поэтапный. Если между отдельными социалистическими странами экономические и другие условия сблизятся раньше, то эти две страны могут ввести двустороннюю обратимость своих валют. Так, например, о введении обратимости в ближайшие годы можно говорить между СССР и Венгрией, СССР и ГДР, ЧССР, НРБ и Польшей. По мере создания единого рынка в рамках СЭВ можно достичь сначала обратимости всех валют стран — членов СЭВ между собой, а затем уже встанет вопрос об их обратимости в валюты капиталистических стран.

Одновременно может произойти укрепление в рамках СЭВ параллельной валюты (пе-

реводной рубль), которая раньше отдельных национальных валют может стать обратной в капиталистические валюты.

Опыт современного капитализма позволяет обнаружить тенденцию к созданию мировой валюты с полной обратимостью ее во все национальные валюты. Примером промежуточного звена на региональной основе является экю.

В будущем, когда, скажем, будет достигнут единый рынок в рамках Западной Европы, на повестку дня встанет вопрос о создании единой региональной денежной единицы.

Но сейчас, как промежуточный этап, параллельная валюта необходима. Она не исключает национальные валюты, а помогает им лучше адаптироваться к современным условиям и продвигает ко всеобщей обратимости. Лишь после того, как экю выполнит функцию параллельной валюты, она может быть введена на всей территории Европейского сообщества.

Вопрос конвертируемости валют упирается в принцип их эмиссии. Ни одна национальная валюта не может быть полноценной интернациональной, то есть выполнять в полной мере функции мировых денег, поскольку принцип ее эмиссии исходит из национальной потребности и состояния платежного баланса страны. Сейчас доллар выполняет функции мировой валюты постольку, поскольку ему нет в настоящее время реальной альтернативы. Ни одна страна мира не может пока сравниться с США в экономическом потенциале.

Эмиссия долларов определяется потребностью внутреннего рынка США, перемещение же долларов на международную арену определяется состоянием американского платежного баланса. При этом поступление долларов на мировой рынок может не соответствовать и, как правило, не соответствует потребностям мирового товарооборота услуг и платежей, связанных с движением капиталов. Если денежная единица будет выпускаться в соответствии с потребностями мирового товарооборота, тогда она будет хорошо выполнять функции мировых денег. Пока этого мы не наблюдаем, ибо доллары сейчас постольку

явно оказываются либо в избытке, либо в недостатке.

Если мы зададимся целью иметь в рамках СЭВ параллельную валюту, то должны решить в первую очередь вопрос о принципе ее эмиссии.

Чтобы в СЭВ избежать недостатков параллельных валют Запада, необходимо дать такие полномочия банку, который возьмет на себя эмиссию предполагаемой параллельной валюты социалистических стран, какие обеспечили бы ему возможность выпускать ее в соответствии с потребностями реального товарооборота между странами — членами СЭВ.

Советский Союз принял решение ликвидировать существующие с 1987 года валютные коэффициенты, которых насчитывается в настоящее время более трех тысяч. Как они возникли и чем были вызваны? Дело в том, что официальный курс современного рубля — это курс не для торговли, а для лиц, приезжающих в СССР и обменивающих свои деньги на рубли. Торговля ведется нами с капиталистическими странами в иностранной валюте. До последнего времени существовал такой порядок, по которому наши предприятия, зарабатывая за рубежом валюту, сдавали ее центральным органам и получали эквивалент в рублях. В настоящее время по Закону о государственном предприятии последним предоставлено право часть валютной выручки оставлять у себя. Другую часть они переводят в централизованный валютный фонд и отраслевому министерству. Эквивалент того, что идет в централизованный фонд или министерству, поступает предприятиям в рублях, но не по официальному курсу, а с учетом валютных коэффициентов (колебания от 0,3 до 0,6).

Предусматривается, что в этом году СССР откажется от валютных коэффициентов. Предприятия будут получать эквивалент в рублях со 100-процентной надбавкой к официальному курсу. В 1991 году предполагается ввести новый реальный единый курс рубля как для торговых, так и для неторговых операций. В результате отпадет необходимость в коэффициентах и надбавках, что создаст благоприятные условия для обратимости рубля.

Что касается временного аспекта, то можно предположить, что при удачном стечении обстоятельств полная обратимость советского рубля достигнута к концу текущего столетия, в худшем случае — в начале следующего.

Таким образом, можно предвидеть следующие этапы введения полной обратимости рубля. На первом этапе — примерно к середине 90-х годов — можно достичь конвертируемости рубля в валюты стран — членов СЭВ. При этом, опираясь на опыт червонцев в 20-х годах, можно ввести параллельную валюту, предназначенную для обслуживания только внешнеторговых операций.

На этом же этапе необходимо подготовить условия для обратимости рубля в коллективную валюту СЭВ — переводной рубль. Начало будет положено предприятиями, устанавливающими прямые связи, совместными предприятиями и международными объединениями. В 1991 году будет установлен реальный единый курс рубля. Помогут этому валютные аукционы в СССР и в других социалистических странах.

На втором этапе — до конца столетия — можно подготовить условия для обратимости рубля в валюты западных стран. Для этого необходимо создать как национальный оптовый и розничный рынки, так и объединенный рынок стран — членов СЭВ. Успехи экономической реформы повысят конкурентоспособность наших товаров и позволят углубить международное разделение труда. Курс рубля будет устанавливаться на основе спроса и предложения при участии Госбанка СССР. О реальной обратимости рубля в будущем свидетельствует тот факт, что в июле 1989 года объявлен международный конкурс на лучший проект ее теоретического и практического обоснования. Проект должен быть представлен к 1 апреля 1990 года, и победитель ждет премия в 20, 10 и 5 тысяч долларов. Инициатором конкурса является американский миллионер Фредерик Ферс. С советской стороны в качестве спонсоров выступают Институт экономики АН СССР и газета «Социалистическая индустрия».

Со счетом 5:4 Верховный суд США присудил победу сторонникам той трактовки первой поправки к американской конституции о свободе слова, которая не предусматривает наказания за сжигание национального флага в знак политического протеста. Решение это само вызвало бурный протест в разных слоях американского общества. Особенно возмущены были организации ветеранов. Однако, учитывая, что вердикт Верховного суда основывается на конституции, отменить его можно, только внося поправку в

основной закон США. Правда, «поправить» конституцию чрезвычайно трудно, поскольку для этого необходимо получить поддержку двух третей депутатов не только обеих палат конгресса, но и законодательных собраний по крайней мере 38 штатов. Но попробовать можно, так как та же первая поправка гарантирует право добиваться любых поправок.

Разрядка не остудила горячего воображения некоторых писателей. Так один из них, Ларри Коллинс, автор романа «Лабиринт», превратил в яблоко раздора очередной «войны миров» мозг американского президента. На этот раз «коварные красные», дабы окончательно рассорить Америку с Востоком, решили подтолкнуть президента к нанесению ядерного удара по иранской святыне — городу Куму. Тренированные агенты похитили энцефалограмму хозяина Белого дома, а «засекреченные» ученые подобрали частоту излучения, способную спровоцировать президентский гнев. Знайки отмечают тщательность проработки научной стороны детektива. Для тех же, кто еще не прочел этот роман, после некоторой паузы сообщим... дело мира все-таки вострожествовало.

Только очень naive люди могут до сих пор считать, что на Западе не бывает очередей. Для того, чтобы убедиться в обратном, достаточно побывать в Париже, на набережной Сены у дверей музея д'Орсей, где ладные на импрессионизм и авангард парижане и гости столицы

выстраиваются во многокилометровые вереницы. Расположившись в здании бывшего железнодорожного вокзала, музей д'Орсей смело бросил вызов самому Лувру, очереди в который не бывают такими многочисленными даже по воскресеньям.

Болит? — Помогите себе сам

Ведет профессор Мак-Иов Риго

Продолжение. Начало в № 4, 6, 7, 9, 11 за 1989 год.

У вас заболела голова

Запомните сразу: сама по себе голова не болит никогда. Там нечему болеть! — разве что из-за безалаберного отношения к своему здоровью вы допустите, что там начнет развиваться опухоль. Но это особый разговор.

Отчего же миллионы людей мучаются головными болями? Почему у них болит там, где болеть не должно?

Потому что голова — тончайший прибор, который сигнализирует: в теле произошло нарушение. Мало того, специалисту она точно указывает адрес, где нарушение произошло.

Вам же важно знать: головная боль — это знак, что болезнь уже перешла во вторую стадию.

В первой стадии вы тоже предупреждены телом своевременно, когда оно послало вам сигналы болью в точках (об этом мы говорили на первых уроках). Например, многим женщинам знакома точечная боль на белой линии над лбом; они говорят: «гинекология», а это цистит пробует голос. Но было бы заблуждением все боли из этого места приписывать циститу. Стоит взять на 1,5 сантиметра выше — и покальвание будет свидетельствовать: зарождается энтерит. Как видим, диагностика — дело очень тонкое. Мы к ней еще вернемся, а пока важно, чтоб вы не забывали: не бывает случайных покальваний, не бывает случайных болей. Вы думаете: перетерплю — пройдет. И действительно, через какое-то время точка перестает болеть. Но внимательные наши читатели знают: это означает, что вы ли-

бо поменяли в благоразумную сторону образ жизни, либо — что организм бросил на тушение зарождающегося пожара все резервы, и теперь на фоне общего недомогания, раздражительности, вялости покальвание в какой-то точке практически незаметно.

Итак, первая стадия — в каком-то органе возникло нарушение.

Вторая стадия — при этом заболела голова — функциональное нарушение вышло за пределы органа и охватило сопряженную с ним, связанную с ним систему. Что при этом происходит в голове: сужение сосудов или отек мозга (и при всех случаях — нарушение химизма), — вам знать необязательно. Но вот что следует понять и запомнить на всю жизнь: когда вы снимаете головную боль таблеткой или народным средством, тем самым вы снимаете только симптом, причина же боли — болезнь — остается в тебе и продолжает свою разрушительную работу. Поэтому давайте договоримся: научившись снимать любые головные боли (это несложно), мы берем себе за правило: сразу после этого, не теряя ни дня, вы обращаетесь к врачу, чтобы он определил, откуда надвигается угроза вашему здоровью.

Кстати, хотите знать, что происходит на третьей стадии?

При этом функциональные нарушения расплозаются по всему телу, захватывают все системы, а в органе-виновнике начинаются органические изменения (например, цирроз). Головная боль при этом теряет остроту, становится хронической и привычной; человек жи-

вет как бы в дымке, в легком тумане, но приятного в этом мало, поскольку дымку все чаще прорезают молнии психозов, например, подозрительность, мнительность, страхи...

Но вернемся к головным болям:

Они могут быть 1) лобные, 2) височные, 3) теменные и затылочные. Или в любой комбинации, например, лобно-затылочные или височно-теменные (каска). Из этого урока вы получите тот минимум знаний, который позволит вам убрать любую головную боль как симптом (это лучше таблеток, поскольку действует надежнее и на более продолжительный срок, а самое главное — уже несет в себе элементы лечения). На следующем уроке, уже владея умением справиться с любой головной болью, мы поучимся, как убирать их корни.

Лобная боль

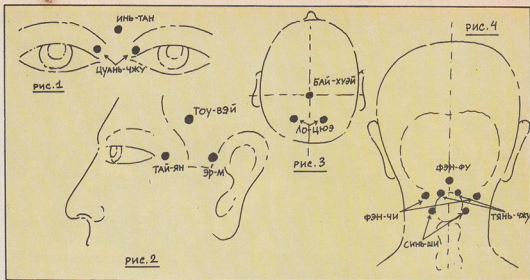
На первый случай достаточно обработать треугольник. Его вершина — внемедианная точка инь-тан — над носом, на середине расстояния между бровями. Основание — точки цуань-чжу (2-VII) — под началом брови, на прилегающем к переносице верхнем углу орбиты. На каждой из точек работать не меньше 5 минут, постепенно снижая силу воздействия до едва ощутимого прикосновения. (Рисунок 1).

Височная боль

Обычно на первый случай достаточно одной точки тай-ян (основная) — у нее очень сильное действие в широком спектре. Но поскольку височные боли могут иметь специфическую природу, предлагаем еще один треугольник, перекрывающий все основные варианты.

Итак, тай-ян (внемедианная) находится на виске. Уровень — середина расстояния между концом глаза и кончиком брови. Сдвинув палец на 1,5 сантиметра назад, вы ощутите ямку. Здесь и работайте — мягко, не менее 5 минут, постепенно понижая силу воздействия.

Тай-ян — в основании треугольника. Вторая точка основа-

ния — уже знакомая вам эр-мэнь (21-X). Найти ее просто: на уровне тай-ян возле самого уха находится углубление. Работать не менее 2 минут, режим — обычный.

Вершина треугольника — точка тоу-вэй (8-III). Она расположена посреди волосистого участка, который наступает на висок углом. Работать — по ситуации, лучше — деликатно, не менее 3 минут. (Рисунок 2).

Теменная боль

В этом случае тоже вполне можно обойтись одной точкой (значит, она основная) бай-хуэй (20-XIII) — она находится на средней линии головы в теменной ямке. Работать следует очень деликатно, предельно внимательно и не менее 5 минут. Желательно — до полного исчезновения болевого ощущения под пальцем. Благоприятное влияние этой работы пациент может ощущать не только в голове, но буквально во всем теле.

Раз уж у нас складывается система треугольников, не будем отступать от этого правила. Итак, бай-хуэй — вершина; основание — парные точки лао-дзюэ (8-VII). Искать их следует чуть позади и в стороны от вершины, чтобы получился равносторонний треугольник, где каждая сторона равна приблизительно 2 сантиметрам.

Здесь можно работать смелее.

Тем же, у кого будет время и желание развить успех, по завершении этой работы рекомендую пропальпировать среднюю линию головы в обе стороны от бай-хуэй. Все болезненные точки, которые вы обнаружите, ждут вашего участия. Не откажите им в этом! — ведь каждая минута работы на них отодвигает от вас следующий приступ боли на многие часы. (Рисунок 3).

Затылочная боль

Эту часть программы я бы рекомендовал внимательно изучить всем. В том числе и тем, кто не знает, что такое головные боли. Потому что, освоив эти точки, вы сможете принести облегчение любому человеку при любых болях в голове. Значит, если у вас есть силы и время — лечение любой головной боли начинайте с затылка и лишь затем переходите на точки, расположенные в области боли.

На рисунке вы видите, что вам предлагается три треугольника с вершиной в одной общей точке фэн-фу. Какой из них выбрать — определите сами с помощью пальпирования. Где точки острее, там и труднее. Если же все точки приблизительно равно чувствительны, не будет большой беды, если вы поочередно проработа-

ете все треугольники. Только не забывайте при этом каждый раз начинать фэн-фу. Надеюсь, что даже в этом случае вся ваша работа не займет больше 15 минут. Если же у вас будет потребность ее продолжать, лучше повторить сеанс через некоторое время; так будет больше пользы.

На шею можно работать смело, поэтому ориентируйтесь по чувствительности («Ст. М.» № 4, с. 76). (Рисунок 4).

Итак, вершина всех треугольников — фэн-фу (16-XIII) находится вверху затылочной ямки под затылочной костью. Значит, палец должен обрабатывать край ямки, но под костью — к первому шейному позвонку.

В основании первого треугольника (он уплощен почти до прямой) — парные точки фэн-чи (20-XI). Ищите их тоже под затылочной костью. Если фэн-фу делит ее основание пополам, то фэн-чи находится посреди каждой половины в ямке.

В основании второго треугольника — парные точки синь-ши (визмеридианные). Они расположены с обеих сторон 3-го шейного позвонка. Найти его очень просто: это первый крупный позвонок ниже затылочной кости.

В основании третьего треугольника — парные точки тянь-чжу (10-VII). Они находятся рядом с фэн-фу — по краям затылочной ямки.

Продолжение следует

Р Я Д О М С Н А М И

Святые места

В двух километрах от старинного городка Козельска раскаявшийся разбойник Опта еще в XIV веке основал мужской монастырь, позже получивший название Свято-Введенская Оптина Пустынь.

В июне прошлого года в этом тихом российском уголке собрались верующие различных христианских церквей нашей страны, Европы, Австралии — в СССР впервые открылся международный молодежный экуменический лагерь.

Что же привело сюда молодых людей?

Название «Оптина Пустынь» было до недавнего времени практически забыто, а места эти — со своей историей. В скиту, рядом с монастырской стеной, жили когда-то старцы-отшельники. К ним тянулись люди, приезжали Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Кого-то из старцев канонизировали в святые. После Октябрьской революции мужской

монастырь упразднили и только к моменту празднования 1000-летия крещения Руси его территорию и строения передали церкви. Монастырь основательно разрушен и обезображен, хотя и числится в архитектурных памятниках, охраняемых государством. Уже год ведутся реставрационные работы. Святые места влекут паломников, желающих принять участие в восстановлении монастырских строений, еще одной страницы

нашей истории и культуры. Именно поэтому и собрались здесь участники международного экуменического лагеря, — как поняла, религиозного движения за объединение всех христианских церквей, возглавляемое Всемирным советом церквей.

...В трапезной стучат молотки, летит пыль, падают куски штукатурки — под ней древние фрески. Прежний облик возвратят и фасаду, который не раз «латался», весь испорчен бетоном. Стрение постепенно освобождается от современных наслоений. Но оживет оно только после реставрации.

Попробовала постучать молотком и я, отбить бетонную заплатку. Несколько раз стукнула и поняла, как это непросто. Однако участники лагеря «перекурами» себя не баловали. Категорически запрещено, и сам лагерь только для некурящих.

Для лагеря монастырь выделит небольшой деревянный дом, бывший домик лесничего в двадцати минутах ходьбы от основной территории. Уклад здесь почти монастырский: все строго по расписанию, без изли-

шеств и, главное, на все нужно получить благословение — в переводе на наш мирской язык, разрешение.

По утрам обязательная молитва, а порой и служба в соборе. Завтрак вместе с монахами и послушниками во временном здании трапезной за территорией монастыря. Этажом выше бесplatно кормят и паломников, независимо от того, работают они или отдыхают после долгой дороги к свя-

тым местам. Еда всегда без мяса, простая, но вкусная и сытная. Если не пост, дают рыбу.

После завтрака — работа в трапезной, а в выходной — экскурсия в Калугу. Затем — обед, свободное время и опять работа вплоть до ужина, вечерняя служба в храме или совместные беседы за чаем. Перед сном все вместе, но каждый на своем языке полупешотом читают «Отче наш». И еще одно отличие от обычного моло-

дежного трудового лагеря: в спальнях у каждого на тумбочке в изголовье — Библия.

— Обычно в Библию заглядываю не так уж часто — примерно раз в неделю, — рассказывает Барбара Колард из Австралии, — в ней я нахожу больше вопросов, чем ответов. Но еще больше вопросов ставит передо мной жизнь. Например, почему у нас в Австралии, где веровать никогда не возбранялось, а церковь поощрялась государством, неверующих становится все больше?..

Действительно, почему? Ведь у нас в стране, где с религией боролись так беспощадно, что многие вынуждены были скрывать свое истинное к ней отношение, верующие остались. Более того, в последнее время, когда отношение к церкви потеплело, стало демократичным, растет число людей, посещающих храмы.

Барбара по специальности детский и семейный психолог. Ее, как социального работника в государственной сфере и в Объединенной церкви Австралии, эти вопросы особенно волнуют. Надеется получить на них ответы, общаясь с другими участниками лагеря. Интересу-

ет ее не только церковь, но и традиции, обряды — как в нашей стране, так и в других странах. Поэтому вот уже пятнадцать месяцев она путешествует по Америке и Европе. Это не развлекательная турпоездка. Полгода работала в отделе социальной деятельности Англии. Ухаживала в больнице за детьми католиков, по разным причинам оторванными от своих семей. Теперь вот стучит молотком, глотает пыль, внося свой вклад в восстановление древнерусской святыни...

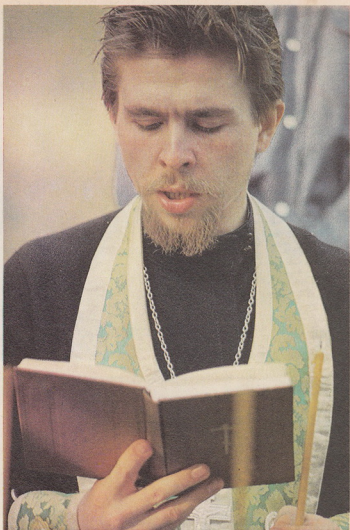
Первые молодежные экуменические лагеря появились в Европе сразу после второй мировой войны. Так церковь через молодежь стала принимать участие в восстановлении не только культовых строений, но и больниц, школ, домов, помогать инвалидам и престарелым по всей Европе, где прошла война. Многих тогда удивило, что наша страна, хлебнув столько горя от гитлеровского нашествия, пренебрегает помощью, отказывается от нее. Кстати, во многих странах такие лагеря верующих популярны и до сих пор. Скажем, в ГДР только в 1989 году организовано десять молодежных экуменических лагерей.

— Обычно у нас работают по две недели, — рассказывает Кристина из ГДР. — В основном ремонтируем всевозможные строения, реставрируем помещения, беседуем... Церковь — это не только храмы, но и люди. Общение — это наше богатство.

Кристина — пекарь, а в свободное время занимается социальной деятельностью в приходе Евангелистской церкви. Часть своего отпуска она ежегодно посвящает экуменическому движению.

Молодые люди здесь собрались самые разные. Николай закончил Московский институт международных отношений, а сейчас — студент Московской духовной академии, изучает богословие и работает гидом в Церковно-археологическом кабинете. Женат, растит дочь. Что толкнуло его так резко изменить свою жизнь? Пойти на определенные жертвы? Его месячная стипендия всего... 16 рублей, и такие же крохи за работу гидом.

— Только вера в Бога, дру-

гих причин не было, — утверждает будущий священник.

Валерий был инженером, а стал семинаристом, готовится в монахи. Как и Николай, учится и живет в Загорске, где, кстати сказать, богословие изучают и девушки.

Изабелла из Западного Берлина учится театральному искусству и активно работает в церковной организации, которая ратует за сближение Восточной и Западной Европы. А Тур из Норвегии собирается отложить учебу в университете в Осло, где он изучает богословие, и вступить в Доминиканский орден — станет монахом. Интересно, что, воспитываясь в религиозной семье, сам он к

вере пришел только в 20 лет. Начал с изучения ее извне, а теперь хочет погрузиться в веру полностью. И его тоже интересуют отношения между Востоком и Западом.

— На восточной территории Европы я в первый раз, — рассказывает будущий монах, а пока самый обыкновенный и очень жизнерадостный парень. — Нам очень нужен ваш духовный опыт и общение с восточными христианами. Горжусь тем, что организация, к которой я, католик, принадлежу, входит во всемирное студенческое христианское движение.

Думаю, слово «горжусь» вырвалось у Тура случайно, или, быть может, вкралась ошибка

переводчика, а хотел он сказать «рад» или «вполне доволен». Дело в том, что, наблюдая за участниками лагеря — людьми глубоко и искренне верующими, я подметила некоторую их общность. Вера помогает им стойко переносить невзгоды, сдерживать собственные чрезмерные эмоции, смирять гордость и гордыню, быть почтительными с духовными лицами, покоряться их воле, сохраняя собственное

достоинство. Не уверена, что смирение гордыни так уж хорошо, но усмирить собственные страсти, найти в себе силы противостоять собственным желаниям — это ли не признаки сильной личности?! И разве плохо, что люди находят согласие внутри себя? В душе их царит гармония и покой. Их не раздражают внутренние противоречия, а это уже немало.

Впрочем, члены семейно-пе-

дагогического объединения «Семья», которые тоже приехали помогать восстановлению монастыря, считают иначе. Их учитель и поводырь А. Гермаев ведет их к вере в Бога через духовное очищение. Они живут в палатках в саду, сами себе готовят еду, проводят свободное время в беседках. В храм все от мала до велика приходит в русских национальных одеждах.

— Учимся жить без конфликтов, — рассказывает Т. Голубкова из Ленинграда. — А если они в наших семьях все же происходят, разбираем их все вместе, анализируем, чтобы не повторять ошибок. Работа здесь — это наше общение и поиск истины и того неуловимого, хорошего, что закладывается в сознании и подсознании. Это и понятие, ведь восстановленные памятники старины дело такое, что в каждом сердце отзывается, верующее оно или нет...

Особое внимание в «Семье» уделяется детям, заботам о них, их духовному воспитанию. Те же проблемы волнуют и Руиз Карлсона из Швеции. На его пасторском попечении — дети-инвалиды. Чтобы общаться с ними, он выучил язык глухонемых. Каждый год пастор Руиз

вместе с членами его молодежной организации устраивает для этих ребятшек летние лагеря отдыха. Не забывает о них и зимой: проводит встречи, экскурсии, семинары.

— Мы тоже много времени и внимания уделяем детям,— рассказывает студент последнего курса Христианской академии Алексий Андреев из Польши. Он приехал вместе со своим младшим другом Николаем. Они вместе занимаются и в кружке братства Православной молодежи Польской православной автокефальной церкви.

— Кроме молодежных лагерей, которые организуются для строительства и реконструкции храмов, у нас есть и тематические, например, иконописцев, участников хоров. Но главное, что они — детские. Попасть в них желают многие, так как такой отдых кажется им интересным. Может, поэтому в пасхальный период в монастырях наблюдается настоящее паломничество молодежи...

Игра в волейбол, купание в реке, прогулки к источникам и лесным озерам — вот те немногие развлечения, что позволяют себе участники международного лагеря в свободное от ра-

боты, запланированных бесед-семинаров и совместных молитв время. Но и в часы отдыха, как они говорят, Бог с ними. И это не просто слова: возвращаясь вместе с ними с живописного озера в долине Любви, я обратила внимание, что все они тихо напевают одну песню на непонятном мне языке.

— Это псалом 118 на древнееврейском языке,— пояснил мне референт отдела внешних церковных сношений Московской патриархии священник Сергей Безчасный.— Это самый известный и самый короткий псалом, поэтому его и переложили на песнопение.

Отец Сергей заканчивает Московскую духовную академию, но собирается продолжить учебу в аспирантуре. Знает украинский, белорусский и английский языки, изучал философию. Был когда-то в комсомоле, но разочаровался в нем. По его словам, ответы на все возникающие у него вопросы может дать только религия. Контакт с церковью произошел после того, как понял, что в школе учителя выражают лишь общепринятое мнение, а не свой взгляд на жизнь, свою позицию.

Вместе с Ритой — переводчицей отдела внешних сношений, отец Сергей организовал этот лагерь, а затем стал и его лидером. Без его благословения не обходится даже самое банальное чаепитие или игра в мяч. Священник Сергей молод и, наверное, поэтому без особых раздумий меняет черный подрясник на современные джинсы и идет вместе со всеми работать молотком. Встретившись с ним на улице, ни за что не подумала бы, что этот молодой человек не только отец семейства, но и духовный отец...

Но так что же все-таки влечет в Оптину Пустынь молодых и старых, верующих и неверующих?

— У людей есть понятие: святые места,— пытается найти ответ настоятель монастыря архимандрит Евлогий.— И у каждого в душе должно быть что-то святое. Во имя этого святого человек себя располагает, жертвует чем-то, строит свое отношение к жизни по совести. Главное тут — в духовном интересе. Что человека духовно удовлетворяет, на то ему никаких сил не жалко и ничего не требуется взамен.

В каждом человеке зало-

жено что-то хорошее. Вот и разбойник Опта нашел в себе духовные силы отстать от ала, дать рост тому хорошему, что теплится в его грешной душе. Конечно, повлияли на это решение сильные личности, которых он встретил на своем жизненном пути. Под впечатлением их наставлений он раскалялся и заложил этот монастырь.

— Вряд ли такой убедительной силой обладают современные лозунги и призывы.

— Секрет в том, что человек должен определить себя сам, свободно сделать свой выбор. И тогда он найдет счастье в любом деле. Если бы православная церковь проявляла насилие и тащила бы к себе людей «на аркане», то она потеряла бы и себя, и свое лицо, и прихожан...

Что ж, мне кажется, над словами отца Евлогия стоит задуматься не только верующим. И если вера помогает людям жить, не принося зла друг другу, созидать, а не разрушать, то зачем убеждать их. Каждый стремится к гармонии в своей душе по-своему. Главное, чтобы она в конце концов наступила. И выбор пути к достижению цели должен быть свободным.

Елена Исакова

ДОСЫЛ В НОМЕР

Дорогие друзья!

Несколько месяцев назад мы сообщили вам о том, что дружественная редакция за рубежом попросила нас подготовить материал о верующих среди студентов. Некоторые читатели откликнулись на нашу просьбу и рассказали о своих представлениях о Церкви, вере... К сожалению, мы не получили до сих пор писем от самих верующих.

Напоминаем читателям о том, что вы можете не подписываться подлинным своим именем, а поставить псевдоним.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Погружение во тьму. Из пережитого

Олег Волков

(Страницы книги)

Я помню, что именно в этой одиночке Архангельской тюрьмы, где меня продержали около года, в один из бесконечных часов бдения при неотступно сторожившей лампочке, стершей грани между днем и ночью, мне особенно беспощадно и обнаженно открылось, как велика и грозна окружающая нас «пылающая бездна»... Как неодолимы силы затопившего мир зла! И все попытки отгородиться от него заслонами веры и мифов о божественном начале жизни показались жалкими, несостоятельными.

Мысль, подобная беспощадному лучу, пробежала по картинам прожитых лет, наполненных воспоминаниями о жестоких гонениях и расправах. Нет, нет! Невозможен был бы такой их невозбранный разгул, такое выставление на позор и осмеяние нравственных основ жизни, руководы миром верховная — благая сила. Каленым железом выжигаются из обихода понятия любви, сострадания, милосердия — а небеса не разверзлись...

В середине тридцатых годов, во время генеральных репетиций кровавых мистерий тридцать седьмого, я успел пройти через круги двух следствий и последующих отсыдок в Соловецком лагере. Тесерь, находясь на пороге третьего срока, я всем существом, кожей ощущал полную безнаказанность насилия. И если до этого внезапного озарения — или помрачения? — обрушившего крылья надежды, я со страстью, усиленной гонениями, прибежал к тайной утешной молитве, упрямо держался за веру отцов и бывал жертвенно настроен, то после него мне сделалось невозможным даже заставить себя перекреститься... и уже отторженными от меня вспоминались тайные службы, совершавшиеся в Соловецком лагере погитимном позже священником.

То был период, когда духовных лиц обряжали в лагерные бушлаты, насильно стригли и брили. За отправление любых треб их расстреливали. Для мирян, прибегнувших к помощи религии, введено было удлинение срока — пятилетний «довесок». И все же отец Иоани уже не прежний благообразный священник в рясе и с бородкой, а сутулый, немощный и униженный арестант в грязном, залатанном обмундировании, с безобразно укороченными волосами — его стригли и брили связанным, — изредка ухитрялся выбраться за зону: кто-то добывал ему пропуск через ворота монастырской ограды. И уходил в лес.

Там, на небольшой поляне, укрытой молодыми соснами, собиралась кучка верующих. Приносились хранившиеся с великой опаской у надежных и бесстрашных людей антимис^{*} и потребная для службы утварь. Отец Иоани надевал епитрахиль и фелонь, мятую и

* Принадлежность новозаветного богослужения.

Братья Волковы Олег и Всеволод в имени Пудышева, 1914 г.

Век надежд и крушений

Явление Олега Васильевича Волкова, как человека и писателя, совершенно не осмыслено нами. И не только потому, что мы выросли в царстве сбитых оценок и шкал по отношению к той России, в которой 21 января 1900 года Волков родился. Масштаб его дарования и судьба отражают отечественную трагическую историю нашего века, взглядываясь в которую нелегко и даже небезопасно, ибо речь идет об истории издевательств над человеческой природой при протестировании идеи: все для человека, все во имя человека.

Проведший 27 лет в троцкистских лагерях и тюрьмах исключительно за свое природное мировоззрение, Волков не разрушился нравственно и явил нам образец духовной личности, которая и в путеводном, и в правовом смысле полночича помочь нам войти в наследство, именуемое Россией. По материнской линии предки Волкова из морской династии Лазаревых. Его прадед Михаил Петрович Лазарев — открыватель Антарктиды, герой Наваринского сражения 1827 года, адмирал, главнокомандующий Черноморского флота с 1833 по 1850 год. Он основал в Севастополе всемирно известную Морскую биб-

лиотеку, и начинал вполголоса. Возгласия и тихое пение нашего робкого хора уносились к пустому северному небу; их поглощала обступившая мшарину чаща...

Странно было попасть в засаду, мерещились выскакивающие из-за деревьев вохровцы, — и мы стремились уйти всеми помыслами к горным застунникам. И, бывало, удавалось отрешиться от гнетущих работ. Тогда сердце полилось благостным миром, и в каждом человеке прозвевался «Брат во Христе». Отрадные просветленные минуты! В любви и вере виделось оружие против раздирающей людей ненависти. И воскресали знакомые с детства легенды о первых веках христианства.

Чудилась некая связь между этой вот горсткой затравленных, с верой и надеждой внимающих каждому слову отца Иоанна эзков и святыми и мучениками, порожденными гонениями. Может, и две тысячи лет назад апостолы таким же слабым и простуженным голосом всеяли мужество и надежду в обреченных, напуганных ропотом толпы на скамьях цирка и ревом хищников в вивариях, каким сейчас так просто и душевно напугивают нас, подходящих к кресту, этот гонимый русский поник. Скромный, безвестный и великий...

Отца ее, известного московского протоиерея Николая Пискановского, преследовали с восемнадцатого года. Он сидел в тюрьмах, приговаривался к расстрелу за «противодействие изъятию церковных ценностей». Ксения не знала покойного, безопасного времени: родилась она незадолго до крестового похода власти против церкви. Обыски, выселения... Девочку вышвырнули из школы. Семья жила в вечном страхе и постоянной нужде.

Рано лишившаяся матери, обожавшая отца, Ксения от него не отступилась. Она носила в тюрьму передачи, навещала его в ссылке, нянчила младшего брата. Непостижимо, как не утратила она способности радоваться жизни! Верить в добро и утешать других? Ни ожесточения, ни замыкания в себе...

В Архангельске Ксения жила с тяжело больным отцом, отбывавшим бесконечную ссылку. Свойство одним своим видом открывать, вселять уверенность в хорошем исходе приобрело Ксения множество друзей. И она неутомимо кого-то навещала, опекала...

Жалкая одежда — всегда черная — казалась на ней чуть ли не нарядной; а из-под по-монашески повязанного темного платка и светилось, и улыбалось чистое, юное и доброе лицо. Далеко, далеко не красавица — а вот ведь забывалось об этом. И выдающиеся вперед зубы, прикрытые крупными губами, и не очень-то правильный носик — все выглядело у Ксении милом и исключительным. Видимо, такова сила присутствующего ее лицу выражения. Выражения высшей человечности...

Такие девушки, верующие, самоотверженные, бросали вызов самой сути порядков, опровергали идеологию власти. И при всей своей смиренности и слабости они составляли невидимый становой хребет сопротивления отлучению народа от нравственных устоев. Их побочничество «врагам народа» не только помогало кому-то выжить, спастись, но и оказывало свое тайное действие примера и укора малодушным. Им боялись подражать, но пример их запомнился.

И весь этот подземный ток сочувствия исподволь размывал воздвигнутую систему насилия, помогал разобраться в удручающем тумане напущенной лжи. Поповна Ксения и Лиза Самарина, тысячи и тысячи других верующих русских женщин были светом и истиной в непроглядной ночи. И если России суждено когда-нибудь возродиться — в основании ее будет и подвиг этих православных подвижниц.

В 1935 году дела мои пошли столь успешно, что я мог устроить приезд ко мне матери из Ленинграда. Ей было шестьдесят шесть лет, силы иссякли, и, встречая ее на перроне, я про себя ужаснулся, узнав в крохотной старушке, выхохленной и полуслепой, мать, которую помнил деятельной и полного сложения. И заговорила она слабо и растерянно, отчасти потому, что, разглядывая меня, едва узнавала со-

«Ст. М.» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

*Олег
Васильевич
Волков*

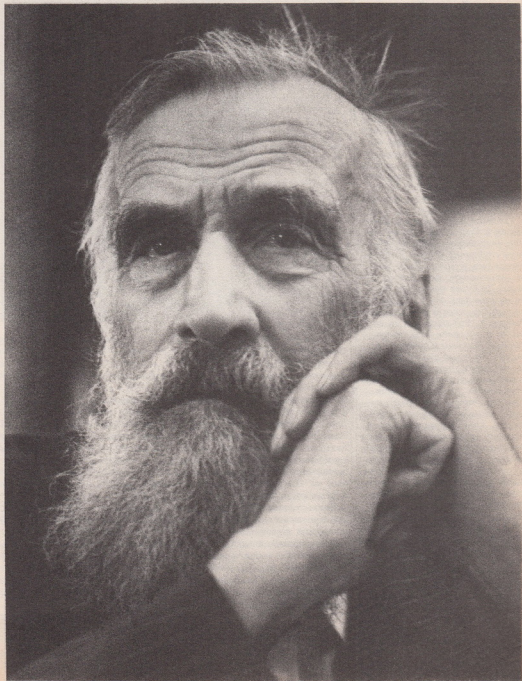

ФОТО НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВСКОГО

лиотеку, которой и завещал после своей смерти богатейшее личное собрание книг. В 1931 году этот подарок был продан «Международной книгой» за рубеж. Увы, та же судьба постигла многие и многие духовные ценности нашего Отечества. Если Россия Пушкина, адмирала Лазарева, Льва Толстого, Достоевского, Алексея Лосева, Олега Волкова превращала деньги в духовные ценности, то позже стали превращать духовные, принадлежащие народу ценности в деньги!

И сегодняшняя Москва, исторический символ России, стремительно превращается в свою железобетонную противоположность. Это откроется всякому, кто прочтет книгу Волкова «Каждый камень в ней живой». На ее страницах запечатлена дореволюционная православная Москва, естественным образом согласованная с российской историей и ее ликами.

По мере знакомства с творчеством Олега Волкова все яростней вырисовывается образ всей глубинной России. Причем география и краеведение являются неизменное достоинство его книг. Да будет широкому читателю известно, что Географиз, не просуществовав и 20 лет, был закрыт в 1964 году, ибо он стоял на пути скольких грандиозных, стоишь и безумных проектов повороты северных рек на юг, осушения болот, укрупнения, а следовательно, уничтожения неперспективных сел и деревень... Географические и краеведческие издания были свернуты. За их счет развернули фантастику, детективную и прочую отвлеченную литературу, выводящую человеческое сознание в длительный режим воображаемого мира. Волков противостоял этому миру своим творчеством. Повесть «В тихом краю», написанную им в 1959—1975 годах, хочется перечитывать, пить ее чистый родниковый русский язык. Сердце замирает от красоты, льющейся из строки в строку. Любая девушка может позавидовать речке Косуге, о которой пишет Волков. Может быть, Виктор Петрович Астафьев написал свою миниатюру «Падение листа» под влиянием волковского описания этой русской речушки: «Это прихотливое петляние Косуги,

Любовь Юрьевна Новосильцова

хранившегося в памяти прежнего, долагерного, сына.

Поначалу — с отвычки — напрягло, но тут же показалось единственно возможным и естественным обращение ко мне матери по-французски. Иначе, как я себя помню, мы с ней не разговаривали. Даже с отцом говорить по-русски мы стали, лишь повзрослев. И от звуков иноязычной речи в этой чуждой обстановке на меня пахнуло прошлым, отчим домом. Старой Россией... И вот сквозь внешнюю отчужденность и незнакомость начали яростно и с готовностью пробиваться наружу дремлющие в нас до поры голоса кровных уз. Интонация, слово, жест пробуждали прежние непосредственные связи, словно и не было длинных лет разлуки...

После толкотни на пристанях и палубе допотопного пакетбота, курсировавшего между берегами Двины, мы потихоньку пошли по щелястым деревянным мосткам, пустынным и гулким. Я нес потерянный материнский саквояж, памятный по давнишним поездкам за границу. Она, такая невесомая, семенила рядом, опираясь на мою руку. Хотелось поднять ее на руки и нести, и было радостно сознавать хоть эту возможность быть ей опорой.

Мать прожила у меня с неделю. Я скоро понял, что она лишь смутно представляет себе лагерь, и было бы жестоко раскрывать ей глаза. Виделось ей нечто вроде вычитанного у Короленко или в мемуарах Веры Фигнер: решетки, казематы, мрачные тюремщики, непреклонные политические в благородном ореоле...

Людам — особенно женщинам ее поколения и круга — никогда не приходилось так вникать в жизнь, как нам, ощущая ее изнанку,

сталкиваться с уродливыми порядками. Их существование протекало в рамках, оберегавших от крайностей. Рамках прочных, определяемых традицией. Мать и революцию-то в ее подлинном облике познала лишь в единичных случаях — два-три раза в жизни — во время обысков, смахивавших на вторжения вооруженных бандитов. Только тогда она могла почувствовать прямую угрозу насилия. В остальное время какие-то обстоятельства смягчали удары, всегда находилось что-то, становившееся между нею и враждебным окружением. В тревожные первые годы, когда семья еще жила в имении, от соприкосновения с внешним миром мать была отгорожена нами, старшими сыновьями; в критические минуты выручали... сочувствие и заступа соседних крестьян. В Петрограде мать замкнулась в крохотном кругу близких и уцелевших старых друзей.

И всегда немногословная, мать сделала вовсе молчаливой. Лишь изредка, по нечаянному ходу мысли, всплывали воспоминания, и я слушал ее рассказы о «старине глубокой» — неправдоподобно далекой жизни в Петербурге второй половины XIX века, о дедах, о парижских встречах, известных и даже прославленных людях прошлого, которых ей доводилось знать. И чем полярнее, несопоставимее с нашими очевидностями были понятия, нормы отношений, их обрамление и суждения прежних людей, оживавших в рассказах матери, тем грустнее и безнадежнее определялись выводы: в какие бездны катится Россия? До какого одиночия дойдет народ, отваживаемый от простейших нравственных истин?

Мать близко знала Кони. Анатолий Федорович на правах соседа — они жили рядом на Моховой — до последних своих дней приходил к ней «на огонек». Саноиник, стужавший известность защитой революционеров; человек, никогда не погрешивший против совести; государственный деятель, оказавшийся в плену предрассудков своего века и не разглагольствовавший в своем старшем современнике Достоевском... Со слов матери я знал, что свержение Временного правительства и особенно разгром Учредительного собрания потрясли Кони. Потрясли настолько, что дальше он жил уже раздвоенным, наполовину отрешившимся от себя. В этом я видел неизбежную судьбу таких вот честно заблуждающихся людей XIX века, заворуженных багровыми ответами слова РЕВОЛЮЦИЯ...

Проводил я мать и хорошо помню, что, расставаясь, уверенно, как само собой разумеющееся, обещал летом, по пути отсюда, заехать к ней в Питер — показаться уцелевшим родственникам, кузинам и тетюшкам, считавшим, что в семье появился свой декабрист. Но это было мое последнее свидание с матерью...

В этой записке — последней — Люба * писала:

«Уж лучше пусть о постигшем тебя горе ты узнаешь от меня. Да помогут тебе моя любовь и сочувствие с ним справиться. Олег, милый, бедный мой Олег, крепись: у тебя нет больше брата: Всеволод, уже скоро два года, как погиб на Волховском фронте...»

И были еще слова любви и преданности, и ощущалось, как больно ей за меня. Но что могло заполнить вдруг образовавшуюся пустоту?..

Я не сразу дочитал длинное письмо. А в последних строках там стояло: «Не одно у тебя горе, узнай все сразу. Прошлой весной в Москве скончалась твоя мать — тихо, во сне. Легла с вечера и не проснулась. Ей было пятьдесят пять лет, и она многих потеряла, за тебя одного более пятнадцати лет болело сердце. Смерть соединила ее с ушедшими. А за тебя и остальных своих детей она будет молиться отсюда. Помоги тебе Бог. Твоя Люба». И еще стояла приписка: «Я немного простудилась». И уже вслед за нею, совсем с краю: «Хочу, чтобы ты помнил, знал, пока я жива, ты не одинок».

Сгорая я не ощутил невозвратимость и горечь утрат в полной мере. Слишком притуплены были тогда мои способности, слишком

внешне беспричинное, ее извилистое течение чем-то напоминает падение листка, когда он в тихий осенний день отрывается от оголенной ветки...»

Волков знает Россию изнутри, в целом, глубоко и основательно. Им написаны около 20 книг, включающих в себя повести, рассказы, очерки, эссе, публицистику. Более тридцати лет Олег Васильевич защищает в своих статьях Байкал и его природу. «Еще будучи эзопом, я сокрушался оттого, как бездумно мы губим тайгу...»

Особое место в его творчестве занимают переводы с английского и французского, с русского на французский. Он перевел два тома Андре Боннара «Греческая цивилизация», объемистый фоллиант мемуаров Эдуарда Эрио «Из прошлого. Между двумя войнами», книгу «Ренуар», написанную сыном художника Жаном Ренуаром, «Тайны книги де Кадиньян» Оноре де Бальзака, «Истину» Эмиля Золя и другие.

В этом году издательство «Советский писатель» запланировало выпустить книгу избранного О. В. Волкова под названием «Век надежд и крушений». Наряду с повестями, рассказами, публицистикой в нее войдет и документальная эпопея «Погружение во тьму». Автор и народы России в космосе зла — вот ее содержание. Мы публикуем отрывки из этого трагического жизнеописания. Тем, кому они, может быть, покажутся слишком фрагментарными, я расскажу историю расследования причин гибели ленинградского самолета Ту-104 под Москвой. После влета он врезался в землю с такой силой, что от «черного ящика» осталось только полтора метра «магнитофонной проволоки», зависшей на обгоревшей березе. На ней был записан голос штурмана: «Включите резервный преобразователь... вашу мать!» По этой фразе установили причину катастрофы, описание которой заняло несколько томов. Так по отрывкам из книги Волкова вдумчивый читатель составит полное представление о размерах и причинах катастрофы, постигшей наш народ во время массовых репрессий.

Григорий Каложный

* Любовь Юрьевна Новосильцова, кузина О. В. Волкова. Представительница Новосильцовых — старинного боярского рода, немало послужившего Отечеству.

я был поглощен возвращением к жизни, возникающими надеждами на будущее, насущными заботами о лечении, самочувствии, режиме. Минуты отчаяния, приходившего от сознания, что нет больше Всеволода, любимого брата, были впереди... Как сообщили из части его жене, брата вынесли из боя с простреленной грудью.

С остальными членами семьи, даже с матерью, у меня никогда не было близких, сердечных отношений. В детстве я считался упрямым, замкнутым и неласковым, а повзрослев уехал. Жизнь в разных городах еще ослабила и без того не слишком тесные узы, а длительное заключение почти вовсе их пресекло. Известие о гибели Всеволода заслонило боль от утраты матери.

«Я немного простудилась», — упоминала Люба. Это тревожило: с ее сердцем так опасно всякое заболевание. И наполнило, придавило сосущее, тяжелое предчувствие. Пришибленный всеми этими известиями, я не находил себе места. Все ждал Юру, надеясь, что уговорю его проводить меня к Любе.

Но вместо Юры пришел Кирилл Александрович. Я впервые увидел у этого сдержанного и замкнутого человека на глазах слезы. Он говорил не своим голосом. У Любы воспаление легкого, сильнейший жар. Она с ночи бредит, никого не узнает, зовет мать...

Как же мы спешили! И когда наконец-то одолели дорогу до invalidного лагуника — я еле шел, вынужден был останавливаться. Вережки со мной измучились, вахтер на проходной не стал нас пускать за поздним временем. Но согласился вызвать санитарку или сестру. Пришла пожилая мастерица, та самая рыхлая, с одышкой, что принимала Любу, когда мы ее сюда проводили. Она откровенно плакала.

Несколько часов назад, не приходя в сознание, Люба скончалась. — Уже в морге. Завтра нашу голубушку похоронят. Тут без гроба — яму выроют и положат... Отмучилась, милая. Господи милостивый, такую молодую прибрал!

Мастерица передала мне крохотный сверток: связку писем, несколько фотографий, салфетку с незаконченной вышивкой. И тихо мне:

— Поминала вас... ждала... Жалела, надеялась, что поправитесь, придете...

Люба, Любочка... На следующий день я не мог подняться. Кирилл Александрович один пошел на лагуник, и мне показалось невозможным не проститься с Любой, не взглянуть в последний раз на милое ее лицо, но сил хватило только на то, чтобы спустить ноги с койки.

Люба была еще в морге — не пришли рабочие вырыть могилу. Вережки вернулся к себе, запаса махоркой и хлебом и снова туда отправился, чтобы самому устроить похороны. Заказал гроб и небольшой крест.

Спустя две недели, уже перед самым отъездом, я на поросшей редкими сосенками вырубке, обращенной в кладбище, без труда нашел по кресту бугорок земли, под которым лежала Люба. На кресте надпись славянской вязью: «Любовь Юрьевна Новосильцова, 1912—1944».

Сколько простоят этот крест? Впрочем, это не имело значения: сюда все равно никогда не придет навесить родной прах близкий человек. Завтра уеду я, не останется здесь и Вережки. Подгнивший крест со стертой надписью станет не нужной никому памятью о неизвестном человеке...

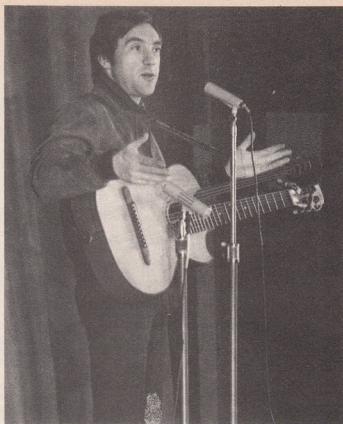
Не пришлось тебе, болярыня, покоиться в усыпальнице с пыльным новосильдовским гербом и мраморным надгробием, на принадлежащем тебе по праву месте, рядом с прадами твоими и прабабками... Как ласково встретили бы они свою замученную внучку...

Осенью 1991 года в Москве состоится I Международный фестиваль молодежной поэзии. Этот поэтический праздник нуждается в присутствии Музы, которая станет его гостеприимной хозяйкой. Поэтому оргкомитет фестиваля совместно с журналом «Студенческий меридиан» решили провести конкурс «Мисс Муза», надеясь найти среди своих читательниц очаровательную поклонницу поэзии. Тех, кто захочет принять участие в нем, мы просим прислать свои фотографии в адрес «Ст. М.», а также ответить на некоторые вопросы:

1. Посвящались ли вам стихи и хотели бы вы, чтобы они стали известны другим?
2. Хотели бы вы быть женой поэта или предпочитаете иметь друга, пишущего стихи?
3. Что такое поэзия?
4. Что делает вас счастливым?
5. Что бы вы хотели получить в подарок: набор косметики или томик стихов любимого поэта?
6. Назовите имена наиболее близких вам и любимых поэтов?
7. В своей ревности к другу (мужу) кого вы опасаетесь больше: более красивой или более умной соперницы?
8. Что бы вы отнесли к разряду литературного события прошлого года?
9. Какой из мировых языков наиболее подходит для поэзии?
10. Кому из молодых поэтов (расскажите о нем) вы хотели бы явиться Музой и в каком облике?

Мы уверены, что победительница нашего конкурса войдет в историю отечественной словесности и будет долгие годы вдохновлять поэтов написание талантливых строк. Помните, что «краткость — сестра таланта». Желаем успеха.

Последний срок ответов на вопросы — 20 апреля с. г.

В. Высоцкий. Выступление в клубе АЗЛК. 7 января 1977 года.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

ВЗВ

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов,
Олег Терентьев

В этом году мы решили несколько видоизменить традиционный способ публикации повести. Причин тому несколько. Самая основная, пожалуй, в том, что журнал далее не в состоянии продолжать печатать ее из номера в номер в том же объеме.

У редакции существуют свои проблемы и задачи, для которых необходимо «жизненное пространство».

Но спешим успокоить читателей: публикация на этом не заканчивается. Теперь повесть будет печататься один раз в

квартал, одновременно увеличившись в объеме в 1,5—2 раза. В каком из трех номеров квартала? В любом, где нам сочтут возможным выделить место. Это удобно и редакции, которая, будучи не связана обязанностью ежемесячных публикаций, имеет возможность сделать журнал еще более современным и интересным; удобнее и нам, так как с продолжением публикации задача усложняется: если раньше мы испытывали неудобства из-за отсутствия информации, которую приходилось собирать по крупицам, то теперь страдаем от переизбытка (и объем ее имеет тенденцию к прогрессивному увеличению). И для того, чтобы уложиться в отведенное место, приходится — в журнальном варианте — многим жертвовать, оставляя самое, на наш взгляд, главное. Из-за этого некоторые главы начинают выглядеть довольно куце. Если же растягивать их на несколько номеров, что уже сейчас порой приходится делать, то, во-первых, пропадает динамика, и становится просто скучно (о чем общаются некоторые читатели); во-вторых, мы рискуем вообще никогда не закончить повесть. Увеличение объема публикации за счет сокращения количества номеров позволит избежать подобных недостатков (по крайней мере, мы на это надеемся); в-третьих, это облегчит работу по сбору и исследованию документальных материалов — иногда к моменту сдачи материала в номер мы не успеваем завершить исследование некоторых эпизодов в полном объеме.

Выход, предложенный редакцией, нам видится разумным. Итак, по одной публикации ежеквартально. Возможно (пока это точно не решено), к 10-летию смерти В. С. Высоцкого будет подготовлен специальный выпуск журнала.

А теперь — конкретное предложение. Порой читатели сетуют, что мы постоянно ссылаемся на различные издания книг Высоцкого и тем самым только «дразим» их — для многих достать эти книги практически не представляется воз-

можным. Действительно, это проблема. Но все пути решения ее, предлагаемые читателями, кажутся нам либо невыполнимыми, либо недействительными. А выход, на наш взгляд, есть.

В прошлом году в еженедельнике «Книжное обозрение» был опубликован список «100 лучших книг» 1988 года, составленный по итогам конкурса читателей. Там же опубликовано постановление президиума Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги, где, в частности, говорится: «...Считать целесообразным выпуск массовым тиражом с соответствующим грифом трех лучших книг, удостоенных дипломов, как заказных изданий ВОК...» (пункт 5). То есть суть в том, что если книга Высоцкого окажется первой или, по крайней мере, третьей в списке «100 лучших книг» 1989 года, то существует вероятность переиздания ее большим тиражом. В прошлом опросе первые три места заняли соответственно книги А. Рыбакова «Дети Арбата», В. Дудинцева «Белые одежды» и А. Приставкина «Ночевала тучка золотая». Высоцкий оказался в списке 30-м. Причем не с какой-то конкретной книгой, а по совокупности издания: их в прошлом году было 13, а с разновидностями даже 15.

Мы считаем, что с таким подходом даже первое место Высоцкого может быть забаллотировано из-за отсутствия именно книги-призера. Поэтому предлагаем следующее. В прошлом году в различных издательствах вышло еще 10 книг Высоцкого. Нам кажется, самой лучшей из них является «Поэзия и проза» издательства «Книжная палата». В этом издании опубликовано около 250 стихов и песен (некоторые — впервые), напечатан «Роман о девочках»; книга содержит много дополнительной информации: библиографию, интересный справочный материал. А самое главное — минимум ошибок в текстах песен, их в книге практически нет.

Итак, призываем читателей действовать по методу «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Считаем, что, если хотя бы полмиллиона чи-

тателей поддержит нас, идея станет реальностью, ибо этого числа голосов вполне хватит, чтобы осуществить задуманное, так как оно превышает весь тираж «Книжного обозрения».

Только следует поторопиться: последний срок представления конкурсных материалов — 15 марта 1990 года. Для участия в конкурсе можно присылать любое количество названий любых книг отечественных и зарубежных авторов, изданных в СССР (естественно, расставив их «по местам»). На конкурсе принимаются названия только книг. К сожалению, журнальные публикации к конкурсу не допускаются. В нем могут участвовать как граждане СССР, так и иностранцы. Материалы следует направлять по адресу: 129272, Москва, Суевский вал, 64, «Книжное обозрение» — с обязательной пометкой на конверте (или открытке): «Книга-89». Другие подробности конкурса — в «Книжном обозрении» № 32 за 1989 год. Желаем всем нам успеха!

А теперь предлагаем вниманию читателей ранее не опубликованное стихотворение.

Владимир Высоцкий

* * *

Неужто здесь сошелся клином свет,
Верней, клинком ошибочных
возмездий?..

И было мне — неполных
двадцать лет,
Когда меня зарезали в подъезде.

Он скалился открыто —
не хитро,
Он делал вид, что не намерен
драться.
И вдруг — ножом под нижнее
ребро,—
И вон — не вынув, чтоб
не замараться.

Да будет нить-то! Ты
не виновата:
Обманут я улыбкой и добром...
Метнулся в подворотню луч
заката
И спрятался за мусорным
ведром.

Стихотворение печатается по черновому автографу с единственным изменением — в автор-

ском экземпляре 2-я строка выглядит так: «Верней[,] клинком ошибочных отмишений и возмездий». Наряду с этим существует другой автограф этого же стихотворения (судя по некоторым признакам — более ранний), существенно отличающийся от первого. Мы приводим лишь варианты конкретных строк, имеющихся в аналогичных строках:

3-я: И было мне семнадцать
первых лет,
5—8-я: «Добро, — сказал он,—
встретимся. Добро...»
И правую рукою стал

прощаться,
А левой — нож всадил мне
под ребро,
Да и не вынул, чтоб не
замараться.

9-я: Да будет выть-то!
Ты не виновата:

Кроме того, в ранней рукописи существует еще одна — заключительная — строфа, отсутствующая в поздней:

[13—16-я]: Еще спасибо, что
стою не в луже
(И лезвие продвинулось чуть
глубже,

И стукнула о камень
рукою...),—
Но падаю — уже не устоять.

Публикация Б. Акимова
и О. Терентьева

ДОСЫЛ В НОМЕР

Уважаемые единомышленники!
Рады вам сообщить, что на наш призыв в № 9 под рубрикой «Книга ищет издателя» откликнулись несколько деловых людей с конкретными предложениями. Сейчас эти варианты прорабатываются. У нас появилась реальная надежда на то, что книга «Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы» увидит свет.

Большое спасибо всем нашим единомышленникам за поддержку и реальную помощь!

Борис Пастернак

Вакханалия

(отрывок)

Город. Зимнее небо.
Тьма. Пролеты ворот.
У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.

Лбы молящихся, ризы
И старух шушуны
Свечек пламенем снизу
Слабо озарены.

А на улице выюга
Все смешала в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано.

В завываньи бурана
Потоцули: тюрьма,
Экскаваторы, краны,
Новостройки, дома,

Ключья репертуара
На афишном столбе
И деревья бульвара
В серебристой резьбе.

И великой эпохи
След на каждом шагу —
В толчее, в суматохе,
В метках шин на снегу,

В ломке взглядов,— симптомах
Вековых перемен,—
В наших добрых знакомых,
В тучах мачт и антенн,

На фасадах, в костюмах,
В простоте без прикрас,
В разговорах и думах,
Умиляющих нас.

И в значеньи двояком
Жизни, бедной на взгляд,
Но великой под знаком
Понесенных утрат.

Кремль в буран конца
1918 года

Как брошенный с пути снегам
Последней станции
в развалинах,
Как полем в полночь, в свист
и гам,
Бредущий через силу в валяных,

Как пред концом в упадке сил
С тоски взывающий к метелице,
Чтоб вихрь души не угасил,
К поро, как тьмою все
застелется.

Как схваченный за обшлага
Хохочущею выюгой нáрочный,
Ловящий кисти башлыка,
Здороваящегося в наручниках.

А иногда! — А иногда,
Как пригнанный канатом
накороть
Корабль, с гуденьем, прочь к
грядам
Срывающийся чудом с якоря,

Последней ночью, несравним
Ни с чем, какой-то странный,
пennyный весь,
Он, Кремль, в оснастке стольких
зим,
На нынешней срывает
ненависть.

И грандиозный, весь в былом,
Как визионера дивинация,
Несется, грозный, напролом,
Сквозь неистекший
в девятнадцатый,

Под сумерки к тебе в окно
Он всю медью звонниц
ломится.

Бойтся, видно,— год
мелькнет,—
Упустит и не познакомится.

Остаток дней, остаток выюг,
Сужденных башням
в восемнадцатом,
Бушует, прядает вокруг,
Видать — не наигрались
насыто.

За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Ненаступивший этот год
Возьмется сызнова
воспитывать.

Я их мог позабыть

(отрывок)

Нас мало. Нас, может быть,
трое
Донецких, горячих и адских

Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.

Мы были людьми. Мы эпохи.
Нас сбilo и мчит в караване,
Как тундру, под тендера вздохи
И поршней и шпал порыване.

Слетимся, ворвемся и тронем,
Закружimsя вихрем вороньим
И — мимо! Вы поздно поймете.
Так, утром ударивши в вoрoх
Соломы,— с момент
на намете —
След ветра живет в разговорах
Идущего бурно собранья
Деревьев над кровельной
дранью.

Косых картин, летящих ливня
С шоссе, задувшего свечу,
С крюков и стен срываются
к рифме
И падать в такт не отучу.

Что в том, что на вселенной —
маска?
Что в том, что нет таких
широт,

Которым на зиму замаской
Закзять не вызвались бы рот?

Но вещи рвут с себя личину,
Теряют власть, роняют честь,
Когда у них есть петь причина,
Когда для ливня повод есть.

* * *

Столетье с лишним — не вчера,
А сила прежняя в соблазне,
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни.

Хотеть, в отличие от хлыща
В его существованьи кратком,
Труда со всеми сообща
И зводно с порядком.

И тот же тотчас же туник
При встрече с умственной
ленью,
И те же выписки из книг,
И тех же ар сопоставленые.

Но лишь сейчас сказать пора,
Величем дня сравненые разия:

*Борис
Пастернак*

ГРАФИКА Л. ПАСТЕРНАКА

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Итак, вперед, не трепеща
И утешаясь параллелью,
Пока ты жив, и не моща,
И о тебе не пожалели.

Хлеб

Ты выводы копишь полвека,
Но их не заносишь в тетрадь.
И если ты сам не калека,
То должен был что-то понять.

Ты понял блаженство занятий,
Удачи закон и секрет.
Ты понял, что праздность —
проклятье
И счастья без подвига нет.

Что ждет алтарей, откровений,
Героев и богатырей
Дремучее царство растений,
Могучее царство зверей.

Что первым таким откровеньем
Остался в сцепленьи судеб
Прапрашуром в дар поколеньям
Варащеный столетьями хлеб.

Что поле во ржи и пшенице
Не только зовет к молотье,
Но некогда эту странницу
Твой предок вписал о тебе.

Что это и есть его слово,
Его небывалый почин
Средь круговращения земного,
Рождений, скорбей и кончин.

Единственные дни

На протяженьи многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся
попешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

На ранних поездках

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною тьмою
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбиралось щупальцами в круг.
Прекротор неся всей машиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И восанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя,
Здесь были бабы, слобожане,
Учасься, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа.

Рассевшись кучей, как
в повозке,
Во всем разнообразии поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, вазос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И приниками на меду.

* * *

Ты здесь, мы в воздухе одном.
Твое присутствие, как город,
Как тихий Киев за окном,
Который в зной лучей обернут,

Который спит, не опочив,
И сном борим, но не поборот,
Срывает с шеи кирпичи,
Как потный чесучовый ворот,

В котором, пропотов листвою
От взятых только что
препятствий,
На побежденной мостовой
Устало тополя толнятся.

Ты вся, как мысль, что этот
Днепр
В зеленой коже рвов и стежек,
Как жалобная книга недр
Для наших записей расхожих.

Твое присутствие, как зов
За поддень поскорей уместью
И, перечтя его с азав,
Вписать в него твое соседство.

* * *

Любить, — идти, — не смолкнул
гром,

Топтать тоску, не зная
ботинком,
Пугать ежей, платить добром
За зло брусники с паутиной.
Пить с веток, бьющих по лицу,
Лазурь с отскоку полюсуя:
«Так это эхо?» — и к концу
С дороги сбиться в поцелуях.

Как с маршем, бресть с репьем
на всем.
К закату знать, что солнце
старше
Тех звезд и тех телег с овсом,
Той Маргариты и корчмарши.

Терять язык, абонемент
На бурю слез в глазах
валькирий,
И в жар всем небом онемев,
Топить матчовый лес в эфире.

Разлегшись, стрель, в шипах,
ключьями
События лет, как шишки ели:
Шоссю; сошествие Корчмы;
Светало; збли; рыбу ели.

И раз сваясь, запеть: «Седой,
Я шел и пал без сил. Когда-то
Давился город бездодой,
Кулавшейся в слезах солдаток.

В тени бездушных длинных риг,
В огнях багла и бакалеен,
Наверное, и он — старик
И тоже следом околует».

Так пел я, пел и умирал.
И умирал, и возвращался
К ее рукам, как бумеранг,
И — сколько помнится —
процался.

Смерть сапера

Мы время по часам заметили
И кверху поползли по склону.
Вот и обрыв. Мы без свидетелей
У края вражьей обороны.

Вот там она, и там, и тут она —
Везде, везде, до самой кручи.
Как паутиною опутана
Вся проволокою колючей.

Он наших мыслей
не подслушивал
И не заглядывал нам в душу.
Он из конюшни вниз обрушивал
Свой бешеный огонь по Зуше.

Прожекторы, как ножки
циркуля,
Лучом вонзались в коновязи.
Прямые попаданья фыркали
Фонтанами земли и грязи.

Но чем обстрел дымил багровее,
Тем равнодушнее к осколкам,
В спокойствии и хладнокровии
Работали мы тихомолком.

Со мною были люди смелые.
Я знал, что в проволочной чаще
Проходы нужные проделаю
Для битвы, завтра предстоящей.

Вдруг одного сапера ранило.
Он отползал от вражьих линий,
Привстал, и дух от боли заняло,
И он устал в густой долины.

Он приходил в себя урывками,
Осматривался на пригорке
И шучал место под шавишками
На почерневшей гимнастерке.

И думал: глупость, оцарапаны,
И он отвалит от Казани,
К жене и детям вверх
к Саранулю, —
И вновь и вновь терял сознание.

Все в жизни может быть
идержано,
Иведаны все положенья, —
Следы любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.

Хоть землю грыз от боли
раненный,
Но стонами не выдал братьев,
Врожденной стойкости
крестьянина
И в обмороке не утратив.

Его живым успели вынести.
Час продыхал он через силу.
Хотя за речкой почва глинистой,
Там вырыли ему могилу.

Когда, убитые потерю,

К нему сошлись мы
на прощанье,
Заговорила артиллерия
В две тысячи своих гортаней.

В часах задвигались колесики.
Проснулись рычаги и шквивы.
К проделанной покойным
просеке
Шагнула армия прорыва.

Сраженье хлынуло в пробину
И выкатилось на равнину,
Как входит море в край
застроенный,
С разбега проломив плотину.

Пехота шла вперед
маршрутами,
Как их располагал умерший.
Поздней немногими минутами
Противник дрогнул у Завершья.

Он оставлял снарядов штабеля,
Котлы дымящегося супа,
Все, что обоные награбили,
Палатки, ящики и трупы.

Потом дорогою завешанной
Прошло с победами все войско.
Края расширившейся трещины.
У Криворожья и Пропойска.

Мы оттого теперь у Гомеля,
Что на поляне в полнолуние
Своей души не сэкономили
В пластуном деле накануне.

Жить и стогать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь
обесмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь
прочертишь.

Русскому гению

Не слушай сплетен о другом.
Чурайся старых своден.
Ни в чем не меряйся с врагом —
Его пример негоден.

Чем громче о тебе гадеж,
Тем умолкай надменной.
Не доверяй чужую ложь
Позором объяснений.

Ни с кем соперничества нет.
У нас не поединок.
Полмиру затмевает свет
Несметный вихрь песчинок.

Пусть тучи пали до небес,
Ты высидишь над прахом.
Вся суть твоя — противовес
Коричневым рубахам.

Ты взял над всякой спесью
верх

С того большого часа,
Как истуканов ниспроверг
И вечностью запаса.

Пусть у врага винты, болты,
И медь, и алюминий.
Твоей великой правоты
Нет у него в помине.

* * *
Жизни ли хотелось слаще?
Нет, насколько; я хотел
Только вырваться из чащи
Полуснов и полудел.

Но откуда б взял я силы,
Если б ночью сборов мне
Целой жизни не вместило
Сновиденье в Ирпене?

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Серый день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Хлопья лягут и увидят:
Синь и солнце, тишь и гладь.
Так и нам прощенье выйдет,
Будем верить, жить и ждать.

* * *
Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь
пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окутаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане
местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью
пядь,

Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым,

и только,
Живым и только до конца.

Рэй Брэдбери

ЧАС НОМЬ

Рассказ

Ох и веселье! Такая шла игра! Подобного восторга они еще не знали. Дети скакали взад-вперед по лужайкам, кружили, взявшись за руки, со смехом взбирались на деревья.

Над головами сновали ракеты, по улицам шелетели автомобили, а дети играли. До чего интересная, до чего упоительная игра, столько возни и крика.

Норка вбежала в дом, взмокнувшая и грязная. В свои семь лет она была шумлива, кренка и цецеустремленна. Ее мать, миссис Моррис, не успела и глазом моргнуть, а Норка уже вытаскивала и перетряхивала ящики в шкафу, гремела сковородками и рылась в мешке с инструментом.

— Боже мой, Норка, что происходит?

— Самая лучшая игра на свете! — выдохнула Норка. Лицо ее покраснелось.

— Остановись и отдышись, — приказала мать.

— Да ну, и так нормально. — Норка набрала воздуха в легкие. — Я возьму эти штуки, ладно, мам?

— Но не запихивай их никуда.

— Спасибо! Спасибо! — воскликнула Норка.

И — ба-бах! — она сорвалась с места со скоростью ракеты.

Миссис Моррис оглядела уносимую добычу.

— Как называется ваша игра?

— Вторжение, — ответила Норка. Хлопнула входная дверь.

На улице из каждого двора дети несли вилки, отвертки, трубы от старых газовых плит и консервные ножи. Интересно, что всей этой оголтелой суетой были поглощены только младшие дети. Десятилетние и постарше не вывязывались в предприятии, прогуливаясь неподалеку или степенно играя в собственный, новый вариант прятков.

Их родители проносились мимо на хромированных автомобильчиках. Подъехали ремонтники, чтобы починить в нескольких домах вакуумные лифты, настроить замкавшие телевизоры и прозвонить напругные пневмопроводы пищевой доставки. Взрослое поколение, стремившееся мимо ребятни по своим делам, завидуя неумной детской энергии, снисходительно оглядывало размах затеянного, втайне мечтая присоединиться.

— Ты, ты и ты, — Норка инструктировала остальных сборщиков ложек и гаечных ключей, — сделаете вот такую штуку и отнесете ее вон туда. Вон туда, бестолковый. Так. Потом вернетесь, пока я доделаю вот это. — Язык прикушен, лицо глубокомысленно сморщено. — Вот как. Пошли?

— Ага! — загадели малыши.

Подбежал двенадцатилетний Джозеф Коннора.

— Уходи. — Норка глядела на него враждебно.

— Я хочу играть, — сказал Джозеф.

— Нельзя.

— Почему это нельзя?

— Ты будешь смеяться.

— Не буду, честно.

— Будешь, мы тебя знаем. Уматывай, а то так напододадим.

Другой двенадцатилетний мальчик подкатил на мотороликовых коньках.

— Эй, Джо! Пойдем отсюда. Пусть малышня возится.

Джозеф, сомневаясь, задумался. Затем сказал:

— Я хочу играть.

— Ты для этого старый, — твердо заявила Норка.

— Не такой уж старый, — веско ответил Джо.

— Ты будешь только смеяться и испортить Вторжение.

Мальчик на мотороликах презрительно свистнул.

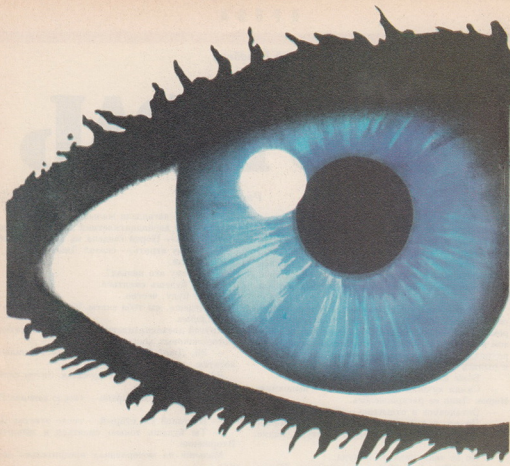
— Пойдем, Джо. Ну их с ихними выдумками. Дурачь!

Джозеф неторопливо побрел прочь, оглядываясь назад.

А Норка уже была занята. Из принесенного инструмента она соорудила нечто наподобие аппарата. Другая малышка, с карандашом и блокнотиком, сбивчивыми, неуклюжими каракулями записывала Норкины указания. Детские голоса то звенели, то затихали в прогетом воздухе.

Вокруг бурлил город. Ряды старых спокойных деревьев вдоль улиц. Лишь ветер озорничал над городом, над страной, над континентом. В тысячах других городов были и деревья, и дети, и улицы, и бизнесмены в немногочисленных офисах записывали на магнитофоны беседы или смотрели телевизоры. В голубом небе словно швейные иглы мелькали ракеты. Царили всеобщая доброта и согласие беззаботных людей, уверенных, что беда никогда не придет. Рука об руку люди Земли сообщали вперед. У каждой нации в эквивалентных количествах имелось новейшее оружие. Поэтому и возникло невероятное, замечательное равновесие сил. Не стало предателей, несчастливых, бесправных, и весь мир покоился на стабильных основах. Половину планеты заливало солнце, и деревья сонно грезили под упругими порывами ветра.

Мать Норки выглянула из окна второго этажа.

Детишки. Она покачала головой. В конце концов, дети должны хорошо есть, хорошо спать и в понедельник сидеть в школе. Спаси господь их непоседливые тела. Она приелушалась. На клумбе, возле куста роз Норка деловито с кем-то разговаривала — хотя там никого не было видно. Взаблуженные дети. А та малышка, как ее имя... Анна? Анна записывала в блокнотик. Сначала Норка задавала кусту вопросы, потом диктовала ответы Анне.

— Треугольник, — сказала Норка.

— Что такое «три», — с запиской произнесла Анна, — «угольник»?

— Неважно.

— Я не знаю, как это пишется...

— Т-р-е, — Норка заторопилась. — Да пиши как хочешь!

Она продолжила диктант.

— Луч.

— Я еще трех ну, этот, угольник не записала.

— Давай быстрее, — приказала Норка.

Мать Норки перегнулась через подоконник.

— Тре-у-голь-ник, — подсказала она.

— Ой, спасибо, миссис Моррис, — обрадовалась

Анна.

— Не за что. — Мать Норки, посмеиваясь, отошла от окна. Надо бы освежить холл магнитопылесосом.

За окном, в сияющем воздухе щебетали ребячьи голоса.

— Луч, — повторила Анна. Тишина.

— Четыре—сорок—семь по А, Б и X, — увлеченно, серьезно говорила Норка. — Затем разветвление и нить гек... гек... саго... гек-сагонально.

За обедом Норка, проглотив тост, залпом выпила стакан молока и ринулась было на улицу. Мать раздраженно плеснула ладошью по столу:

— Ну-ка немедленно вернись. Через минуту будет суп. Она нажала красную кнопку линии доставки, и через десять секунд что-то мягко звякнуло в обрезанном пищеприемнике. Миссис Моррис открыла камеру, вынула кастрюльку из алюминия и, сняв герметичную крышку, разлила по тарелкам горячий суп. Норка в это время ныла:

— Мам, быстрее! Дело жизни и смерти!

— Я тоже была маленькая и знаю. Вечно был вопрос жизни и смерти.

Норка набросилась на суп.

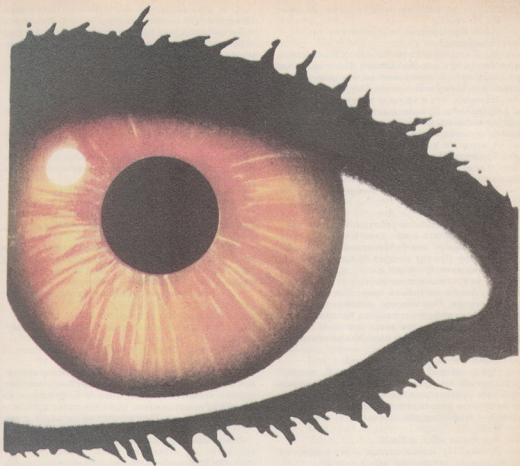
— Не спеши, — одернула мать.

— Не могу. Дрилл ждет.

— Кто этот Дрилл? Какое странное имя.

— Ты его не знаешь.

— Какой-нибудь мальчик новенький? По соседству?

— Да, он новый.— Норка принялась за вторую тарелку.

— А откуда он?

— Он близко,— уклончиво ответила Норка.— Тебе может показаться смешно. Всем кажется смешно, вот ведь проклятие!

— Дрилл что, застенчивый?

— Да. Нет. По-своему. Слушай, мам, если мы не хотим пропустить Вторжение, я должна бежать.

— А кто и куда вторгается?

— Марсиане на Землю. Ну, не точно марсиане. Они — я не знаю, откуда.— Она указала ложкой вверх.— Оттуда.

— Ах, оттуда! — Мать шутливо коснулась Норкиного лба.

Норка возмущалась:

— Ну вот, ты смеешься? Ты убьешь и Дрилл, и всех.

— И не думала. А Дрилл — тоже марсианин?

— Нет. Он, по-моему, с Юпитера. Или с Сатурна. Или с Венеры. Ну, откуда — неважно, хотя ему было трудно.

— Я представляю.— Миссис Моррис прикрыла рот ладошкой.

— Они не могли найти способа напасть на Землю.

— Мы неуязвимы.— Миссис Моррис напустила на себя серьезность.

— И Дрилл сказал то же самое! Неувяз... В общем, это же слово, точь-в-точь!

— Ого, твой Дрилл умный мальчик. Он знает сложные слова!

— Они не могли сообразить, каким способом напасть, ма. Дрилл говорит, чтоб завоевать, надо найти способ поразить людей. Только тогда их можно победить. И надо, чтобы люди сами помогали врагу.

— Пятая колонна?

— Ну да! Дрилл так и сказал. Но они не могли придумать, чем поразить земля и кто им поможет.

— Неудивительно. Мы же так сильны,— засмеялась мать, убирая посуду.

Норка сидела, вперившись в стол, будто на его поверхности видела то, о чем рассказывала.

— До того самого дня,— трагично прошептала она,— пока они не догадались про детей.

— И что? — весело спросила миссис Моррис.

— Они догадались, что взрослые заняты настолько, что никогда не бегают по лужайкам и не заглядывают под розовые кусты.

— Только затем, чтобы проверить, нет ли там поганок и гремучих змей.

— И там еще как-то влияют из-за мирения.
— Из-за чего?
— Из-за мирения.
— Имерения?
— Да. Их четыре. И что-то еще связано с детьми до девяти лет и воображением. Послушать, как Дрилл все это рассказывает, до чего интересно. Болтовня наскучила миссис Моррис.

— Наверное, это и вправду интересно. А сейчас ты заставляешь Дрилла ждать. Дело к вечеру. Если ты желаешь устроить свое вторжение до вечернего купания, лучше беги на улицу сейчас.
— А придется купаться? — огорчилась Норка.
— Придется. И почему дети так ненавидят воду. В каком веке ни живи, дети терпеть не могут воды и мытья ушей.

— Дрилл говорит, что мне необязательно будет мыться.

— Да неужели?
— Он сказал это всем ребятам. Никаких ванн. И мы сможем гулять позже десяти вечера и смотреть по телевизору два субботних шоу, а не одно.
— Мистеру Дриллу следует больше следить за собой. Я позволю его маме и...

Норка направилась к двери.

— Нас беспокоят ребята вроде Пита Бритца и Дэйла Деррика. Они зануды, потому что выросли. А ведь, кажется, должны были бы соображать, что к чему. Еще пару лет назад они были маленькими. Я их ненавижу больше всех. Мы их убьем первыми.

— А меня и папу — последними?

— Дрилл говорит, вы опасны. Знаешь, почему? Вы в марсиан не верите. А нас они хотят сделать мировыми правителями. То есть, не всех нас, ребят из другого квартала тоже. Может, я стану королевой. — Она отворила дверь. — Ма!

— Да?!

— Что такое «Лог и Ка»?

— Логика? Ну, милая, логика — это знание, какое положение истинно, а какое — ложно.

— Он и про это говорил. А что значит «в печать лительный»? — Это слово Норка выговаривала целую минуту.

— Это значит, — мать тихо засмеялась, — это значит — быть ребенком, дорогая.

— Спасибо за обед. — Норка выбежала, затем ее голова появилась в приоткрытой двери. — Мам, я думаю, вам не будет очень больно, ведь правда?
— Ну спасибо! — ответила мать.

Хлоп! — содрогнулась дверь.

В четыре часа зазвонил аудиовизор. Миссис Моррис подняла трубку.

— Привет, Хелен, — сердечно сказала она.

— Привет, Мэри. Как дела в Нью-Йорке?

— Отлично. А как в Скрантоне? Ты выглядишь усталой.

— Ты тоже. Дети. Вернутся под ногами, — ответила Хелен.

Миссис Моррис прикрыла глаза, обвела языком внезапно пересохшие губы.

— Ах! — Она встряхнулась. — Ничего-ничего. Просто я подумала обо всем этом. Держись, держись... Не обращай внимания. На чем мы остановились?

— Мой сынок Тим просто без ума от какого-то мальчишки по имени... Дрилл, кажется так.

— Моя Норка тоже в восторге от него. Может, у них просто новое ходовое словечко?

— Я и не знала, что оно дошло до Нью-Йорка. Наверное, что-то типа детского пароля. Я говорила с Джозефиной, она сказала, что ее дети в Гостине играют в ту же несусветную игру. Она распространилась по всей стране.

В этот момент в кухню прошагала Норка. Миссис Моррис обернулась.

— Как дела?

— Почти закончены, — ответила Норка.

— Замечательно, — сказала миссис Моррис. — А это у тебя что?

— «Уйди-уйди». Смотри. — Норка дунула в отверстие игрушки. Язычок «уйди-уйди» развернулся и пропал! Осталась лишь пружинистая струна.

— Видала? — Норка ткнула пальчиком в пустоту рядом со струной. — Она!

Язычок появился и прикрыл струну.

— А еще раз? — попросила миссис Моррис.

— Нелзя. Час иль в пять вечера. Пока. — Норка, свернув «уйди-уйди», ретировалась.

На экране аудиовизора усмехнулся Хелен.

— Утром Тим принес такую же игрушку. Но когда я полубогащивалась, сказал, что мне ни к чему знать, как она действует. А потом я попробовала сама, но у меня не получилось.

— Ты не впечатлительна, — предположила миссис Моррис.

— Что-то?

— Да так, не обращаешь внимания, просто я подумала... О чем мы говорили, Хелен?

— То двухслойное пирожное, темное с белым. Я хотела списать рецепт...

Пролетел час. День шел на убыль. В мирном синем небе солнце клонилось к западу. Вдоль зеленых лужаек потянулись тени. Смех и возбуждение на лужайках продолжались. Одна девочка пробежала, плача. Миссис Моррис вышла на порог дома.

— Норка! Это Пегги Энн только что плакала?

Склоненная над кустом роз, Норка подняла голову.

— Да. Она трусиха. Мы больше не будем играть с нею. Она становится слишком взрослой. Наверное, она вдруг выросла.

— И из-за этого расплакалась? Чепуха. Отвечай-ка правду, сударыня, иначе отпоришься домой.

Норка отбежала подальше, испуганная и раздраженная.

— Я не могу сейчас уйти. Уже почти пора. Я буду вести себя хорошо, прости меня.

— Ты стукнула Пегги Энн?

— Нет, честно, нет. Спроси у нее. Она плакала — ну просто она боялась, вот и все.

Резиновые обстужили Норку плотным кольцом, и она продолжила работу с ложками и конструктором прямоугольной формы из молотков и трубок.

— Вот так — сюда и сюда, — бормотала Норка.

— Что-то не ладится? — поинтересовалась миссис Моррис.

— Дрилл застрял. На полшутки. Если бы могли его достать на всем отрезке прохождения, другим было бы легче проскочить за ним.

— Могу я чем-то помочь?

— Нет, мам, спасибо. Сама справлюсь.

— Хорошо. Мне надоело смотреть на тебя. Через полчаса я поведу тебя мыться.

Она вошла в дом, налила себе пива, чуть-чуть, на донышко. Уселась в кресло-релаксатор, понемногу отпивая из бокала. Кресло массило спину.

Дети, дети. Бок о бок — дети, любовь и ненависть. Вот они тебя любят. А вот — ненавидят. Все меняется за полсекунды. Странные дети. Забывают ли они, прощают ли они хоть когда-нибудь порку, строгость, суровые командирские распоряжения взрослых? Она задумалась. А как можно забыть или простить больших глупых диктаторов, которые считаются над тобой и выше тебя?..

Время шло. На улице нарастало, вливаясь в окна, затихие. Непривычное. Выжидательное.

Пять часов. Где-то в доме ласково и музыкально замурлыкали часы: «Пять часов — пять часов — мчимся время — пять часов». И вновь — тишина.

Час ноль.

Миссис Моррис проглотила подступивший к горлу комок. Час ноль.

По шоссе прошестел автомобиль. Мистер Моррис. Миссис Моррис улыбнулась. Мистер Моррис вышел из машины, задер ее, кивнул Норке. Та, поглощенная своим занятием, проигнорировала приветствие. Секунду постояв, наблюдая за детьми, он рассмеялся и направился в дом.

— Привет, милая.

— Привет, Генри.

Она приподнялась с кресла, вслушиваясь. Дети вели себя тихо. Слишком тихо.

Он выбил трубку и вновь наполнил ее табаком.

— Чудесный денек, в такие дни живешь и радуешься, что живешь.

Ва-з-з-з.

— Что это? — спросил Генри.

— Не знаю.— Она подскокала. Хотела что-то сказать, но умолкла. Глупо. Нервы сдают.— У детей ведь нет ничего опасного, правда?

— Ничего. Только трубки и молотки. А в чем дело?

— Ничего электрического?

— Да нет же. Я сам видел.

Она прошла на кухню. Гудение продолжалось.

— Все равно, лучше приказать им, пусть прекратят. Уже шестой час.— Она беспомощно заморгалась.— Скажи им, чтобы отложили свое вторжение до завтра.

Она истерично засмеялась.

Гудение становилось громче и громче.

— Что они там затеяли? Пойду-ка я посмотрю. Взрыв! Дом пошатнулся. Послышались новые взрывы — в других дворах, на других улицах.

Миссис Моррис невольно крикнула:

— Навер! — Она не сонавала, не понимала, почему кричит. Может быть, краешком глаза разглядела что-то, может быть, почувствовала новый запах или услышала новый звук. Непредвиденно спорить с Генри, убеждать его. Пусть думает, что она обезумела. Да! Сошла с ума! Крича, она взбежала по лестнице. Он кинулся за ней, не понимая, чего она хочет.

— В мансарду! Это там! — кричала она. Жалкая уловка, чтобы заставить Генри подняться в мансарду, пока не поздно. Господи, лишь бы не поздно!

Еще взрыв снаружи. Дети восторженно завизжали, словно на большом фейерверке.

— Это не в мансарде! — воскликнул Генри.— Это снаружи!

— Нет, нет! — задыхаясь, дрожа, она рванула дверь мансарды.— Я покажу, где это. Скорее! Я покажу.

Они ввалились в мансарду. Захлопнув дверь, за-

перев ее, она выбросила ключ в дальний захляпанный угол.

Теперь она бессвязно лепетала что-то. Неудержимо. Все бессознательные подозрения и страхи дна созрели в ней, словно вино. Маленькие открытия, ощущения, знания, весь день смутно беспокоившие, но отменявшиеся логикой и доводами рассудка, вырвались наружу и потрясли ее до основания.

— Там, там...— рыдала она, указывая на дверь.— До вечера мы в безопасности. Может быть, нам удастся выбраться. Может быть, мы сумеем скрыться.

Генри тоже был потрясен, хотя и по другой причине.

— Ты с ума сошла? Зачем ты выбросила ключ? Милая, черт возьми!..

— Да, да! Я сошла с ума, если это поможет. Только останься со мной, здесь!

— А как бы я отсюда выбрался, интересно знать!

— Тише. Они услышат нас... О господи, они же скоро найдут нас...

Там, внизу, голос Норки. Отовсюду одинаково доносилось гудение и шипение чего-то плавающего, крики и детское хихиканье. Внизу звонил и звонил аудиовизор, настойчиво, протяжно, тревожно. «Хелен звонит? — подумала миссис Моррис.— Она звонит, чтобы подтвердить, что я правильно догадалась, о чем она мне звонит...»

В дом вошли. Тяжелые шаги.

— Кто ходит по моему дому? — рассердился Генри.— Кто там топает? — Тяжелые шаги. Двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят. Пятьдесят существ, заполняющих дом.

Гудение. Детские смешки.

— Сюда! — крикнула Норка снизу.

— Кто там? — рычал Генри.— Кто там?

— Тише. О, нет, нет, нет, нет, нет, нет,— слабо попросила жена, удерживая его.— Не шуми, пожалуйста. Может быть, они уйдут.

— Мам! — позвала Норка.— Пап! Вы где?

Тяжелые шаги, тяжелые, тяжелые, очень тяжелые шаги, вверх, по лестнице. Норка вела их.

— Мам! — С сомнением.— Пап!

Выжидательная пауза.

Гудение. Шаги к мансарде. Первой шла Норка.

В молчании мансарды затрепетали мистер и миссис Моррисы. Каким-то образом Генри Моррис тоже понял значение электрического гудения, узкокого холодного луча, пробивавшегося из-под затрепещавшей двери, чужой запах и неизвестные нотки нетерпения в голосе Норки. Он остановился, дрожа всем телом и заслоняя жену.

— Мам! Пап!

Шаги. Короткое гудение.

Замок на двери в мансарду расплавился. Дверь открылась. Внутрь заглянула Норка, высокие сияющие тени за ее спиной.

— Ку-ку! — приветливо сказала Норка.

Примечание

Час ноль (армейская терминология) — время, на которое назначено начало операции, наступления и т. д.

Перевод с английского Валентины Щербаковой

Борис Пиотровский: связь времен

Государственному Эрмитажу исполнилось 225 лет, и четверть века из них его директор — Герой Социалистического Труда, академик Б. Б. Пиотровский. Как ученому, мировую славу принесли Пиотровскому раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур близ Еревана. Эти раскопки он начал до Великой Отечественной войны, а научную обработку собранных материалов провел в окруженном фашистами Ленинграде. В самые трудные дни блокады, при свете копилки создавался капитальный труд «История и культура Урарту», отмеченный Государственной премией СССР.

Я работал очень увлеченно. В трудные минуты подстегивала мысль: если погибну, то все, что мне удалось узнать, что еще не стало достоянием науки, пропадет навсегда, и кому-нибудь потом придется начинать все сначала.

В ту страшную пору мужественно держались все. Очень хорошо помню день, когда остановилась трамвая. Из окон Эрмитажа можно было наблюдать множество людей, переходивших Неву. Река в ту зиму замерзла крепко. Раньше на ней лишь кое-где возле мостков прокладывались тропки, а в блокаду Неву исходили повсюду. Сверху казалось, что по белому полотну ползли черные букашки. Когда начинался обстрел или появлялись вражеские самолеты, люди ложились на лед, а потом снова поднимались и шли к своей цели.

Трамвай вскоре заменили саночки. Правильно считают, что саночки заслуживают памятник.

— А вы помните, как вы встречали в блокаде Ленинграде Новый год?

— Помню. Я был в тот день с моим учителем, директором Эрмитажа, академиком Иосифом Абрамовичем Орбели. Я сопровождал его на Ленинградское радио, где он выступал вслед за летчиком, таранившим фашистский самолет. Иосиф Абрамович рассказывал о том, как многовековая культура че-

ловечества продолжала свою борьбу с фашизмом в блокаде Ленинграде. 19 октября 1941 года мы отметили юбилей Низами Гянджеви, и артиллерийская канонада не смогла заглушить стихи, написанные восемьдесят лет назад! А 10 декабря на заседании, посвященном 500-летию Алишера Навои, звучали стихи великого поэта в переводе сотрудника Эрмитажа Николая Лебедева, который, хотя и очень ослаб от голода, но нашел силы прочитать свои переводы великого Навои, а затем мы услышали, как они звучат в оригинале...

После выступления Орбели по радио я проводил его в бомбоубежище — как раз на Новый год был обстрел. Там нас в тревоге ждали. Иосифу Абрамовичу преподнесли в качестве новогоднего подарка тарелку со спичками, потому что он много курил.

Я потом пошел к матери, которая также жила в бомбоубежище. Накануне брат привез ей хлеб и пшено — он в блокаду находился в Лысьем Носу в оборонной артиллерии. Брат ехал в холоде, хлеб замерз, раскрошился, и вот из этого крошева получилось нечто вроде каши — вместе с пшеном. Ну и было еще на нашем новогоднем столе блюдо столярного клея.

Затем в новогоднюю ночь я ходил проверять противозащитные посты в Эрмитаже и различные дежурным кипятком. Они находились на втором этаже, где

были залы — им вражеские снаряды наносили наибольший ущерб.

Я состоял в гражданской обороне, был заместителем начальника пожарной команды ПВО. Во время воздушных тревог моей резиденцией являлся Арапский зал Зимнего дворца, рядом с Малахитовым залом и так называемой столовой — той самой небольшой комнатой, где было арестовано Временное правительство. Я дежурил здесь, присев на свернутые ковры, после обхода вверенных мне помещений.

Во время тревог, которые иногда длились до семи часов, у сотрудников Эрмитажа под рукой всегда были книги. Мы держали их в сумках от противогаза. И. А. Орбели, как начальник объекта, сердился: «За пояс надо книги совать!» Ночью мы читали при свете карманного фонарика.

Помнится, в ожидании очередной бомбежки я встречался с профессором Борисовым в Ротонде, на границе наших пожарных постов, и читали друг другу курсы лекций. Он с увлечением рассказывал об основных проблемах семитологии, а я — о своих археологических раскопках. Это поддерживало наши силы.

— И все же был приказ: на случай, если город будет взят немцами, взорвать наиболее важные предприятия и организовать внутреннее сопротивление. Этот приказ коснулся Эрмитажа?

— Мы не думали о дурном исходе, но, конечно же, весь Эрмитаж обложили, выясняя, где можно было бы спрятать не только ценные вещи, но и людей. К нам приходили эти люди, и мы их вводили в курс дела. На чердаках были такие места, куда никто не проникнет. Для этого пришлось бы заложить ходы туда и пользоваться только веревочными лестницами. И ни одна бы собака-ищейка не нашла! Действительно, собака не помет, куда делся след с затоптанной дорожки, если человек поднялся вверх по веревочной лестнице. Но повторю еще раз: ленинградцы не верили, что город будет сдаен. В качестве подтверждения могу привести мое письмо, которое я отправил из блокадного Ленинграда 25 февраля 1942 года:

«Дорогой Николай!

Придется начать повесть с са-

мого начала. Доехали до Ленинграда медленно, но совершенно благополучно. Сразу же окунулись в боевую обстановку. Мой брат Константин уже был добровольцем в артиллерийском полку Кировской дивизии. В этот же полк решил идти и я на должность топографа, но судьба решила иначе. Когда Константин пошел меня устраивать, то домой не вернулся, так как их полк неожиданно был отправлен на фронт. Я остался у разбитого корыта.

Тогда я решил партизанить. Подобралась группа эрмитажников из пяти человек. Два опытных партизана, Богнар и столляр Фролов — партизаны гражданской войны, и кроме них — Болдырев и Ростовцев. Наш отряд предполагали отправить в Лужский район, который я хорошо знаю, но и тут судьба решила иначе. Партизаны других районов успели вступить в действие, но дзержинцы опоздали. Дело ограничилось учебной вылазкой, что отправка в район действия была уже нецелесообразна. Наш отряд решили влить в добровольческую армию. А по отношению к эрмитажникам и учебным райкомом было решено вернуть их на работу в учреждения. Пришлось опять стать штатским, запаковать Кармир-Блур и готовиться к отъезду на восток. Но я, к величайшей своей радости, остался в городе.

... Первая бомбежка днем 8 сентября (1941 года) была неожиданной. Налет был групповой. В городе сразу же вслыхнули пожары. Было очень шумно, отсутствовали методичность и спокойствие, выработавшиеся позже. Вечером я был от дежурства свободен и ночевал дома. Но тут-то я и получаю первое крещение. В эту ночь наш район подвергся сильному налету. Шум, грохот, тряска неописуемые, их можно только переживать, но не описывать. Шум летящего самолета сочетался с визгом бомб, грохотом зениток, гулом разрывов и последующей тряской. Толчки были настолько сильны, что иногда с трудом удерживался на ногах.

На нашей улице были в эту ночь разрушены четыре дома, один из них — напротив нашего. Разрушения очень сильные. У некоторых домов часть стен обвалилась совсем, и пять этажей

видны в разрезе. Причем, на стенах и по углам комнат сохранились вещи. После окончания первой ночной тревоги я под утро лег спать под стук топоров, так как на нашей улице поспешно возводили забор для прекращения движения. Потом таких заборов уже не делали. Мне силно, будто бы плотники изготавлиют гробы.

Потом жизнь пошла обычным порядком. Я писал свою диссертацию, обрабатывал Кармир-Блур¹, составлял урартский словарь, редко, но все же ходил на концерты. 23 октября был на Чайковском. Во время концерта начался сильный артиллерийский обстрел, и было очень забавно, когда во время исполнения Итальянского каприччио трился люстры от разрывов снарядов.

Вообще во время бомбежки были интересные эпизоды, не лишние красоты. Очень красива была картина, когда на пляж Петропавловской крепости упали зажигательные бомбы или когда они освещали площадь перед Биржей в то время, как на самом здании факелом горела деревянная наблюдательная вышка.

Конец декабря принес первые смерти. К моим пожарным обязанностям прибавилась еще обязанность и служителя морга. По ночам из бомбоубежища приходилось переносить покойников. К этому времени были уже включены водопровод и свет.

... Встретили Новый год бодро. Были уже первые успехи нашей Красной Армии. Очень обрадовала ваша ереванская телеграмма, повеяло южным теплом. Январь был очень трудным, многие ушли из жизни. Я сам в начале января сильно заболел, простудился. Квартиру свою ввиду непригодности для жилья пришлось бросить. Я лежал в холодной квартире у Натальи Давыдовны Флигнер, профессора Эрмитажа. Поддерживали друг друга научной работой, обсуждением различных научных тем, чтиткой своих произведений. Все это способство-

вало выздоровлению. Я сильно ослабел и никак не выходил из мог, поэтому несколько оторвался от жизни. Лишь в середине февраля стал более свободно двигаться.

Дело идет на улучшение. Теперь перед отъездом наших я не имел ни минутки забегать к твоим, так как погибал от уйма административных дел: выплаты денег, оформления командировочных и тому подобной мур. Сейчас даже не успеваю толком дописать это письмо, так как истекает время — нахожусь в тяжелом цейтноте. Если все будет благополучно и Ленинград будет вне опасности, мы летом с Иосифом Абгаровичем Орбелом и архитектором Эрмитажа Сивковым думаем быть в Ереване, отдохнуть перед работой по восстановлению Эрмитажа.

Очень скучно без Кавказа, особенно потому, что я много о нем думаю. Ну, мое время истекло. Целую крепко, жму руку в надежде скорого свидания. Жду писем и, в частности, о Кармир-Блуре».

Это письмо было предназначено моему большому другу Николаю Михайловичу Токарскому, который был архитектором на моих раскопках. Он — ленинградец, работал в Эрмитаже, но перед войной переехал в Ереван и стал сотрудником комитета охраны памятников Армении.

У многих ленинградцев тогда, после голодной блокадной зимы, не было сил даже выйти из квартиры. Помню, мне поручили доставить одного знакомого профессора на эвакуопункт. У него была трудная судьба — он был арестован, а потом освобожден. Жил он недалеко от Эрмитажа, на другой стороне Дворцового моста. Когда я пришел к нему, никто не откликнулся на мой зов. Комната его была вся в развале. Я уже собирался уходить, как вдруг из-под каких-то тряпок донесся очень недружелюбный голос. И слова были недружелюбные — в том смысле, что бы я отстал от него.

Когда я объяснил ему, что принес ордер на отправку, недружелюбие ко мне еще больше возросло. А в Тихвине этого профессора ждал сын. Немалого труда стоило включить его в список на отправку по линии Академии наук. Но профессор все равно отказался куда-либо

¹ Кармир-Блур — в переводе с урартского означает «Красный холм». Расположен он близ Еревана. На этом холме в результате раскопок Б. Б. Пиотровского была обнаружена древняя урартская крепость.

Теперь мы окончательно убедились, что наша мини-рубрика пользуется популярностью, доказательством служат многочисленные ваши ответы.

Жаль только, что большинство из вас попались в расставленную нами ловушку. Увы, но это так. В № 9 была помещена гравюра Гюстава Доре «Прогулка заключенных в Ньюгейте» из альбома «Лондон».

Не расстраивайтесь, зато теперь вы будете знать, что созданием картины Ван Гога «Прогул-

ка заключенных» послужила гравюра Доре. Для многих осталась незамеченной одна немаловажная деталь — полотно Ван Гога цветное.

Наши вопросы к очередной загадке: кто автор работы, помещенной на этой полосе? Как называется эта работа? За верный ответ и наиболее полный рассказ о художнике и его картине, как и прежде, вас ждет подарок — редкая книга.

Последний срок отправки — 15 февраля с. г.

идти. Я оставил на столе немного «бензинчика» — полфлакона спирта, который мне подарили на день рождения, и сказал, что зайду за ним завтра с санками, чтобы увезти его силой.

На следующий день я задержался, и, когда снова пришел к нему, профессора дома уже не было. От его соседа я узнал, что он собрал вещи и сам ушел на эвакупункт. Его спасли несколько капель спирта. Была маленькая встряска от них, и этого оказалось достаточно, чтобы человек пришел в себя...

Сам я эвакуировался, как и все тогда, — через Ладугу, с командировкой в Ереван в кармане. Это было 30 марта 1942 года. Лед был залит водой у берега, но еще хорошо держал. Запомнилась громадная масса людей, ожидавших погрузки. Я ехал на машине с академиком Орбели и другими сотрудниками Эрмитажа. Музейные экспонаты перевезли еще раньше.

Я уезжал из Ленинграда в дурном настроении, потому что там осталась моя мать. Она также работала в Эрмитаже, но категорически отказалась эвакуироваться. Вот еще одно подтверждение веры ленинградцев в Победу. В городе началось улучшение со снабжением, матери отварили на месяц вперед мою продовольственную карточку. В общем, она пережила всю блокаду, а я «пострадал» после первого же обеда на Большой земле.

В Новой Ладоге меня накормили жирным супом, после которого у меня начались жуткие колики. Из-за болей в желудке я бросил свой багаж — все, кроме чемоданчика с рукописями. К счастью, позже обнаружил брошенные вещи: кто-то заботливо погрузил их вместе с другими чемоданами в последний вагон поезда.

В пути я не мог ничего есть — организм не усваивал пищи. В Ереван приехал с распухшими ногами. Но все же пережил себя и пешком пошел к месту раскопок. И представьте себе — опухоль спала, только иногда потом появлялась вновь. Врачи сказали, что это — следствие длительного отсутствия витаминов. Нельзя было сразу есть жирный суп, надо было привыкнуть сначала. Но я ехал в несколько лучших условиях, чем большинство эвакуированных, это

меня и подвело: большинству не выдавали жирного супа.

— Проблема выживания вновь стала для нас сейчас актуальной. Какова в этой связи роль науки и искусства в возрождении духовности?

— Когда случилось землетрясение в Армении, миллионы людей откликнулись на эту беду и предложили свою помощь. Это показывает, что в обществе еще не все хорошее потеряно. Сейчас мы переживаем очень тяжелый момент: развитие науки и техники значительно опережает развитие духовной культуры. Из-за этого прогресс в некоторых областях становится антигуманистичным. Я верю, что общество еще может стать человеческим, оно еще может повернуться лицом к высокому нравственным идеалам. Пусть оно станет отзывчивым не только на беду, но и на чужую хорошую жизнь.

Без науки и искусства невозможно понять развитие человечества в целом, невозможно понять гармонию мира. Ведь красота связана с физиологией, с восприятием человеком окружающего мира, но это чувство обусловлено, разумеется, и социальной средой. Гармонически развитая личность не может быть сформирована без красоты. Поэтому задача работников искусства сейчас очень большая. Мы занимаемся не только со студентами и школьниками, такая работа у нас ведется давно. Эрмитаж начал работать с детскими садами. Человеческая личность складывается в 5—6 лет. Точно так же считал, между прочим, и Лев Николаевич Толстой. В маленького человечка, который только вступает в жизнь, мы должны вложить прежде всего любовь и понимание красоты. Если он будет любить мир, который его окружает (в семье, на улице, в лесу, в музее), у него никогда не поднимется рука, чтобы разрушить его и лишить красоты.

Пропаганда искусства, музыки, архитектуры, живописи с детских лет чрезвычайно важна. Если в раннем возрасте заложить понимание красоты и добра (а красота — это и есть добро в своем наивысшем проявлении), оно в ребенке навсегда останется. Гораздо труднее его потом перевоспитывать и отучать от дурного.

Я убежден в том, что классическая музыка помогает человеческому пульсу. Она помогает жить, особенно в экстремальные моменты. А скульптура может оказаться полезной для представителей многих профессий, например, для авиаконструкторов. Ведь художественное решение — это совершенное, гармоничное решение. Недаром гиевский конструктор Антонов говорил мне: «Красивый самолет хорошо летает!» Художественные рисунки самолета помогали ему делать оптимальные расчеты...

Вечное — оно всегда должно быть пропущено через сито современности. Оно должно быть введено в нашу культуру — и не просто как древности, как антикварные предметы, а как предметы, которые получили новое осмысление. Ведь Фауст и особенно Гамлет Шекспира живут потому, что каждое новое поколение их понимает по-своему. Пережитки отпадают, а все рациональное остается, но, конечно, с каким-то переосмыслением современности.

— Вот четыре строчки Авиценны:

Я волос расцепил, но все же
на волосок
К загадке бытия приблизиться
не смог.
Я тыщи солнц в душе своей
зажег,
Но мир по-прежнему и темен,
и жесток.

Как вы с этим мироощущением?..

— Ну, мы не знаем того, чего мы не знаем. Вот он это и опущает, что несмотря на то, что он имеет какие-то достижения, — колоссальная область, которую мы не знаем. И вообще человеческий род — он же маленький. До рождения Христа жил наш 80-й предок. 80-й! А 160-й предок был при Рамсесе II. Мы очень многого не знаем. Вот тут Авиценна чувствует, что он что-то открыл в своей области, это он познал, дальше открывается пропасть, потому что не знает. За этой областью мир, который мы понять не можем. Мы сейчас как слепые котят, видим Вселенную только с точки зрения нашей земной жизни. Только высшая математика, теория физики помогают нам выйти за пределы опыта Земли. Мы даже не

можем представить, какие есть энергии, кроме тех, которые открыли. Навивно думаем, что, если есть инопланетяне, они с нами обязательно будут по радио общаться. Существует множество видов энергии, которых мы и представить не можем, которые никак не ощущаем. Вот Авиценна и чувствовал, что человек со своим земным опытом не может понять мироздания.

— Вы допускаете вземные цивилизации?

— Нет.

— Не допускаете?

— Цивилизации не допускаю, а вземную жизнь — допускаю. Потому что цивилизация по нашему образу — она должна иметь миллиарды совпадений. И, быть может, форма жизни совсем там другая, и то, что мы называем цивилизацией, совсем там иначе протекает, в других формах, нам нестыжних. Конечно, жизнь может быть бесконечно разнообразна, не может быть только вот такой маленькой планеты, в точности похожей на нашу Землю. Чтобы там были все необходимые условия...

— Благоприятные?

— Благоприятные.

— Для зарождения жизни?

— Да, да, да! А может, жизнь ушла в Марсе под корку? Не знаю! Но трудно представить себе форму другой жизни, другой формы материи — не можем представить! Мы только по образу Земли можем рассуждать. Но вот, конечно, существа, с которыми можно разговаривать, с которыми можно общаться, в которых можно влюбиться, — немисливо! Это пускай Айзек Азимов пишет. Не может быть столько совпадений! Правда, есть теории, что жизнь занесена на Землю извне, что не может из неживой жизни превратиться в живую. Есть такая точка зрения.

— На хвосте комет, в том числе кометы Галлея...

— Да, есть такая точка зрения. Не знаю, важная ли это проблема! Сейчас во всем мире самое важное — чтобы техника стала бы гуманистичной.

— Борис Борисович, а что вас беспокоит в подготовке специалистов?

— У нас все вставлено в какие-то рамки! Я заведу кафедру Древнего Востока в Ленинградском университете и никак

не могу добиться, чтобы каждый студент учился по своей программе, как это было в 20-е годы. Я убежден, что человек, выбравший для себя специальность, должен быть самостоятельным в своей учебе. Он должен твердо знать, что он должен изучить и что из его подготовки получится.

Мне очень повезло: когда я поступил в университет в 1925 году, на нашем факультете языка и материальной культуры студенты имели личные планы, которые утверждались на заседании Академической секции с участием профессоров. У нас были общие предметы, которые мы были должны обязательно сдавать, а остальные — зависели от выбора специальности. Я мог самостоятельно выбирать все, что для меня было важным и интересным в лекциях моих учителей, самостоятельно все это перерабатывать и как-то определять свою линию в науке.

У меня были очень хорошие учителя, которые не сдерживали, а поощряли инициативу: академик Струве учил чтению древнеегипетских терминов, доцент Флитнер вводила нас в область древнеегипетской культуры и искусства, академик Марр знакомил с очень широкой проблематикой в своих лекциях «Палеонтология речи». Тогда не было экзаменационных сессий, и расписание занятий было более свободным. Можно было с разрешения деканата договориться с профессором и сдавать ему экзамен или зачет в любое время.

Помню, пришел я к Николаю Яковлевичу Марру сдавать зачет по палеонтологии речи. Он говорит: «Нет, я зачеты не принимаю. Никакого смысла нет!» Спрашиваю: «Как же быть?» — «Ну, как же быть: напишите какую-нибудь работу на лингвистическую тему о значении слов. Хотя бы маленькую работку, где вы я видел, что вы используете мою теорию».

Ну, что я сделал? Пошел в оперный театр — в тот день давали «Садко» Римского-Корсакова. Прослушал оперу, вернулся домой и за одну ночь написал три странички по поводу египетского термина «железо», где были рассмотрены различные семантические аспекты этого слова — связь его с небом, с производством и т. д. Принес эти три странички Марру. Он посмотрел: «Да,— говорит,— пер-

вое качество то, что короткая работа. Ну, прочту на извозчике!» Ужасно обиделся, а Марр пригласил меня зайти к нему домой за ответом послезавтра в 7 часов. «В семь вечера?» — переспросил я. «Нет, утра».

И вот в семь часов утра пошел на Васильевский остров, на квартиру Марра. Дверь открыла его жена: «Вам Николай Яковлевич назначил?» Я говорю: «Да». Она его вызвала. Он вышел очень возбужденный и начал шуметь: «Почему лингвисты не понимают? Почему археологи понимают?..» Ему понравилась моя статья, и он ее сразу же напечатал в докладах Академии наук, в первом выпуске за 1928 год.

А теперь студент вряд ли бы удостоился такой чести. Наша система образования не дает ему возможности проявить инициативу. В ней все администрировано, все сдерживает, все ограничивает инициативу. Очень большой формализм в учебных планах, как-то все делается под одну гребенку с расчетом на то, что узкая специальность будет выбрана студентом уже после окончания вуза, в аспирантуре.

— Но сейчас уже наблюдается тенденция к самостоятельности вузов, к повышению роли студенчества в учебном процессе.

— Ну, видите ли, здесь может быть другая опасность. Здесь могут быть студенты самонадеянными — вот этого я боюсь! Все-таки у каждого студента должен быть учитель, которого он любит, уважает и с которого он хотел бы брать пример — не только в учебе, но и в повседневной жизни.

У меня были разные учителя. Николай Яковлевич Марр был для меня недоступим для личных разговоров. Струве и Наталья Давыдовна Флитнер знали мою бытовую жизнь, а не только мои увлечения в науке. А с Александром Александровичем Миллером я совершал археологические поездки и подолгу жил под одной крышей во время экспедиций. Конечно, это очень сблизало, но шлет перед учителем у меня не пронадад. Неуважение к учителю — признак отсутствия культуры. Она, как известно, не передается по наследству, а воспроизводится в каждом человеке заново...

Беседу вел Олег Чечин

Ведущий
Александр Слюсарев

Развитие искусства закономерно. Забыв об этом — неминуемо запутаешься в причудливом и парадоксальном лабиринте современной фотографии, вспоминая различные направления и стили. Тем более что время вносит свои изменения в видение окружающего мира. Так, избыток совершенных форм и изысканного содержания «прекрасных фотографий» породил на свет мовизм*... И можно в этой ситуации лишь посочувствовать начинающему автору, входящему в мир фотографии. Участь человека, желающего высказаться, когда его не собираются слушать, незавидна.

Современная фотография на месте не стоит... История изобразительного искусства поучительно повествует о том, как самоутверждение нового строилось на отрицании уже существующих направлений. Так утверждался импрессионизм и экспрессионизм, абстракционизм и поп-арт... В фотографии этот процесс тем более любопытен, что отрицание очередного направления порой происходит до знакомства с ним широкой публики.

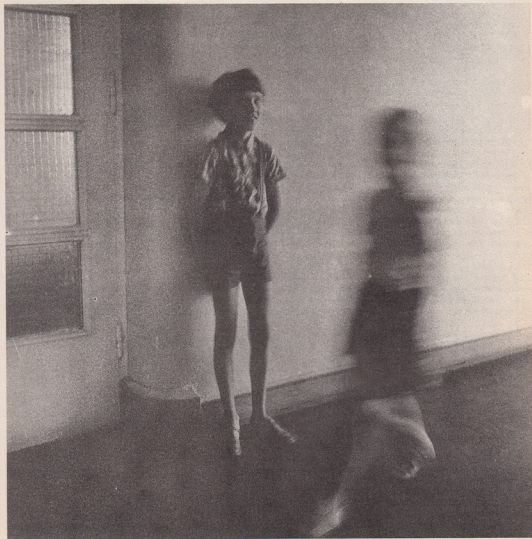
Попытаться отчасти исправить это положение и познакомить читателя с малоизвестными или вовсе неизвестными именами фотографического мира — в этом заключается цель нашей новой рубрики. Возможно, с нашей помощью вы угадаете направление собственного поиска в безбрежном искусстве фотографии.

* Мовизм (от фр. mauvais — плохой) — термин, придуманный В. Катаевым, который означает принципиальную установку на несовершенное искусство.

Мартиньш Зелменис, или просто Мартиньш (а именно так он подписывает свои работы), принадлежит к «новой волне» латышской фотографии, возникшей в начале 80-х годов. Основное ядро группы: Андрей Гранте, Инт Рук, Роланд Парт. Отличительная

особенность их стиля — интерес к анализу состояний окружающего мира. Зритель и автор равноправны в восприятии. Работы, представленные в этой подборке, решены в стилистике незавершенности. В них присутствуют все элементы

«прекрасной фотографии», но не они являются решающими. Фотография, лишенная ореола неповторимости, становится внешне демократичной и понятной, исподволь готовя трудности для зрителя, ищущего

«произведения» искусства. Некрасивое отталкивает. В фотографии, как и в геометрии, нагляднее бывает доказательство «от противного». В поисках искусства рождается истина.

Доверие к жизни

О нем заговорили в 1986 году после выхода в свет его повестей: «Джек, Братишка и другие», «День рождения покойника». Первая была о беспризорных дворнягах, вторая — о пьянстве в российской глубинке.

Спустя год — еще одна повесть «Анна Петровна», за нее сразу «ухватились» киношники — уже снят одноименный телефильм. А дальше — прием в Союз писателей, сборник избранного «Терпение и надежда», журналы, которые собираются печатать его новые вещи...

Вполне благополучная судьба. Если не знать, что Геннадия Головину уже сорок восемь, и долгие годы он пытался «пробиться», перебиваясь случайными заработками репортера. Непонятно, как человек, проживший столь тяжелые годы, может так светло писать...

— Все ваши книги имеют хороший конец. Вы специально украшаете жизнь?

— Прежде всего я оптимист. Мне не нравится, когда нынче писатели тычут человеку: «Ты свинья!» Если эти слова, считал Горький, повторить человеку тысячу раз, он в конце концов захрюкает. В нашем мире мрака вдосталь.

А литература нужна для того, чтобы помочь человеку.

Я давно сделал для себя вывод: литература — не оружие, не бич. Это Спасательный круг, который должен помогать человеку оставаться самим собой.

— Не потому ли ваш рассказ «Лучезарная Софья» близок христианской заповеди о всепрощении. Но надо ли всегда принимать судьбу такой, какая она есть?

— Вера помогает мне жить.

Церковь достаточно щедря и широка, чтобы даже людей, не умеющих верить, принимать под свое крыло.

А рассказ — угадали! — мне дорог. Когда его в сборник не хотели включать, дрался, как лев.

Его героиня мне очень близка. И, пожалуй, я процитирую небольшой фрагмент. «... а Софья жизни верила. Она всегда с благодарностью, мне кажется, принимала Жизнь всю — без остатка — со всеми ее радостями, со всеми ее горестями, милостями, обидами, праздниками, буднями. Жизнь — сама по себе Жизнь — была для нее полным оправданием жизни и достоянием основанием, добавлю, чтобы смотреть на жизнь так, как смотрела Софья,— светло, ясно и просто.

Редкостью, обидно редкостью нынче такие люди. Все меньше их, так красивых нашу светлую, бестолковую жизнь. И так хочется верить, что жизнь в конечном счете — так же добра к ним, как они добры к ней!»

Это единственный выход: жить с доверием. Да и смысл жизни, в сущности,— просто жить по-человечески. И каждый на свой лад вправе толковать, как этого достичь.

— У вас это получилось?

— Не сразу я понял себя. Вначале поступил в МИХМ, убедившись, что это не «мое», пошел на журфак. Мне хотелось побольше ездить, побольше увидеть. Моим жизненным кредо были слова Паустовского: скитайтесь, будьте бродягами, пишите стихи, любите женщин. Но обходите за два квартала солидных людей.

Я скитался по Союзу 15 лет. Столько горя видел, что порой жить не хотелось. Когда было особенно плохо, прибегал к про-

стейшему выходу: бежал за бутылкой. Потом понял: только к себе надо искать какой-то выход или спасение. Только в себе.

— Только в себе? Но когда редакции возвращали рукописи, вы в чем видели выход?

— В чем? В своем терпении. Но больше всего меня вдохновляла бедарная писанина. Нашел дуриную повестушку в журнале, и уж какая злость просыпалась. Думал: «Не печатаете — ладно! Но вам, как мне удается, никогда не написать».

— А как вы начали писать?..

— Мне было 27 лет. Я работал на телевидении, причем дело клеилось. Но вот вдруг понял, что попал в колено, и могу так ползти по ней до смерти.

И начал я книгу о Николае Александровиче Морозове. Бурную, интересную жизнь он прожил. Родился да отменил крепостного права, а умер в 1946 году. Член «Земли и воли», а затем «Народной воли», участвовал в покушении на царя. Провел более 20 лет в одиночке Шлиссельбурга. Разносторонне одаренный, умнейший человек. Таких ученых нет теперь. Занимался физикой, химией, астрономией; к тому же прозу и стихи писал.

— Кроме биографии Морозова, у вас о народничестве еще повесть «Приговор исполнительного комитета». Вы пишете об этом потому, что имеете свой взгляд на историю этого движения или используете занимательный сюжет?

— Я считаю, это были честные люди, сделавшие нечестное дело. Они действовали совершенно искренне и расплачивались потом жизнью и одиночками. Это они повернули революционное движение к терроризму, и Морозов по своей политической наивности тоже причастен к этому.

У нас была очень неплохая страна. Был суд с 12 присяжными. И этот суд оправдал Веру Засулич, стрелявшую в генерал-губернатора Петербурга Трепова. А народники кидали бомбу в императора, который ввел эту судебную реформу. Так в России зарождался терроризм.

— Геннадий Николаевич, а как сложилась судьба той вашей первой книги?

— Вскоре я понял, что придется выбирать между книгой и работой. И совершил безумный шаг: уволился.

— Но у вас же не было никаких гарантий, что книгу примут!

— А ее и не приняли. Опубликует — не опубликует, это я спустя два года спохватился. Готовую книгу отвез в редакцию серии ЖЗЛ. Адрес узнал из справочника: я даже не знал, где она находится. Там меня сразу и огоршили: «Ты что, парень, ненормальный: откуда ты взялся?! У нас тут свои дела, а тебя и в предварительном плане нет».

— Вам сейчас легче писать? Когда вашим книгам дана зеленая улица?

— Чего хотел — того добился. Слово бы на горку лез, лез, залаз, а сверху глянул — и скучно. Я сам себе напоминаю альпиниста: шел вверх, забрался на «пик Мира», а еще надо обратно идти. Мне бы хотелось сейчас выполнить «траверс» — это когда с одной вершины на другую.

— Собираетесь попробовать себя в ином качестве? Может быть, займетесь общественной деятельностью?

— Нет. Я давно у Пушкина прочел: «Служенье муз не терпит суеты. Прекрасное должно быть величаво».

Никакой суеты вокруг творчества! Есть литература и журналистика, а прикладной литературы не бывает. Она в отличие от последней должна смотреть со стороны. И потом, если дал тебе бог талант, не растрачивай его всеу.

— Интересно ваше отношение, как писателя, к извечной проблеме в искусстве: что важнее — форма или содержание?

— Все должно быть связано. К сожалению, критики совершенно забыли об этом. Они оценивают произведение по публицистичности, насколько оно отвечает проблемам перестройки. Но хоть бы кто-нибудь посмотрел с точки зрения стиля.

Имеет ли право человек оратор, не имея грамотности? Не имеет! Мало ли у нас тех, кому есть, что проорать?! У нас такой богатый народ, чтоб поговорить. В любой шпывой вам такую публицистику с такими примерами выдают... Так, что, если ты вылез на трибуну, если назвал себя писателем, то будь любезен знать, где запятые и мягкие знаки ставить.

— И этого достаточно? Разве не должен писатель быть настоящим интеллигентом?

— Я, наверно, не интеллигент. Это очень сложная вещь. Понятие «интеллигентность» у нас настолько утрачено, что мы об этом и вспомнить-то внятно не можем. И это страшно, ибо наша нация, по сути, — последний оплот духовности в мире. Потому и иностранцы с таким жадным любопытством на нас смотрят: в чем-то не понимают, в чем-то завидуют. У них уже совсем иные ценности. Которые мы, кстати, сейчас активно перенимаем. Особенно молодежь.

— Только не говорите о конфликте поколений, что вы были иным в юности. Кстати, прочитав «Джек, Братишка и другие», я подумала, что книгу написал ровесник...

— Правильно, конфликта поколений нет. Просто вы считаете себя уже очень взрослыми, а мы на вас смотрим еще как на детей. И все.

— Но чем-то мы все же отличаемся от вас?

— У сегодняшней молодежи меньше целеустремленности. Чтоб поставить цель и до нее топтать.

— Но ведь нас, наоборот, обвиняют в излишнем рационализме. Мол, любим все заранее просчитать...

— Важно, к какой цели идти, достойной или нет. А если человек, да еще молодой, выстроит цель правильно, он же может достичь всего, чего захочет.

Признаюсь напоследок: мне вас жалко. Мы испытали похожее состояние. Шестнадцать мне было, когда проходил XX съезд. Помню, мы читали знаменитую речь Хрущева: она как-то сразу разошлась в народе. Какое это было для нас потрясение, и как потом было тяжело. Но у нас позади была война. Это очень многое в нас определяло. У вас позади — годы застоя, и потому вам труднее. Молодость и так чертовски сложное время, а у вас еще на такой период пришлось, когда в стране все бурлит и кипит. Так что я понимаю, как ужасно вам жить. Но вы же должны стать умнее нас. И какими бы вы ни были, надеяться-то нам больше не на кого.

Я верю, что сегодняшним двадцатилетним под силу пойти дальше моего поколения.

Беседу вела Наталья Анишина

Головин Г. Н. Терпение и надежда: Повести.— М.: Советский писатель, 1988.—480 с.

Геннадий Головин получил «прописку» в нашей литературе в восьмидесят шестом году. До того его не то чтобы запрещали — просто не печатали. Почему? Понять это сегодня довольно сложно.

Его проза добрая и светлая. Именно такой, пожалуй, и не хватает нам сегодня.

Смешные доверчивые дворянские Джек и Братишка... Одинокая, живущая воспоминаниями о прожитом старуха Анна Петровна... Заживо объявленный покойником горький пьяница Васяка Пепеляев... Да, героев этих счастливыми не назовешь. Но их тяжелая судьба вызывает отнюдь не жалость и безысходность. Именно они и помогают поверить, что жить — это здорово! Вот просто жить...

Поэтому не случайно первая книга Геннадия Головина называется «Терпение и надежда» — в этом автор видит выход и спасение.

И если способна еще какая-то книга поддерживать человека, облегчить ему душевные страдания — то именно эта...

Владимир Слуцкий

Дело было вечером...

В комнате комитета комсомола Нижегородского политехнического института сидело человек пять. Сквозняк шевелил пожелтевший от времени лозунг: «Комсомол — не просто возраст, комсомол моя судьба!» Под столом валялась папка, из которой по всему полу разлетелись личные обязательства студентов.

— На прошлой неделе кто-нибудь заходил в комитет? — нарушил молчание секретарь Александр Кирьянов.

— Никого не было, — откликнулась завсектором учета Марина Курочкина.

— Может, звонил кто? — так просто, чтобы не молчать, спросил Кирьянов.

— Из райкома звонили. Ваносами интересовались. Еще отчетностью по девятой форме. Все опять замолчали. Первой не выдержала культсектор Серезкина:

— Ребята, давайте активнее. Может быть, обсудим что-нибудь?

— Что обсуждать? И так все ясно, — мрачно рыкнул Витя Клоков, замсекретаря по оргработе.

— Сколько раз просил райком меня переизбрать... — ни к кому не обращаясь, пожаловался Кирьянов. — Научная работа стоит.

— А они? — из вежливости спросила Серезкина.

— Говорят, найдешь себе замену — тогда пожалеют. А где ж я замену найду? Вот ты, Серезкина, пойдешь?

— Ты что, Саша! — отшатнулась культсектор. — У меня и так личная жизнь на волоске.

— И мне до чертиков надоело имитировать в отчетах «бурную комсомольскую деятельность», — откликнулась Курочкина. — Только никто нас с комсомольской работы без неприятностей не отпустит. Это ж ясно как день.

— Главное — не раскисать! — прикинул на всех Клоков. — Есть тут у меня одна идея...

— Первая за два года, — съязвила Курочкина.

— А что, если... — пропустил реплику Клоков, — нам натравить на себя неформалов? Гарантирую: весь муравейник проснется.

— Откуда в институте неформалы? — удивилась Серезкина. — Да у нас, кроме четырех металлистов, одного хиппи и клуба любителей пива, вроде никаких организаций нет. Если, конечно, не считать общества книголюбов.

— Правильно, а мы их из своей среды выдвинем. Вот, например, зам по идеологии, Никита Чудилов, чем вам не неформал?

— Чуть что — сразу Чудилов, — заворчал дремавший Никита.

— А что? В комитете он недавно, во времена застоя пострадал — чуть из школы не выгнали...

— Так меня же за прогулы... — Неважно, главное — что в годы застоя. Папа у него диссидент, это сейчас модно.

— Ты, Клоков, папу не трогай. Он просто на собрании против начальства выступил...

— Раз против начальства — значит, диссидент. В общем, лучшей кандидатуры нам не найти.

— Интересно, и что же я должен делать?

— Это уже деловой разговор. Ты, Никита, выступишь в многотиражке с сенсационными разоблачениями. Нашлишь, что нынешние комсомольские лидеры таковыми не являются. Врежь нам за формализм и равнодушие. Отметим, что работу в комсомоле мы рассматриваем только как ступеньку по служебной лестнице.

— Дело говоришь, Витя, — оживился секретарь Кирьянов. — Нельзя, Никита, забывать и о льготах. Ведь нам ничего не стоит лекции прогулять,

прикрываясь общественной работой. На экзаменах на наши знания смотрят сквозь пальцы...

— А наши комсомольские учебы, которые давно превратились в веселые пикировки... — хихикнула культсектор Серезкина.

— Правильно, — кивнул Кирьянов. — А зарубежные поездки? Львиную долю мест мы забираем себе, а остальные распределяем среди друзей.

— Да это все мелочи, — отмахнулась Марина Курочкина. — Никита, миленький, ты главное запомни: мы полностью завалили студенческое самоуправление. Не защищаем интересы студентов, на задних лапках ходим перед ректором и райкомом комсомола.

— Мощный компромат! — восхитился Клоков. — Я думаю, нам несдобровать.

— Ребята, но вам действительно плохо придется. В институте такое завертится!

— И замечательно, и прекрасно, Никитушка, — обняла Чудилова Серезкина. — Ты свою организацию как хочешь базови. Хоть «Студенческим фронтом», хоть «Альтернативой»... На митингах выступай, крой нас на все лады, требуй нашей отставки.

— А главное, — веско сказал Кирьянов, — кричи о внеочередном созыве комсомольской конференции. Сейчас демократия, студенческим массам отказать не смогут.

Чудилов с удивлением смотрел на ребят.

— Но вас же...

— Конечно, — удовлетворенно хмыкнул Клоков. — Мы не соберем даже десятка голосов. И наше место займут более активные.

— Таким образом все будут довольны, — улыбулась Серезкина. — Студенты — тем, что сместили бездействующий комитет, ректорат — тем, что мы сражались до последнего. Ну а мы — тем, что стали нормальными студентами.

— Ребята, но что будет со

мной? — заволновался Чудилов.

— С тобой, Никита, будет полный ажур, — снисходительно пояснил Кириянов. — Ты станешь мощным лидером неформального движения. Один твой вид будет приводить ректорат в трепет. Так что, по рукам?

Несколько секунд Чудилов бессмысленно смотрел на протянутую руку, потом взгляд его прояснился. Он поднялся из-за стола, молча обошел заговорщиков и, встав в дверях, тихо сказал:

— За дурака меня считаете? В жертву решили принести, как самого молодого? Какую логическую цепь выстроили, ну прямо загляденье. А о том не подумали, что меня с моими знаниями, как неформального лидера в момент вышибут из института. Будучи замом секретаря по идеологии, у меня еще есть шанс получить диплом: комсомольскому деятелю многое прощается. Но в качестве неформала и месца не протяну. Они меня обрадовали страхом ректората! Благодарю покорно. Не нужен мне его страх, мне нужна любовь ректората, нежная и большая любовь. Нет, я в такие игры

не играю. Ищите себе другого неформала.

Чудилов выскочил из комитета и сильно хлопнул дверью. Лозунг «Комсомол — не просто возраст, комсомол моя судьба» вздрогнул, мгновение покачался на гвозде и рухнул вниз.

ФРАЗЫ

Покушение на авторитеты еще не преступление, но наказание уже неотвратимо.

С. Шванов

То, что человек произошел от обезьяны, доказывают хотя бы те же длинные очереди за бананами.

В. Якушев

Каждому эгоисту кажется, что каждый — эгоист.

Пока добро торжествует, зло — распространяется.

А. Карабчевский

У витязя только тогда появляется тигровая шкура, когда он перестает дрожать за собственную.

Знаете ли вы, что «период застоя» еще совсем недавно назывался «эпохой Возрождения»?
В. Туровский

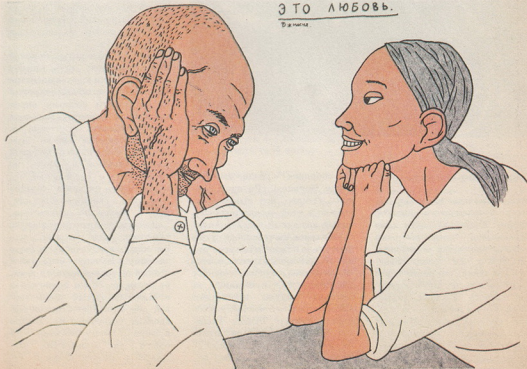
Александр Кокин

История про младшего научного сотрудника

Один младший научный сотрудник, специалист по нетрадиционному мышлению, с детства копил деньги на собственную яхту. Копил-копал, копил-копал, только накопил, а яхты — бац! — и подорожали. «Ну что ж», — вздохнул младший научный сотрудник и стал докапливать. Докапливал-докапливал, докапливал-докапливал, только докопил, а яхты — бац! — и снова подорожали. «Ах, вот как!» — процедил сквозь зубы младший научный сотрудник, докопил еще, сколько нужно было, и назло всем купил автомобиль. А яхты все равно подорожали. «Да что вы сгнили со своей логикой!» — воскликнул незадачливый специалист и в сердцах продал автомобиль. А они — бац! — и подорожали.

ЭТО ЛЮБОВЬ.

В. Мичка

Рекорды по-испански

Испанцы, видимо, давно затаили обиду на ирландского «пивного короля» Гиннеса, сочтя себя обделенными вниманием его команды охотников за сенсациями. Иначе чем можно объяснить тот факт, что почти через тридцать пять лет после появления первого издания знаменитой «Книги рекордов» в Мадриде увидела свет «Мировая книга рекордов», рекламирующая всяческие курьезы, возвращенные на испанской почве.

В порыве патриотизма авто-

ры сборника, правда, не объявили Испании «Родиной слов». Однако, как выясняется, именно в этой стране родились самый вежливый человек Антисон Андуага, пожавший за сутки фестиваля в Сан-Себастьяне руки 16 610 веселящихся соотечественников, гурман Андори Бастерреткса, сумевший за полторы минуты проглотить 420 морских моллюсков, неутомимый танцор Феликс Падиля, проплясавший в дискотеке 28 дней и (какая точность) 31 минуту с ежесуточными полуротачасовыми перерывами на

сон и, наконец, самый виртуозный человек-оркестр Эухенио Солер, сыгравший одновременно на шестнадцати музыкальных инструментах.

Если также верить «Мировой книге рекордов», то испанские умельцы давно ждут нашествия великанов и в преддверии этого радостного события впрок изготовили самую большую в мире рубашку, гигантский ботинок, стоивший жизни двум коровам, бюстгальтер, который впрок «снежной женщине», не говоря уже о подобающей закуске: плове из почти четырех тонн риса и свиной колбасе длиной в несколько километров.

Для статистических же туристов, ради которых, судя по всему, это издание и было затеяно, в Испании есть самый старый из сохранившихся в мире ресторан «Каса Ботин», что в Мадриде, самый узкий жилой дом и, наконец, самая маленькая гостиница на четыре номера, оборудованная на одном из Канарских островов в здании бывшей таможни.

В защиту нескромности

Владимир Шахиджанян

Упражнение № 19

Пожалуйста, возьмите предыдущие выпуски нашего курса, перечитайте еще раз все задания, и если обнаружите, а вы обязательно обнаружите, что выполнили задания не полностью, то, как бы вам ни не хотелось (а многим не захочется), заставьте себя наверстать упущенное. Особое внимание — дневнику наблюдений, рецензированию теле- и радио-передач, этюдом на раскрепощение. И лишь после этого переходите к предлагаемым ниже упражнениям.

Многие спрашивают совета, как преодолеть застенчивость, комплекс неуверенности в себе. Наибольший результат вы получите, если прочтете книги Владимира Леви «Охота за мыслью», «Искусство быть собой», «Искусство быть другим», «а также труд Ганса Селье «От мечты к открытию», «Этюд оптимизма» И. Мечникова и ряд других брошюр, книг, монографий по психологии личности, по проблемам общения.

Упражнение № 20

Любое публичное выступление всегда начинается с подготовки: да простится мне эта банальная истина, но я вынужден о ней напомнить. Предвижу вопрос: а какие же книги, а где их взять, а что прочесть? Смысл задания в том, чтобы вы сами нашли ответы на эти вопросы. Пожалуйста, поработайте в библиотеке, пойдите в каталогах (кстати говоря, где правильно поставить ударение в слове «каталог»? Многие путают и неверно произносят — я имею в виду ударение — «каталог», «некролог», «договор», «феномен», «позвонишь» и «начать»), попросите библиографов вам помочь и составьте список книг,

которые, на ваш взгляд, могут помочь каждому преодолеть робость, стеснительность, застенчивость, неуверенность, которые помогут преодолеть страх перед публикой. Конечно, все книги читать не обязательно (у меня есть список из двухсот книг по этой теме, и они мною прочитаны; но мне думается, наиболее интересные и полезные максимум 10—20; я мог бы привести этот список сейчас, но сделаю это позже, месяца через два-три — интересно, совпадет ли ваш список с моим?). На это уйдет много времени. Среди них есть слишком научные, только для специалистов. И цель данного задания — научить вас выработать интуицию в поиске нужной литературы: что может действительно пригодиться, а что читать не стоит, лишь потеряете время.

Мой совет — не читать просто так: обязательно делайте выписки и небольшие конспекты. Пришлите ваши списки в редакцию, и пусть это будут не просто списки, а своеобразная защита выбранных вами книг, то есть вы должны аргументировать свой выбор.

Упражнение № 21

Многие хорошо справились с заданием написать спич о пользе публичной речи. Когда мы давали это задание, то долго раздумывали, стоит или нет приводить тот или иной конкретный пример подобной речи. Лучше всего было бы не давать примера: пишите, как хотите, составляйте свою речь, как хотите. Но если пример не привести, то не будет импульса вашей фантазии. Во многих своих поступках, в том числе и в публичных выступлениях мы идем от собствен-

ного «я», мы всегда сравниваем: а я сделал бы так, а я сказал бы так, а если оказался бы на месте этого человека, то поступил бы так... Надеюсь, мысль понятна. Поэтому мы и дали речь Александра Терехова. И многие невольно отталкивались именно от этой речи, то есть пытались составить свое выступление, как бы подражая ему. Этого делать не стоило.

Как не стоит и начинать свою речь со слов «я хочу сказать». Раз хочите, то и говорите, это лишние слова. А многие именно с этой фразы начинали свой спич. Значительная часть занимающихся забыла о регламенте. Было сказано: не больше одной странички. А еще лучше — полстранички, то есть ровно на одну минуту.

Наиболее интересные речи прислала: Олег Сильнов из Киева, Сергей Фалёса из Рязанской области, Вячеслав Васильев из Тольятти. Особую симпатию вызвала у нас речь Александра Ли, студента из Москвы: коротко, ясно, доказательно, иронично, словом... Вот его речь: «Когда я научусь хорошо говорить, то решится много личных проблем. Я уверенно подойду к незнакомой красавице и, не боясь услышать в ответ: «Нахал!» — предложу помочь донести тяжелую сумку. По дороге удивлю ее не только знаниями, но и умением в разговоре скрыть незнания. А потом, красноречиво промолчав, подарю букет цветов. Стоя в очереди за мылом и стиральным порошком, я ненавязчиво объясню старушке и ее внучке, стоящим передо мной, что мыть лицо перед едой обязательно, а американцы, которые моют овощи и фрукты от нитратов и прочей химии с мылом, получают мыло тоже на талонах. Они у них называются долларами. Продавщица в гастрономе в ответ на мою обворожительную улыбку и вежливую просьбу: «Будьте любезны, взвесьте, пожалуйста, 49 граммов колбасы и, если можно, порежьте», — взвесит 50 граммов. Наконец-то я смогу объяснить своему мастеру, что он уже давно очень хочет присвоить мне очередной разряд и послать на курсы электросварщиков. Научившись го-

ворить, научусь слушать, а научившись слушать, прослышу богатым. Ведь уже давно народ изрек: «Молчание — золото». Я перестаю бояться экзаменов и чувствовать себя на них собачкой: знаю, понимаю, а сказать не могу. Теперь смогу! Ура!»

Мы не изменили в этом выступлении даже зайтов.

Попробуйте ответить на вопросы: что вам нравится в этом выступлении, что не нравится и почему, чем ваш спич лучше, а чем хуже. Попробуйте эту речь разметить — выделить в каждом предложении главное (основное) слово, где нужно, выдержать паузу в одну-две секунды, а где, может быть, больше, поставьте в этой речи абзацы, ибо абзац всегда означает паузу, новую мысль. А может быть, здесь необходимы уточня, вопросительные знаки и восклицательные. Местоимение «я» в этой речи звучит шесть раз. Как, на ваш взгляд, можно без «я» обойтись? Шесть раз норма или пербор, а может быть, мало? (Слишком частое употребление «я» в любой речи у слушателей вызывает небольшое раздражение.) То же самое проделайте (я говорю об анализе) со своим спичем о пользе публичной речи.

И после этого выполните упражнение еще раз — составьте новый спич о пользе публичной речи. Условия — прежние: речь на одну минуту, эмоциональные доказательства, отсутствие штампов, убедительность... И пришлите выполненное задание в редакцию.

Многим кажется, что в короткое время невозможно уложить все, что хочется сказать. Все зависит от вашей эрудиции, убедительности и точности построения речи. Обратимся к истории, обратимся к гигантам и чародаем слова.

Видимо, вы слышали о Федоре Никифоровиче Плевако (публике всегда льстит, когда лектор, выступающий подражает, что слушатели не глупее, а умнее его и не менее информированы. Это известный прием: обращаясь к залу, сказать: «Как вы все, наверное, знаете...») и проинспектировать, что добрая половина зала слышит впервые. Человеку все-

гда нравится, что в нем видят умного собеседника. Это лучше, чем сказать «мало, кто знает или помнит Федора Никифоровича Плевако»). Кстати говоря, он всегда советовал начинающим адвокатам: «Слушатели должны понимать без усилий. Оратор может рассчитывать на их воображение, но не на их ум и проницательность. А потому не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья».

Вот два рассказа о Ф. Н. Плевако, приведенные В. И. Смоллярчуком в книге «Гиганты и чародей слова», которую мы всем советуем прочесть:

«Судили священника. Картина содеянного была примерно такой, какую в свое время изображал А. К. Толстой:

Несомненно и тяжки улики, Преступленья ж довольно велики: Он отца отравил, пару теток убил,

Взял изломом чужое именье...

Ко всему этому священник, о котором шла речь, сознался во всех преступлениях. Был назначен суд. Плевако взял на себя записку. Коллеги считали, что даже Плевако ничего не сможет сделать в этом случае, так как в деле все было бесспорно, уцепиться было совершенно не за что. Начался процесс. Громовую речь произнес прокурор. Плевако медленно поднялся, бледный, взволнованный. Речь его состояла всего из нескольких фраз: «Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и сам в них признался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпуская вам на исповеди грехи ваши. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грехи». И присяжные оправдали подсудимого.

А вот другой пример его краткой, но оригинальной речи. Старушка украла жестяной чайник стоимостью менее 50 коп. Она была потомственная почетная гражданка. Вопреки всяким ожиданиям ее защитником выступил Плевако. Прокурор, зная о том, что будет выс-

тупать Плевако, решил заранее парализовать возможное влияние защитительной речи и сам высказал все, что можно было сказать в защиту подсудимой: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но ответственность священника, все гражданское благоустройство держится на его совести, и если позволить людям посягать на нее, страна погибнет. Поднялся защитник Плевако. Он сказал: «Много бед и испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенег терзали ее, половцы, татары, поляки. Двундадесят языков обрушилось на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крела и росла от испытаний. Но теперь, теперь... старушка украла старый чайник ценою в пятьдесят копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно». И суд оправдал старушку.

Я думаю, никаких комментариев, послесловий приведенным отрывкам не требуется. Кто-нибудь скажет: «Так ведь это сам Плевако! Куда мне до него?!» Никогда ни при каких случаях таких фраз не произносите. И вы можете достичь результата, и обязательно достигнете его, если серьезно отнесетесь к занятиям. Необходимо верить в себя. Верить, верить и еще раз верить! А обрести веру вам помогут книги по психологии и аутогенная тренировка. Возможно, многие со мной не согласятся (это тоже ораторский прием — заранее предвидеть несогласие: уже интересно, а в чем, а что дальше?), но я советую по утрам вставать перед зеркалом и после того, как вы закончите занятия по артикуляции, посмотрите на себя, обязательно подмигните, улыбнитесь и постанутесь полюбившейся собой. И несколько раз произнесите сами себе (если это неловко делать вслух, произнесите про себя) примерно такие фразы: «Я поставил перед собой цель. Я ее добьюсь. Говорят другие, и я не хуже. Я же умнее читать и писать, я же более или менее знаю язык, на котором говорю. Кто мне может помешать знать этот язык лучше!

Я обязательно научусь говорить публично. Я смогу покорить тех, кто меня будет слушать. Я постараюсь это сделать мягкостью, воспитанностью, сообщением интересных данных, некоторой собственной тайной. Я покажу слушателям, что люблю и уважаю их, что я признателен им за то, что они меня слушают. Я хочу стать лучше, и я стану лучше! Я научусь смотреть в глаза собеседнику. Я научусь смотреть в зал, не опуская глаз. После этого посмотрите внимательно на себя в зеркало. Рассматривайте себя минуту, а еще лучше — две. Изучайте свой взгляд, мимику. Есть выражение: «Он посмотрел на меня пристальным взглядом». На самом деле глаза наши практически не меняются — меняется мимика. Произнесите текст аутогенной тренировки вслух перед зеркалом, анализируя, насколько меняется выражение вашего лица.

Упражнение № 22

Попробуйте прозвонить в кругу ваших друзей, знакомых, коллег речь о скромности. Мы часто говорим, стараюсь как можно лучше характеризовать человека: «Он скромный». Скромные люди обычно у нас вызывают симпатию, с ними легко. «Скромность украшает человека», — наверное, многим знакома эта поговорка. Скромные люди пользуются уважением на работе. Когда человека хотят обидеть, говорят: «Он скромный».

Лично мне кажется, что это все — неверный посыл. Я против скромности. Человек, выступающий публично, не может быть скромным. Мне думается, что скромность нам больше вредит, чем помогает. «Будь скромным...» Это значит — не высываясь, не выступая, не возмущаясь недостатками, терпи, не стремись к лидерству, не стремись делать карьеру... Мы часто путаем понятие «скромность» с воспитанностью. Громко говорить в гостях, по поводу и без повода задавать вопросы на занятиях, стараться всех перекричать на собрании — нет, это не имеет отношения к нескромности — это невоспитанность. Воспитанному нужно быть. Интеллигентность предусматривает воспитан-

ность. Но скромность тут ни при чем. Это моя точка зрения. Может быть, я не прав. Подумайте на эту тему и составьте речь на три минуты — это полторы страницы машинописного текста. Речи о скромности. Хорошо бы дать заголовок не столь прямойлинейный. Хорошо бы посмотреть, готовясь к этой речи, словари, поговорки, а может быть, и прочитать избранные диалоги Платона, «Опыты» Монтеня, максимы Ларошфуко, Паскаля, Лабрюйера.

Упражнение № 23

Невероятно легкое. Приучает к самоконтролю. Сначала не будет получаться, затем вызовет удивление окружающих и через десять дней принесет невероятную пользу.

Когда бы и с кем бы вы ни говорили, прежде чем отвечать на вопрос, сосчитайте до пяти. Идеально выдержать паузу до счёта 10, но на это мало кто способен. Знайте, если вы сумеете так поступать (а помните, в самом начале нашего курса мы говорили о стопроцентном выполнении наших заданий!), то вам почти гарантирована защита от непродуманных высказываний, случайных слов и неверной реакции. Прежде чем что-либо сказать, подумайте. Вроде бы об этом все знают, но почему-то забывают. Пауза в пять секунд — это много. За это время можно продумать ответ. За пять секунд можно придумать, как лучше отреагировать на обидное слово, как смягчить острую ситуацию. И обязательно подробно проанализируйте выполнение этого упражнения. Какие трудности, как изменилась форма общения, к какому результату вы пришли.

Упражнение № 24

Мы занимаемся уже восьмой месяц, а курс рассчитан на два года. Треть пути мы прошли. А чему научились? Что освоили? Каковы результаты? Обязательно ответьте на эти вопросы сами себе. А еще лучше, если об этом напишете в редакцию.

Упражнение № 25

Найдите среди своего окружения человека, которого требуется защитить. Станьте вре-

менно адвокатом. Это может быть ваш сокурсник — ему грозит исключение за неуспеваемость, или ваш знакомый по общеджитию, к которому несправедливо относится комедант... Словом, нужно кого-то защитить. Может быть, для этого придется дойти до ректора, секретаря райкома комсомола или райкома партии. Не исключено, что придется созывать то или иное собрание. Конечно, защищать надо только того, кто этого достоин, — не стоит защищать ради защиты. Попробуйте составить план защиты: с кем и когда вам надо по этому поводу поговорить, подготовьтесь к своему выступлению, не просите, а защищайте. (Нападение — лучшее средство защиты. В этом афоризме доля истины есть.) Научитесь отстаивать свои права.

И подробно записывайте ход вашей защиты. Когда и с кем вы говорили, в чем были ваши ошибки, чему вы научились, к каким выводам пришли.

Учитывая приближение сессии, зимний авитаминоз, думается, что на месяц заданий и упражнений хватит. Я обращаюсь к читателям с двумя просьбами.

1. Проанализируйте текст этого моего выступления. Где можно было обойтись без «я»? Где мною допущены стилистические погрешности, разрешенные для устной речи, но недопустимые в письменной? Что было убедительным, а что показалось неубедительным? Не отметили ли вы тавтологии (посмотрите в словарях, что означает это слово, если оно вам не знакомо)?

2. В редакции возникли споры: не слишком ли много места мы уделяем курсу «Учимся говорить публично». У журнала миллионный читатель, а если верить откликам, то в нашей школе занимается не более 500 человек. Мы решили, как всегда, обратиться к читателям: придет много откликов — расширим площадь, придет мало откликов — сделаем курс более конспективным. А может быть, перейдем на рассылку в 500—600 адресов нашего курса, а на страницах журнала лишь будем информировать об этом. Так что слово, читатель, за вами. Напишите открытку с изложением вашей точки зрения.

О Р Б И Т А

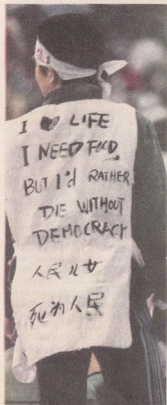
События на площади Тяньаньмэнь

Александр Кудряшов

Бурные события весны — начала лета в Китае один западный журналист назвал «бунтом идеалистов». Однако многие причины этих событий вполне материальны. Экономические трудности, с которыми столкнулось китайское общество после десяти лет успешного продвижения вперед, вызвали снижение жизненного уровня населения. Многих студентов на политические выступления толкнули чисто житейские проблемы, обострившиеся к началу 1989 года. Инфляция, превысившая 30 процентов в год, трудности с поисками работы, кризисные явления в сфере образования породили у студентов неуверенность в завтрашнем дне.

Китайский студент сегодня, как правило, ютится в крошечной комнатке общежития вместе с пятью-шестью товарищами, получает мизерную стипендию, которой едва хватает на самое скромное пропитание. На развлечения, книги, модную красивую одежду средств нет. И даже после окончания института перспективы для большинства представляются весьма

безрадостными. Школьные учителя, врачи, преподаватели в институтах и работники научно-исследовательских учреждений находятся на низших ступенях общественно-экономической лестницы, зарабатывая в месяц от 80 (школьные учителя) до 140 (врачи, профессора вузов) юаней в месяц. На эти средства можно лишь сводить концы с концами даже без

учета катастрофических последствий инфляции. «Разве это справедливо, — возмущались участники сидячей демонстрации на площади Тяньаньмэнь, — когда ученый зарабатывает меньше таксиста, а

хирург меньше парикмахера?»

На общем фоне бедности и нужды интеллигенции особенно резкое возмущение студентов вызвали масштабы коррупции, злоупотреблений служебным положением, взяточничества и казнокрадства среди бюрократов партийного и государственного аппарата. Немногим выпускникам институтов удается устроиться на высокооплачиваемую работу в совместные с иностранным капиталом компании или в учреждения, связанные с поездками за границу, где все занято «детьми» властей предрержащих. Мечта любого китайского студента — получить образование за границей, но и в США, Японию, страны Западной Европы в первую очередь вновь едут «родственники».

Разочарованные своим настоящим и будущим, возмущенные коррупцией и требуя демократии, выходили юности и девушки на демонстрации и митинги в своих студенческих городках, собирались на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь. За шесть недель выступлений в них приняло участие более 100 тысяч человек.

Парадоксально, но движение это вначале было расценено пекинскими властями как патристическое, студенты выступали с призывами в поддержку компартии, конституции и «четырех основных принципов» — приверженность социалистическому пути развития, народно-демократической диктатуре, руководству со стороны КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзедуна.

Однако впоследствии официальная оценка претерпела трансформацию — через «беспорядки» к «контрреволюционному мятежу». При желании среди десятков тысяч участников можно было найти достаточно и хулиганствующих элементов, учинявших беспорядки, и антисоциалистических элементов, и даже откровенных контрреволюционеров. Абсолютное же большинство участников движения не выступало против социализма, не ставило целью создать беспорядки ради самих беспорядков. Это большинство ратовало за демократию, даже не имея четкого представления, что это такое. Для одних — это борьба с кор-

рупцией, для других — «альтернативные выборы как в Советском Союзе и ничего больше», для третьих — свобода печати, для четвертых — возможность посредством митинговых требований и демонстраций вывести из состава высшего руководства то или иное лицо. Высказывания такого рода отразили низкий в целом уровень политической грамотности, наивность и идеализм студенческих масс. Такое же впечатление сложилось и у людей, неоднократно с ними встречавшихся.

Не вина студентов в том, что, отказавшись от политического воспитания на основе «маленькой красной книжечки» — цитатника Мао Цзедуна, — партийное руководство не смогло разработать достаточно логичной и стройной теории, разъясняющей суть и характер социально-экономических изменений в Китае, создать систему идеологического воспитания молодежи. Китайские товарищи, по крайней мере, наиболее дальновидные сотрудники ЦК КПК, уже не один год выражали беспокойство по поводу кризиса преподавания социально-экономических дисциплин в китайских вузах и игнорирования коммунистического воспитания будущего поколения.

Неудивительно, что не имеющие твердых идеологических основ и политических знаний, студенты, возбужденные массовым действием и жаждущие немедленных решений, оказались подверженными разного рода влияниям. Лидеры так называемого «студенческого движения за демократию» проявили себя как мощный генератор оппозиционных взглядов. Вот, например, какого кредо придерживается популярная среди молодежи фигура — астрозик Фан Личжи, которого на Западе совершенно необоснованно (видимо, для придания ему большего веса) величают «китайским Сахаровым»: «В марксизме больше нет надобности. Он подобен изношенной одежде, от которой нужно избавиться. За последние 30 лет партия не добилась ничего стоящего». А вот как формулирует цель другой лидер Ван Дань, студент исторического факультета Пекинского универси-

тета: «Мы открыто заявляем о том, за что ратуем: обеспечить полную свободу слова, ассоциаций и печати; создать политический механизм западного образца; покончить с устаревшей политической идеологией».

Китайское руководство не малую долю вины за поляризацию сил в Пекине возложило на внешние силы. Двядцать оно делало представления относительно деятельности радиостанции «Голос Америки», настраивавшей студентов против правительства. Вмешательство выражалось, в частности, и в многочисленных заявлениях официальных лиц стран Запада в поддержку студентов. Финансовом давлении — задержках в предоставлении средств по уже согласованным кредитам и т. д. В Пекинском университете и на площади Тяньаньмэнь распространялось «послание поддержки» из американской организации «Китайский национальный союз». Уже после событий 4 июня (дата насильственного разгона демонстрантов) не без помощи Запада по нелегальным каналам покинули Китай находившиеся в розыске студенческие лидеры Ли Лу и Уэр Кайси.

Отношение пекинских властей к требованиям студентов было однозначным и соответствовало принятой политической линии в этом вопросе: исходя из постулата, что стабильность важнее демократии, политические реформы должны осуществляться постепенно и планомерно, народ Китая в силу недостатка образования пока готов к прямому избранию своих руководителей лишь только на местах.

Мнения относительно действий руководства страны неоднородны. 4 июня весьма разноречивы. Многие факты неизвестны, другие перетолковываются и переоцениваются в свете новой, неизвестной ранее информации. «Как можно применить военную силу против студентов, покидавших Тяньаньмэнь с пенем «Интернационала»? — возмущаются на одном полдосе мнений. «Как же не применять оружие против мятежников, обстреливавших военные колонны, сжигавших заживо и вешавших на

столбах солдат НОАК? Ведь у мятежников изъята не одна сотня единиц огнестрельного оружия, в том числе автоматического!» — эти бесспорные факты приводят на другом полюсе мнений.

Принимая решение об использовании армии для погашения очага напряженности в центре страны, ее руководители, как представляется, опасались распространения волнений на другие слои населения и обширные районы Китая. Многие наверняка вспомнили в связи с этим вакханалию «культурной революции» и ее неисчислимые жертвы. Полтора месяца нормальная жизнь Пекина, одного из крупнейших промышленных центров страны, была нарушена, и экономика несла убытки, от которых нелегко было бы оправиться. Во всяком случае, заявления лидеров КНР о том, что беспорядки поставили под угрозу судьбу экономических реформ в стране, не лишены основания.

С этими аргументами можно соглашаться или не соглашаться, но они понятны. Но есть и непонятные вещи. Как, например, объяснить тот факт, что в считанные дни после 4 июня были вынесены смертные приговоры участникам беспорядков, и в считанные же дни эти приговоры были приведены в исполнение? А ведь в китайском судопроизводстве существует такая категория, как смертный приговор с отсрочкой приведения в исполнение, например, на два года. В течение этих двух лет существует возможность, принимая во внимание чистосердечное раскаяние и примерное поведение приговоренного, заменить смертную казнь другой мерой наказания. Именно так обстояло дело с приговором членам «банды четырех», виновников куда более тяжелых и масштабных преступлений периода «великой пролетарской культурной революции».

Безавшие за границу мятежные лидеры заявляют, что после 4 июня у Китая нет будущего». ЦК Компартии Китая и Коммунистический союз молодежи Китая, проанализировав уроки беспорядков и контрольно-революционного мятежа, сделали трудные для себя, но полезные выводы.

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

Продолжение. Начало в № 7, 9, 10 за 1989 год.

Воображение

Стендаль в своей книге «О любви» писал: «Любить — это значит испытывать наслаждение от возможности видеть, прикасаться, ощущать всеми органами чувств любимое существо, одарившее нас своей любовью».

В момент зарождения любви и в течение всего периода, пока она длится, органам чувств принадлежит главенствующая роль. Все начинается с органов зрения и слуха, которые при посредничестве психики воздействуют на сексуальные мозговые центры. Многое в общении с любимым человеком зависит от органа обоняния, способного пробуждать в сознании интимные ощущения. Психологический эффект воздействия обоняния является одной из причин, заставляющих работать воображение.

Кроме этого, как сейчас выяснилось, свою лепту в процесс возбуждения мозговых сексуальных центров вносят также и психические воздействия, причем независимо от чувственных рецепторов (нервных окончаний). Я имею в виду возникающее в нашем воображении ассоциативное видение определенных форм, красок, звуков или запахов, воздействующее непосредственно на центр организма. Таким образом, мы имеем дело с очень сложной сигнальной системой и разнообразными проводящими путями, по которым нервные импульсы поступают в соответствующий нервный центр.

В лабиринте человеческой психики пути-дороги сексуального поведения относятся к наиболее запутанным, и нужна постоянная работа мысли,

чтобы они не завели в тупики жизненных катастроф и разочарований. Одним словом, в области психики и эмоциональности необходима активная мыслительная деятельность, но вместе с тем она категорически противопоказана в момент восприятия физических сексуальных ощущений — то есть складывается совсем не легкая ситуация, которую необходимо оценить и понять.

Говоря о рождающихся в воображении определенных формах, цветовых образах или звуковых эффектах, мы вторгаемся в сферу творческого мыслительного процесса, охватывающего как отдельные простейшие составные элементы сексуальных импульсов, так и всю жизнедеятельность человека, включая определенные бытовые ситуации. Воображение в любви — мощная побудительная сила, обеспечивающая и поддерживающая ее прочность, но воображение необходимо формировать и развивать точно так же, как и многие другие физические и психические механизмы.

Редко воображение играет более важную роль, чем конкретные впечатления, воспринимаемые органами чувств. Именно оно первым вводит нас в мир секса и любви. Вспомните свой первый поцелуй и томление в груди — а как будет дальше? Но приходит день, когда наши мечтания соприкасаются с действительностью. И что мы видим? Неуклюжее объятие, неловкое от смущения или же чересчур резкое прикосновение губ... А затем удивление: как, и это все! «А где же неистовство секса, рожденное воображением?» — задают себе вопрос

разочарованные молодые люди. Неужели любовь действительно так бесцветна и неинтересна?

Период ожидания ласк, наполненный интенсивной работой воображения, намечает перспективы будущих любовных переживаний и ставит перед нами цель, к которой мы стремимся приблизиться. Если желание побыстрее завоевать партнера заставляет нас поспешно преодолевать дистанцию от одной ласки к другой, не оставляя времени для работы воображения, то и любовные переживания соответственно мельчают в этой спешке, оставляя поверхностный неглубокий след в душе. Я уж не говорю о том, что сексуальное напряжение не успевает достичь пика и приобрести необходимую интенсивность, требующуюся для полной эмоциональной и физической разрядки. Цель, достигнутая таким нерадивым способом, не имеет ничего общего с безумством страстей: взята по существу невысокая и не очень интересная, с точки зрения перспективы, высота, за которой вас может подкарауливать царство скуки.

Всякая поспешность в любви чревата роковой ошибкой. Никогда не спешите! Предоставьте возможность поработать вашему воображению!

Жизнь так устроена, что порой любовь протекает далеко

не гладко и не всегда любовники могут находиться рядом друг с другом, случаются расставания и на короткий, и на длительный период времени, и тогда появляется прекрасная возможность обменяться с любимым человеком своими мыслями и планами посредством почтовой корреспонденции. Эта форма общения позволит поддерживать накал чувств, уберечь их от угасания и забвения. Известны случаи, когда переписывающиеся, не будучи лично знакомы, устанавливали эмоциональный взаимный контакт и... даже влюблялись. В письмах можно рассказать о любви и сердечной боли, вызванной разлукой, причем некоторым людям легче выразить глубину переполняющих их чувств с помощью авторучки и бумаги, чем произнести заветные слова «я люблю» при непосредственной встрече с любимым человеком.

К инструментарию воображения относятся флирт и кокетство. О флирте мы поговорим в главе, посвященной органу слу-

ха. Пока же хочу сказать несколько слов о кокетстве. Оно невозможно без участия всех органов чувств: зрение — это волнующая походка, привычные жесты, многообещающие взгляды, одежда и оригинальные аксессуары женского туалета, обращающие на себя внимание; слух — это приятный тембр голоса, мягкая, доверительная манера разговора, умение напеть популярную мелодию, придумать удачный каламбур; обоняние — это волнующий запах хороших духов, свежесть и чистота кожи лица и тела; и, наконец, осязание — это нежные прикосновения рук, тела (например, во время танца) и т. п.

Суть женского кокетства состоит в неустанном изменении настроения, в демонстрации средств, попеременно притягивающих и отталкивающих мужчину. В результате такого поведения происходит суммирование раздражителей, вызывающих в партнере высокий уровень сексуального напряжения. Кокетство — это специ-

фическое оружие женщины, но и мужчины охотно им пользуются, хотя и в несколько другой форме. Женщина завлекает, очаровывает, многое «бещает жестом, взглядом, затем неожиданно отворачивается и обращает свои взоры на других мужчин (с дозированной вниманием, разумеется). Когда огорченный и обескураженный партнер начинает приводить в порядок свои чувства, она вновь одаривает его своей нежностью, делая вид, что ничего особенного не случилось.

Мужчины, имеющие опыт в обращении с женщинами, также прибегают к кокетству: дают понять, что потеряли голову от любви, забрасывают женщину букетами цветов и телефонными звонками — она постепенно начинает оттаивать, но вдруг — тишина, от него ни звонков, ни писем, а при встречах он беспрерывно говорит лишь о служебных делах и заботах, удивительно холоден. И тогда женщина неожиданно делает вывод, что ей просто необходимо его нежность, что она уже не мыслит своего существования без общения с ним. Когда грустный финал их знакомства становится вроде бы неизбежным, вновь на авансцене появляется он — во всем великолепии своего обаяния, с цветами и комплиментами, приглашает ее поужинать вместе в ресторане или посмотреть интересный спектакль — и вот уже снова начинает раскрываться карусель любовного ухаживания.

Кокетство — одно из самых сильных психических средств воздействия, заставляющее интенсивно работать воображение: во все представляется в черных тонах, поскольку разрыв с любимым человеком, видимо, неминуем, то вновь озаряются радужным светом перспективы и надежды на ответное чувство и т. д. Беспокойство и неуверенность, испытываемые в критические периоды, приучают бережно относиться и ценить драгоценные минуты нежности и душевного тепла. Кокетство, точно так же как белый и черный цвета в живописи, придает жизни положительные качества и пластичность, оберегая любовь от монотонности и скуки. Заставлять партнера ждать,

обновлять и совершенствовать его чувства и эмоциональный настрой, корректировать физические желания и психическое состояние — все это своеобразная гимнастика воображения, приводящая к обостренности ощущений и сознательному наращиванию сексуального напряжения. Оперирование контрастами и нюансами настроений характерно также для сферы искусства; умелое сопоставление контрастов во многом определяет художественную ценность той или иной картины, пьесы, музыкального симфонии или литературного произведения.

Говоря о кокетстве, хочу подчеркнуть необходимость соблюдать во всем чувство меры. Неуклюжее кокетство, сопровождающееся всевозможными жужжками, безудержным сюсюканьем и болтовней, способно привести к совершенно противоположному результату: партнер может увидеть вас в весьма непривлекательном свете. Жеманство и воркование, не подкрепленные ни соответствующей внешностью, ни возрастом женщины, вызывают у партнера насмешливо-нисходительное отношение и желание убраться восвояси.

Кроме бестактного кокетства, существует еще одна «западня» воображения — чрезмерное фантазирование в любви, лишенное всяких на то реальных оснований. Брачный союз двух людей, основанный исключительно на романтической любви и воображении, заранее обречен на фиаско. Такая любовь представляет попытку удовлетворить свои мечты и воплотить в жизнь идеалы при помощи воображения. Мы сотворем себе кумира и переносим его достоинство на конкретного человека. Однако наступает момент, когда окружающая действительность грубо пробуждает нас от сладкого сна и возникает потребность в настоящих, а не придуманных чувствах. И тогда брак распадается, причем тем быстрее, чем больше было фантастических грез и чем

меньше реального взаимопонимания.

Это совсем не означает, что любовь должна быть целиком приземленной. Воображение может обогатить и украсить любовь, но не должно быть ее основой. Исключительно важную роль играет воображение в развитии условных рефлексов. Импульсы, поступающие от органов чувств в мозговые центры, вызывают в воображении определенные ассоциации, в зависимости от которых возникают положительные или отрицательные сексуальные эмоции.

Раздел, рассказывающий о роли органов чувств в любви, я считаю одним из основных, потому что он учит главному: труд, вложенный в период зарождения любви, создает школу сексуальных механизмов и реакций, тщательно фиксируемых друг у друга партнерами. После вступления в брак эта школа и практикуемые в ней методы сослужат добрую службу молодоженам — не меньшую, чем такой опробованный реквизит, как букет прекрасных цветов молодой жене, оптимистическое настроение, несмотря на невзгоды и трудности, нежные слова, опрятный внешний вид и повседневная личная гигиена.

*Перевод с польского
Льва Волгина*

Продолжение следует

От редакции. Спасибо всем тем, кто уже написал в адрес рубрики «Азбука для двоих». Насколько можно судить по полученной почте, публикация Михалины Вилсцкой о культуре любовных отношений вас устраивает. Надеемся и в дальнейшем на ваши отклики, суждения, предложения.

В следующих наших публикациях речь пойдет о влиянии воображения и органов чувств на половое развитие.

НАШ ПАРЕНЬ В ЕВРОПЕ

Алле-оп!

Сергей Панин

freestyle

С пятой попытки Алекс положил мне казенный «никон». Он сказал задумчиво: «Выйдет или не выйдет?», осторожно вынул из трассы, я съехал чуть ниже, чтобы занять выгодную точку для съемки: в случае удачи буду первым в мире репортером, сделавшим подобный кадр — ждал удачу. Алекс понемногу набирал скорость... Наблюдала, естественно, вся гора. Остановились лыжники. Ждал, что будет, Пьер Ришар. Любители пропустить рюмочку между спусками в маленькой кафешке тоже ждали, и даже, кажется, лыжник-пилот, парящий высоко над горой на «кры-

ле», слегка притормозил полет — ждал, наблюдал. Алекс взлетел, завис над склоном и рухнул — прямо на меня.

— Не вышло, — спокойно констатировал Алекс, выливая вая снег. — Панин, ты жив?

Я жив, но у аппарата разломана бленда — он рухнул на меня вместе со своим громоздким сноусерфом, и только какой-то справедливый альпийский горный дух отвел неприятность: если б не камера, получил бы железной парусной стойкой в лоб.

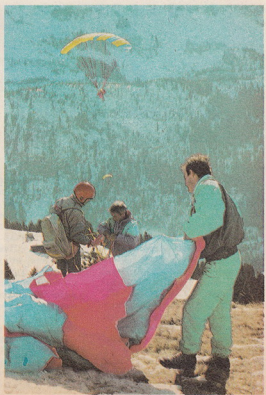
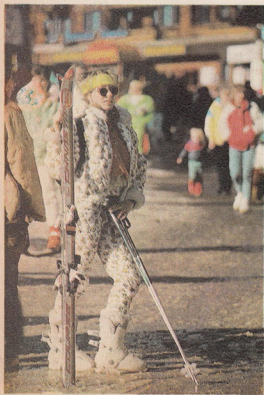
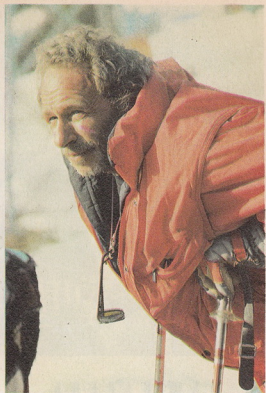
Алекс — по разумению человека, в этих местах «новенького», — не вполне нормальный.

Нормальный на виндсерфе катается по ровной поверхности, по морской, скажем, глади. Алекс Швах — на горе. Парус на горе — это уже само по себе зрелище запредельное. Но просто так кататься Алексе мало.

Он вместе со своим парусом хочет прыгнуть сальто.

Впрочем, это как раз впечатление «новенького». Пожалуй, мы одни в наших горах еще прочно стоим на двух тривиальных лыжах — для Европы это уже давно вчерашний день. Ездит как попало и на чем попало: на сноубордах, телемарках, монолыжах, сноусерфах... И очень, очень любит летать — на парашоте «крыло». («Извините, Михаил Михайлович!» — попрошу у твоего прощения у широко известного в горных местностях Михаила Туркевича... Миша уже несколько сезонов покоряет воздушное пространство Терекота на своем парашоте, и перед самой Гималайской экспедицией на Канчеджангу он при приземлении отбил копчик... Ничего, отлежался с примочками — опять полетел. И траверс Канчеджанги сделал!)

Да, просто кататься стало как-то неинтересно...

Я смотрел на горную фисту — а разглядывал я ее больше двух месяцев, так что было время присмотреться, — на полеты и задом наперед катания и никак не мог отделаться от ощущения, что все эти фокусы суть не только курортная экстравагантность, но что-то еще... Нечто такое, что находится, может быть, за пределами горнолыжной трассы и, возможно, даже не в этих горах, — нечто такое, что растворено в жизни обычной городской улицы, атмосфере кафешки, куда заскочил на минуту и где можно между делом бросить незнакомому человеку за столиком: «Привет, меня зовут Панин, а ты что-то бледен». — «Привет, Панин, как дела? — отвечает тебе. — Да и ты что-то не кровь с молоком!» — и мы уже приятели... Вот-вот, скорее это просто способ и манера жизни, и человек чувствует себя совершенно самостоятельно, и ему плевать на посторонний сарказм и уж тем более на чье-то моралит.

Алекс Швах опять наверху, и опять все оставили свои дела — наблюдают. И знаменитый французский высокий блондин Пьер Ришар тоже ждал. Он не совсем в том образе, который нам привычен: расслаблен, заторможен и вопреки обыкновенно не в одном черном ботинке, а в двух, и оба — красные. И я готовлюсь стать первым в мире репортером, поймавшим в объектив это сумасшествие.

И ведь стал!

И ведь вышло: Алекс оторвался от склона, влетел, вернулся и — надо же! — приземлился на плоскость лыжи.

Вся гора заорала. Я заорал. Алекс, опомнившись, тоже. В кафешке оглушительно хлопнуло шампанское — там подняли бокал за здоровье и за удачу всех, кого не очень устраивает обычный размеренный способ жизни, за здоровье и удачу всех ненормальных.

И даже, кажется, тот, висящий над нами на парашоте, тоже что-то прокричал приветственное, — он еще повисел немного над склоном, да и полетел куда-то. И куда уж он полетел — кто знает?..

Большой привет советским студентам. Хочу пожелать всем нам радостного будущего. Возможно, мы как-нибудь покатаемся на сноуборде здесь, в Австрии, или у вас и вообще займемся всякими приятными делами.

Алекс Швах
Капрун, 22.02.1989,
Великий день!

Viel Grube an alle Studenten
in der Sovietunion. Ich wünsche
us allen eine friedvolle Zukunft.
Vielleicht können wir einmal
gemeinsam in Österreich oder
bei Euch Snowboarden gehen
oder andere tolle Sachen erleben.

Kaprun 22.2.1989
A great Day !!

Schwab Alex

Партнер по тренировке

Так называемые основные упражнения

Для тех, кто впервые начинает читать эту серию материалов, мы повторяем некоторые из исходных принципов, которые Арнольд Шварцнеггер считает особенно важными для каждого культуриста.

1. Культуризм полезен не только тем, кто хочет стать звездой в спорте или на киноэкране. Усиленные тренировки с тяжестями помогут любому из нас исправить свою фигуру, сделать ее более гармоничной, а внешность — привлекательной.

2. Необходимо с первых же занятий тренировать не только тело, но и сознание. Иначе говоря, каждый должен овладеть своей волей настолько, чтобы без понуканий он торопился на занятия, относился к ним с предельной серьезностью и сосредоточенностью.

Сознание должно подсказывать разумные и реальные цели. Кроме того, нужно время, нужны значительные усилия для достижения качества в выполнении самых на первый взгляд заурядных упражнений (отжимание от пола, приседания, подтягивание на перекладине и т. п.). Только в этом случае ваше развитие будет гармоничным, а усилия — продуктивными.

3. Необходимо дать себе ясный ответ: какой цели я хочу достигнуть?

Для одного человека ведущим мотивом будет желание стать культуристом-профессионалом. Для другого — иметь крепкое здоровье. А уяснив цель, надо решить: на кого вы хотели бы походить? Иными словами, избрать себе спортсмена для подражания.

4. Проанализировать свой тип сложения и таким образом ре-

льно оценить ваши возможности.

5. Перед началом занятий культуризмом пройти всесторонний медицинский осмотр. Если вы здоровы, то встреча с врачом не отнимет у вас много времени, но зато прибавит уверенности.

6. Изучите основы рационального питания и вместе с врачом составьте правильный режим питания на неделю.

Не забывайте пользоваться таблицей калорий! Принимайте витамины! Но, конечно же, в разумных дозах.

Итак, мы еще раз в конспективном изложении повторили некоторые из тех принципов, что были изложены в первых уроках.

Осталось напомнить лишь о том, что путь к цели начинается с ежедневной зарядки.

И, кроме того, развивайте себя постепенно. Избегайте резких нагрузок!

Есть несколько упражнений, которые проще всего называть основными.

Каждое из них направлено на развитие целой группы мышц.

Пожалуй, первое из таких ос-

новных упражнений — это отжим штанги в положении лежа.

Это упражнение, думаю, хорошо вам известно. Но от этого оно не становится менее важным для всех нас. Я его выполняю с пятнадцати лет. И оно сопровождает меня всю жизнь. К нему надо относиться с большой серьезностью, ибо нет упражнения лучше для развития мышц грудной клетки.

Такое же универсальное упражнение — приседания. Без многократных приседаний с тяжестями нельзя приобрести хороших икр, добиться крепости мышц тазобедренной области. Как только мы хоть на неделю прерываем приседания, наши ноги слабеют, и все приходится начинать сначала.

Как вы уже поняли, так называемые основные упражнения нагружают ведущие группы мышц.

Со временем они становятся для нас, культуристов, настолько привычными, что мы их начинаем делать чуть ли не машинально.

Но этого допускать нельзя. Даже при выполнении сложных упражнений период разминки должен включать эти основные упражнения, которые нужно уметь делать всегда с вдохновением, всегда осознанно.

Тот, кто исполняет их «машинно» или с прохладцей, не добьется успеха в упражнениях и более сложных, с настоящими тяжестями.

Равнодушное отношение к основным упражнениям чревато для нас крупными неприятностями. Впрочем, едва ли это безобидное равнодушие, это, пожалуй, день, помноженная на слабость духа.

Если вам отжим лежа кажется слишком простым, если вы исполняете его без энтузиазма и в то же самое время мечтаете, а то и беретесь за более сложные задачи, вы обречены на неудачу.

Вам нужно задуматься о своих целях, своем облике культуриста и, трезво оценив себя, вернуться к первому уроку.

Всегда помните: у культуризма нет секретов выносливости, закалки, питания. Основа успеха не в том, какие упражнения мы выполняем, а в том, как мы их выполняем.

Продолжение следует

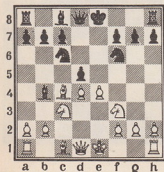
Под редакцией
Анатолия Карпова

Не расставляя фигур

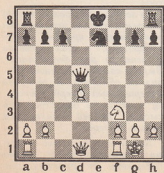
Партию, которую мы приводим ниже, вы наверняка хоть раз да видели — это одна из самых крупных жемужин в сокровищнице шахмат. Но и сегодня, спустя почти сто лет после появления этого произведения, разыгрываешь ее с наслаждением. Это как музыкальный или поэтический шедевр.

В. Стейниц —
К. фон Барделебен

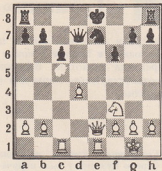
Гастингс, 1895 г.
Итальянская партия
1. e4 e5 2. Kf3 Ke6 3. Ce4 Ce5 4. c3 Kf6 5. d4 ed 6. ed Cb4+ 7. Kc3 d5.

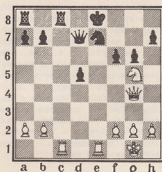
8. ed K:d5 9. 0—0 Ce6 10. Cg5 Ce7 11. C:d5 C:d5 12. K:d5 Ф:d5 13. C:e7 K:e7.

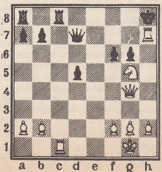
14. Лfе1 f6 15. Фе2 Фd7 16. Лe1 c6.

17. d5! ed 18. Kd4 Kpf7 19. Ke6 Lhc8 20. Фg4 g6 21. Kg5+ Kpe8.

С этого момента и начинается блестящая комбинация.
22. Л:e7+! Kpf8 (если 22... Kpe7, то 23. Ле1+ Kpd6 24. Фb4+ Лe5 25. Ле6+ или 24... Kpe7 25. Ke6+ Kpb8 26. Фf4+).
23. Лf7+! Kpg8 24. Лg7+! Kph8 (24... Kpf8 — 25. K:h7+)
25. Л:h7+!

Здесь черные прекратили сопротивление ввиду неизбежного мата: 25...Kpg8 26. Лg7+ Kph8 27. Фh4+ Kp:g7 28. Фh7+ Kpf8 29. Фh8+ Kpe7 30. Фg7+ Kpe8 31. Фg8+ Kpe7 32. Фf7+ Kpd8 33. Фf8+ Фе8 34. Kf7+ Kpd7 35. Фd6X.

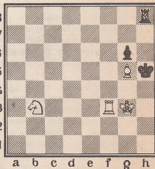
КОНКУРС

Как мы обещали, с января начинаем новый конкурс решения. Победители будут премированы шахматной литературой.

Тур первый

№ 1. Мат в 4 хода.

№ 2. Белые начинают и выигрывают.

Ответы (в этом году не самым настаивать на обязательности открыток) отправьте не позднее 15 февраля. Желаем удачи!

ЗАГАДКИ СТАРЫХ КАРТИН

Немилова И. С. Загадки старых картин.— М., Изобразительное искусство, 1989.—356 с.

Мы надеемся, что «Загадка «Ст. М.»» приохотила читателей к искусствоведческому поиску.

Исходя из этого, мы и хотим порекомендовать вам книгу, которая, на наш взгляд, поможет вам углубить свой интерес к живописи, к творческой истории тех или иных картин.

Вводя читателя в круг своих исследований, И. Немилова фактически раскрывает перед нами творческую лабораторию профессии, скрытой от большинства даже и знатоков искусства.

Чтобы определить авторство неатрибутированного полотна, ей приходилось зачастую пройти огромный путь познания, который, к сожалению, далеко не всегда приводил к желанному результату.

В то же время, следя за ходом поиска исследователя, читатель приближается к анализу стилистических особенностей манеры, своеобразия художественных подходов мастеров живописи ушедших эпох.

Нет, не случайно автор задается на страницах своей книги вопросом: чем же я все-таки занимаюсь, наукой или детективным расследованием?

«Дубинки» и «мундиры»

Гастроли известной звезды поп-музыки Сюзи Кватро проходили в Москве в конце июля прошлого года. Предвидя ажиотаж, правоохранительные органы приняли соответствующие меры для поддержания общественного порядка.

Сотруднику нашего журнала Сергею Кузнецову было поручено подготовить фоторепортаж о концерте Сюзи Кватро. Задание не обещало быть легким, но последовавшего оборота событий корреспондент уж никак не мог себе представить. Знай он заранее, какие серьезные неприятности по части наведения порядка присутствуют в зале, возможно, не пришлось бы ему через несколько дней писать заявление на имя прокурора Дзержинского района Москвы, с выдержками из которого мы и хотим вас познакомить. Итак, место действия — спорткомплекс «Олимпийский». Время действия — 28 июля.

«...Для съемки концерта журналисты расположились перед эстрадой среди публики. Через некоторое время зрители поднялись с кресел и аплодировали певице стоя. Мне тоже пришлось подняться, чтобы иметь представление о происходящем на сцене. В этот момент ко мне подошел работник милиции и крикнул: «Сидеть!» Я попытался объяснить ему ситуацию и показал аккредитационную карточку, но он с силой толкнул меня в грудь. Я еще раз попытался что-то сказать, но он еще сильнее толкнул меня. Я упал на сиденье, а милиционер, окончательно расставившись, схватил меня за рубашку и буквально сдернул с места. Рынок был настолько сильным, что рубашка треснула.

В ту же минуту рядом оказалась еще двое: другой со-

ФОТО СЕРГЕЯ ПАНИНА

трудник милиции и гражданин в штатском. До боли выкрутив мне руки за спину, они вторым поволокли меня к выходу.

На лестничном пролете между первым и вторым этажом один милиционер с криком: «Сдать аппаратуру!» — стал вырывать у меня из рук фотоаппарат. Вырвав камеру, он с силой ударил ее об стену. Я потерял материальный ущерб, поскольку камера — а она стоит три тысячи рублей — полностью вышла из строя.

Затем один из троих (с усамми) попросил своих коллег поддержать его фуражку, размахнулся и сильно ударил меня по лицу открытой ладонью. После этого удары посыпались гра-

дом — меня били по лицу и в особенности по затылку. Войдя в раж, несколько ударов уса-тый нанес кулаком. Во время избития один из милиционе-ров держал меня, заломив руки за спину.

После всего происшедшего я был доставлен в ужасном состоянии в дежурную комна-ту милиции. Голова разламывалась от боли, рубашка была порвана, воротник оторван на-чисто.

Даже в комнате милиции, нич-туть не смущаясь присутствием друзей сотрудников, уса-тый схватил меня за подбородок и, размахнувшись, два раза уда-рил меня кулаком в голову.

Наздившийся в дежурной комнате сотрудник в штатском, представившись работником городского управления МВД, потребовал от меня письменного объяснения по поводу слу-чившегося.

Я рассказал ему все, как бы-ло. Однако некоторые детали, в том числе и избитие, в объяс-нительную включены не были. Хотя я жаловался на плохое самочувствие и сильную головную боль, дознание окон-чилось только полтора часа спу-стя, после того, как я подпи-сал объяснительную записку. Я вынужден был ее подписать, так как из-за сильной боли с трудом ориентировался в про-исходящем.

После этого я в сопровожде-нии все тех же лиц был до-ставлен в 22-е отделение мили-ции. По дороге мне пришлось выслушать угрозы. Из смысла сводился к тому, что мне же бу-дет хуже, если я предприму какие-либо меры против работ-ников милиции.

В отделении меня продержали около часа в ужасном состо-янии, с сильной головной болью и тошнотой. Затем мне в шо-ковом состоянии дали подписа-ть какой-то протокол и вып-роводили на улицу.

Ожидавшие Кузнецова у двер-ей отделения милиции знако-мые, увидев, в каком он состо-янии, доставили Сергея в Ин-ститут имени Склифосовского. Тесные контакты с милицией привели его в нейрохирурги-ческое отделение, где он и про-лежал около двух недель в диа-гнозом «сотрясение головного мозга».

Согласитесь, случай исключи-тельный, не каждый день работ-ники милиции доводят сотруд-ников центральных изданий до больничной койки. Сам по себе этот факт достаточно красно-речив, он скрывает за собой целый пласт социальных отно-шений, причем отношений неблагоприятных. Поэтому автору этих строк предложили провести частное расследование происшедшего инцидента.

Трудно заниматься делом, в котором замешан один из твоих коллег, — в таких случаях все-гда существует опасность скатиться до уровня оголтелой за-щиты. Спасли положение может лишь сугубо критичное, безо всяких эмоций отношение к происшедшему. Поэтому в случае с Кузнецовым приш-лось при помощи свидетелей основательно перетряхнуть приведенное выше заявление фотокора. Такой метод незаме-дительно дал свои плоды: выяс-нились из больницы и появив-шись в редакции, Кузнецов первым делом подошел ко мне и возмущенно спросил: «Что же ты, вместо того чтобы защи-щать, «чернуху» на меня собира-ешь?»

Кое-что из «чернухи» на С. Кузнецова.

Первое, о чем забыл Сергей указать в своем заявлении: по контракту с певичей были разрешены фотосъемки первых трех песен ее программы. Куз-нецов проигнорировал это усло-вие и продолжал снимать даль-ше илл, во всяком случае, пытался это делать. В резуль-тате фотокорреспондент полу-чил несколько замечаний от одного из телохранителей Сю-зи, что, по-видимому, и послу-жило причиной усиленного внимания к нему сотрудника милиции.

Однако отметим и другое обстоятельство: в тот момент, когда милиционер подошел к Сергею, в зале продолжали съемку еще как минимум пяти-репортеров...

Не в моей компетенции выступать по данному инциденту третейским судьей. Однако остается непонятной позиция сотрудников милиции, прис-воивших себе судейские функ-ции. А о том, что они это сделали, говорит следующее:

удалившись в сопровождении милицейского «эскорта» за двер-и служебного выхода, Кузнецов был цел и невредим сам, в целости оставалась и его «оптика». Спусти несколько ча-сов он вышел из дверей друго-го служебного помещения и попал в руки друзей с сотря-сением мозга и пришедшей в негодность аппаратурой.

Пока мы рассматривали ситу-ацию в спортклубе с под одним углом зрения. Но у чи-тателя, должно быть, давно назрел вопрос — а как оцени-вает действия вышеупомянутых стражей порядка их начальст-во?

Знаюса, с непосредствен-ным руководством мне удалось побеседовать не сразу. Первым должностным лицом, согласи-вшимся ответить на мои вопро-сы, был заместитель началь-ника Главного управления внут-ренних дел Московского округа Лев Петрович Бельянский.

Увы, наша беседа особым конструктивизмом не отлича-лась. Каждый, что называется, остался при своих. Одна сторо-на придерживалась мнения, что лихие парни из ОМОНа, мягко говоря, погорячились; другая же утверждала, что Куз-нецов являет собой сложный гибрид Мюнхгаузена и унтер-офицерской вдовы.

Наверное, на этом в матери-але можно было бы поставить точку, завершив историю уже пришедшей фразой, что, мол, время нас рассудит. Однако чуть не каждый пункт беседы вырывался за рамки дилем-мы — кто виноват: Кузнецов или милиция — и затрагивал правовые проблемы, а они, как известно, касаются сегодня любого гражданина нашей стра-ны.

Одна из основных претен-зий заместителя начальника уп-равления Бельянского к Куз-нецову касалась того факта, что фотокорреспондент по сравне-нию с написанным в отделении объяснением впоследствии изме-нил свои показания.

— Очень многие так дела-ют, — заявил Лев Петрович. — На следствии говорят одно, а лишь дело доходит до суда, утверждают совсем другое и таким образом уходят от ответ-ственности.

Заместитель начальника уп-равления не скрывал, что он

отнодь не в восторге от такого положения вещей.

— Силой показания у задержанных никто не выбивает, — сказал он. — Всегда можно доискаться истины.

— Зачем ты подписал в отделе протокол и объяснительную записку, ведь их смысл существенно расходится с теми фактами, которые ты упоминаешь в заявлении прокурору, — незадолго перед разговором в ГУВД спрашивал я Кузнецова.

Сергей невесело улыбнулся: — Испугался. Я чувствовал, что они могут сделать со мной все, что захотят, — избить, оставить на пару суток в КПЗ... И ничего доказать потом я не сумею. Ощущение было такое, будто меня вдруг перенесли в 37-й год, в то жуткое время, о котором мы сейчас в газетах читаем. Страшное ощущение! Да и состояние у меня было то еще... Ты ведь сам об этом в заявлении читал...

Усомниться в искренности Сергея было трудно. Тем более сейчас, когда стали достоянием гласности очень многие противоправные действия сотрудников милиции. В моем собственном архиве на эту тему скопилось целая папка... Чего в них только нет: и фальсификация экспертиз, и использование уголовников для выбивания «чистосердечного признания», и привлечение лжесвидетелей, и подделка протоколов допросов и т. д.

Впрочем, у всех этих материалов есть одна общая черта — это абсолютная «непотопляемость» антигероев в форме. Отбирая у них в чем не повинных людей — у кого год свободы, у кого десять лет, а у кого и саму жизнь, — многие из них за свои служебные преступления отделывались либо легким испугом, либо чисто символическим наказанием, никак не соизмеримым с моральными и физическими муками своих жертв.

На этом фоне страшно даже представить ситуацию, при которой обвиняемые были бы лишены права изменить на суде свои предварительные показания (то, что благодаря подоб-

ному «либерализму» удается уходить от наказания матерым преступникам, говорит лишь о низком профессионализме следователей — ведь при нормальном, грамотном судопроизводстве обвинительное заключение все равно не может быть выстроено только на признании за собой вины подсудимым).

Но вернемся к беседе в ГУВД. В ней Лев Петрович сделал особый упор на процесс демократизации и гласности, происходящий сейчас в милиции:

— Сегодня любой, даже иностранный журналист может получить оперативную информацию и статистические данные о состоянии преступности и деятельности органов внутренних дел. А ведь совсем недавно все данные такого рода были закрыты...

Спорить я не стал, хотя и было что возразить. Все, что сказал заместитель начальника управления, было чистой правдой. Действительно, и информация теперь можно получить весьма острой, и гласность появилась, но... только не для простых смертных. Приведу пример, как говорится, по теме: пробыв несколько часов в отделе милиции Кузнецов так и не смог узнать фамилии своих обидчиков. В обращении к прокурору пришлось ограничиться чисто внешними признаками — обидел-де «усатый», а это, согласитесь, звучит не совсем серьезно.

Да и мне удалось узнать фамилии тех бравых ребят из ОМОНа лишь в кабинете Бельянского. Более того, и со Львом Петровичем я встретился не совсем по своей воле, «расследование» было начато гораздо скромнее — с начальника 22-го отделения милиции, на чьей территории и произошел инцидент с Кузнецовым.

Из отделения меня отфутовали сначала к одному милиционеру начальнику, потом к другому. Так и перекатывали в течение двух дней как бильярдный шар, пока не загляли, как в лузу, в кабинет заместителя начальника управления.

Во время беседы в кабинете ГУВД было немало сказано об объективности, с которой органы подошли к «делу Кузнецова» — по приказу министра назначили служебное расследование, не найдя криминала в действиях сотрудников ОМОНа, материалы все же не положили под сукно, а передали в прокуратуру района (Сергей, если вы помните начало материала, и сам обратился туда с жалобой). Но и эта объективность оказалась односторонней. Так, мой собеседник не выказал ни малейшего недоверия сотрудникам собственного аппарата, но в то же время поставил под сомнение компетентность врачей, зафиксировавших у Сергея Кузнецова сотрясение мозга.

Наверное, опираясь на все противоречия, прозвучавшие в нашей беседе, можно было бы резюмировать так: над аппаратом МВД все еще довлеет чувство ведомственности. Но не будем торопиться с выводами и постараемся избежать категоричности суждений.

Александр Вислав

ДОСЫЛ В НОМЕР

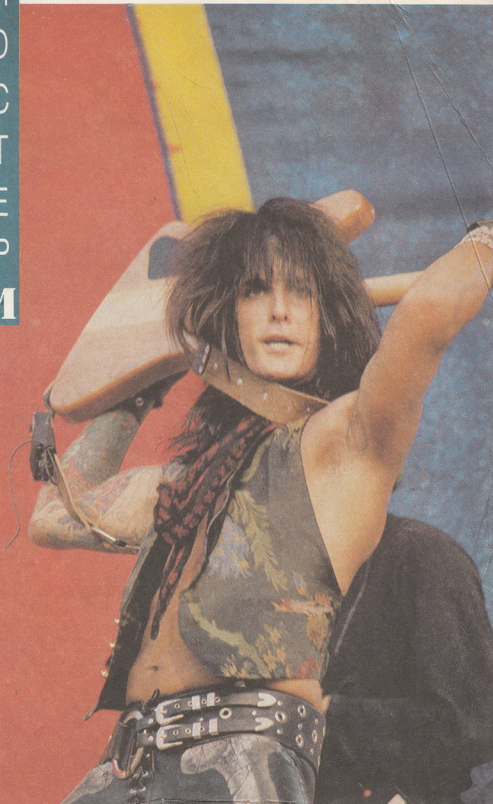
Наши постоянные читатели знают, что журнал очень страдает из-за невозможности тот же час откликнуться на какое-либо событие. Слишком длителен технологический процесс издания журнала. Когда выйдет этот номер, вполне вероятно, что правоохранительные органы тщательно расследуют случившееся, дадут нам соответствующие разъяснения. И у нас отпадет необходимость защищать сотрудника редакции посредством печатного слова.

ФОТО ЕВГЕНИЯ МАТВЕЕВА

ПОСТЕР

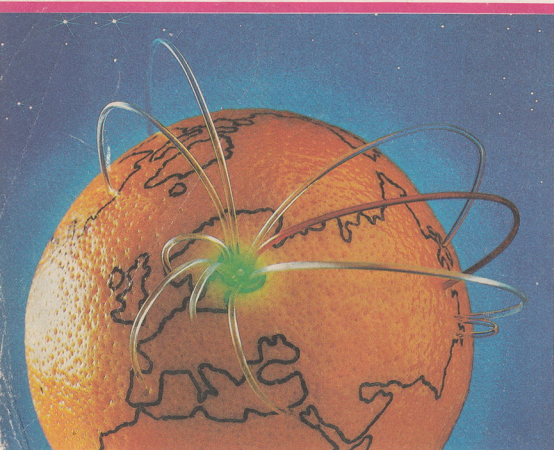
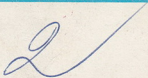
С.М

МОТЛИ КРУ

К О Н К У Р С

«Европейский дом»

Внимание! Журнал «Студенческий меридиан» начинает конкурс-марафон «Европейский дом». В течение года (№ 2, 1990 — № 2, 1991) вам, уважаемые читатели, будут предложены десятки разнообразных иллюстрированных «альтернативных» вопросов, составленных по принципу «все лишнее вычеркнуть», которые охватят многие стороны политической, экономической и культурной жизни Западной Европы.

Конкурс будет проводиться в условиях абсолютной гласности: в каждом третьем номере журнала мы будем подводить предварительные итоги и называть

«промежуточных» победителей, которые будут отмечены поощрительными призами.

Учитывая длительность конкурса, не поздно будет начать участвовать в нем с любого этапа.

Общие итоги мы подведем в № 6 за 1991 год. Победители смогут совершить увлекательные зарубежные туристические поездки.

К участию в конкурсе будут допускаться только ответы, оформленные на отрезной конкурсной странице журнала и отправленные не позднее 15-го числа следующего месяца.